

И С Т И Ш К Е В И Ч

**ПРИГОТОВЛЕНИЕ
И ПОКУШЕНИЕ
ПО УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ**

ГОСЮРИЗДАТ
МОСКВА
1 9 5 8

И. С. ТИШКЕВИЧ

343с
Т-473

217862

ПРИГОТОВЛЕНИЕ
И ПОКУШЕНИЕ
ПО СОВЕТСКОМУ
УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

(ПОНЯТИЕ И НАКАЗУЕМОСТЬ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1958

В работе И. С. Тишкевича рассматриваются вопросы понятия и наказуемости приготовления к преступлению и покушения на преступление.

Автор убедительно показывает основания наказуемости неоконченного преступного деяния. Он показывает общественную опасность лиц, которые готовятся или уже непосредственно пытаются совершить преступление, что, однако, им не удастся по причинам, от них не зависящим.

В работе излагаются основные положения учения о добровольном отказе от начатой преступной деятельности как обстоятельстве, освобождающем от уголовной ответственности.

Работа рассчитана на практических работников суда, прокуратуры, адвокатуры и милиции, а также на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических учебных заведений.

В В Е Д Е Н И Е

Уяснение сущности неоконченного преступления и его видов по степени выполнения виновным задуманного им преступного деяния имеет большое значение для правильной квалификации преступлений. Понятие неоконченного преступления конкретизирует общие основания и пределы уголовной ответственности применительно к неоконченной преступной деятельности. Между тем многие вопросы этой важной части учения о преступлении и наказании не получили должного освещения в советской уголовно-правовой литературе.

Наиболее слабо разработанным в учении о стадиях развития преступной деятельности является вопрос о наличии в приготовлении к преступлению и в покушении на преступление состава преступления. Объясняется такое положение тем, что некоторые советские криминалисты рассматривают вопросы ответственности за неоконченное преступление в отрыве от общего учения о составе преступления. Такой подход к изучению стадий преступного деяния приводит к ошибочным выводам при решении некоторых вопросов данной темы. В частности, отдельные авторы утверждают, что приготовление предшествует совершению преступления и не является началом его выполнения. Тем самым, как нам представляется, игнорируется важнейший принцип советского уголовного права, согласно которому единственным основанием уголовной ответственности является наличие в действиях привлекаемого субъекта состава преступления. По сути дела в результате такого подхода к оценке приготовительных действий из сферы применения указанного принципа изымается значительная часть уголовно-наказуемых деяний — общественно опасные приготовительные действия.

Ту же ошибку, по нашему мнению, допускают и те авторы, которые вопреки названному принципу социа-

листического уголовного права усматривают наличие неоконченного преступления в некоторых случаях обнаружения умысла, то есть при отсутствии каких-либо действий, направленных на выполнение задуманного преступления.

По многим вопросам ответственности за неоконченную преступную деятельность у советских криминалистов до сих пор нет единой точки зрения. По-разному толкуются действующие нормы советского уголовного права о понятии и наказуемости отдельных стадий совершения преступного деяния. Нет также единства мнений и по вопросу о том, нуждаются ли эти нормы в тех или иных изменениях, не следует ли вообще отказаться от конструкции ответственности за неоконченное преступление, принятой действующими общесоюзными «Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и уголовными кодексами союзных республик, и заменить ее какой-либо другой конструкцией.

По некоторым вопросам учения о стадиях совершения преступления отдельными криминалистами, как нам кажется, отстаиваются устаревшие, надуманные положения, не соответствующие потребностям советской судебной практики и нередко идущие вразрез с задачей укрепления социалистической законности.

Вследствие недостаточной теоретической разработки вопросов ответственности за приготовление и покушение у многих работников суда и прокуратуры до сих пор нет достаточно четкого представления о сущности и отличительных признаках неоконченного преступления и его стадий.

В судебной практике все еще встречаются случаи ошибочной квалификации преступления, связанные с неправильным установлением стадии его совершения. Это зачастую влечет за собой назначение наказания, несоответствующего степени общественной опасности совершенного преступного деяния. Имеются случаи неосновательного исключения уголовной ответственности вследствие ошибочного отрицания наличия общественной опасности в действиях виновного, в частности, в результате неправильного усмотрения в его поведении добровольного отказа от продолжения начатого преступления.

Встречаются также случаи, когда отдельные суды осу-

ждают за неоконченное преступление на основании одного лишь предположения о наличии у подсудимого умысла на выполнение соответствующего преступного деяния. Основанием ответственности в подобных случаях суды ошибочно часто считают то, что действия лица внешне напоминают приготовление или покушение на то или иное преступление. Такие ошибки приводят к грубым нарушениям охраняемых законом прав и интересов советских граждан, так как нарушается основной принцип социалистического права—допустимость привлечения к уголовной ответственности только при наличии в действиях лица предусмотренного законом состава преступления.

Некоторые практические работники забывают о том, что при предъявлении обвинения в неоконченном преступлении (приготовлении и покушении) нужна особая осторожность и внимательность, так как нередко по своим внешним чертам эти преступные действия сходны с непроступными. В этих случаях одинаково нетерпимыми являются как привлечение невиновного к уголовной ответственности, так и освобождение от нее лица, действительно совершившего общественно опасное, уголовно-наказуемое действие (приготовление или покушение).

По указанным причинам дальнейшее теоретическое исследование понятия неоконченного преступного деяния и критериев, которыми должны руководствоваться суды при определении наказания за такие преступления, является актуальным и необходимым.

Разработка этих вопросов становится особенно важной в свете проводимых партией и правительством мероприятий по дальнейшему укреплению социалистической законности. Решения XX съезда КПСС по вопросам законности обязывают советских криминалистов к глубокому и всестороннему исследованию оснований уголовной ответственности, в том числе оснований, условий и пределов наказуемости неоконченной преступной деятельности. Этого настоятельно требуют интересы улучшения работы судебно-прокурорских органов и усиления правовых гарантий охраны личности.

Правильное понимание работниками органов суда и прокуратуры института ответственности за приготовление к преступлению и покушение на преступление является необходимым условием строжайшего соблюдения социалистической законности в отправлении правосудия.

Весьма важно, чтобы практические работники имели четкое представление о различии между окончанным и неоконченным преступлением, между ненаказуемым обнаружением умысла и наказуемым при определенных условиях приготовлением, об отличии приготовления от покушения, об обстоятельствах, учитываемых при определении наказания за неоконченную преступную деятельность, о сущности добровольного отказа и деятельного раскаяния. Правильное уяснение этих вопросов сократило бы до минимума судебные ошибки; возможные при осуждении за приготовление и покушение.

Исследование института ответственности за неоконченное преступление приобретает актуальное значение также и в связи с подготовкой проектов новых общесоюзных Основных начал уголовного законодательства и новых уголовных кодексов союзных республик. Как учеными, так и практическими работниками были внесены различные предложения о необходимости существенного изменения ныне действующей конструкции ответственности за приготовление к преступлению, а также высказаны некоторые соображения, касающиеся вопроса ответственности за покушение на преступление. Обсуждение в литературе этих предложений поможет более правильно решить вопрос о том, каково должно быть содержание норм об ответственности за неоконченную преступную деятельность в новом уголовном законодательстве.

Необходимость тщательного исследования проблемы ответственности за неоконченное преступление непосредственно вытекает из общего смысла Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». В соответствии с этим Указом уголовная ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления должна быть заменена мерами административного и дисциплинарного порядка, что частично уже проведено в жизнь. В этом аспекте весьма важное значение приобретает вопрос о наказуемости приготовления, о пределах уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность. Иными словами, большую актуальность приобретает вопрос о разграничении наказуемой и ненаказуемой деятельности лица, намеренного совершить преступление и в связи с этим предпринимающего те или иные действия.

Глава первая

ОСНОВАНИЯ НАКАЗУЕМОСТИ И ПОНЯТИЕ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Основания уголовной ответственности за неоконченное преступление

Единственным основанием уголовной ответственности по советскому уголовному праву является наличие в действиях привлекаемого лица состава преступления. Этот важнейший принцип сохраняет свою силу для всех случаев уголовного осуждения.

Не является исключением и применение уголовного закона по аналогии (ст. 16 УК¹), а также наказуемость неоконченного преступления (ст. 19 УК).

Применить по аналогии статью Особенной части уголовного кодекса можно лишь тогда, когда совершенное деяние является сходным по основным, главным признакам и по степени общественной опасности с тем преступлением, которое предусмотрено применяемой по аналогии статьей. Иными словами, действия субъекта должны содержать в себе большинство признаков состава указанного преступления и лишь некоторые из них могут быть восполнены путем аналогии².

¹ Ссылаясь на статьи уголовного кодекса, мы имеем в виду, если иное не оговорено, Уголовный кодекс РСФСР, а также и соответствующие статьи одноименных кодексов других союзных республик.

² Мы полагаем, что институт аналогии должен быть исключен из советского уголовного права, как это сделано в большинстве зарубежных социалистических стран. По этому вопросу мы полностью согласны с соображениями, высказанными А. А. Пионтковским (см. „Социалистическая законность“ 1954 г. № 1, стр. 28—30). Как известно, на VI конгрессе Международной ассоциации юристов-демократов было достигнуто соглашение о том, что в интересах охраны прав личности следует отказаться от аналогии: „Не может быть признано преступным деяние, не предусмотренное законом“ („Социалистическая законность“ 1956 г. № 8, стр. 54).

Принцип наказуемости лишь тех действий, которые содержат в себе состав преступления, сохраняет свою силу и в случаях привлечения к уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность. Правильно указывает В. М. Чхиквадзе; «Советское уголовное право признает наличие состава преступления не только в оконченных преступлениях, но также и в покушении на преступление или в приготовлении к совершению преступления»¹. Привлечение к ответственности за неоконченную преступную деятельность имеет лишь ту особенность, что для уголовного осуждения в этих случаях необходимо и достаточно, чтобы виновный частично выполнил состав того или иного конкретного преступления. Ответственность за такое частичное осуществление состава преступления специально оговорена в законе (ст. 11 Основных начал, ст. 19 УК).

В рамках состава преступления теория советского уголовного права, в соответствии с законом, различает объективное и субъективное условия уголовной ответственности. Первым является совершение общественно опасного действия или бездействия, вторым — вина. Эти условия имеются налицо и в случае, когда совершение преступления не доводится до конца по причинам, не зависящим от воли виновного.

Объективное условие уголовной ответственности сформулировано в ст. 6 УК. Согласно этой статье уголовно-наказуемым деянием признается лишь общественно опасное действие или бездействие, посягающее на основы советского строя или нарушающее социалистический правопорядок.

Из смысла ст. 6 УК вытекает, что общественная опасность преступления, независимо от стадии его совершения, состоит в том, что оно в той или иной мере причиняет реальный ущерб социалистическим общественным отношениям или ставит последние в опасность причинения такого ущерба.

Аналогичные указания содержат также уголовные кодексы зарубежных социалистических стран. В ст. 3 УК Народной Республики Болгарии указывается, что общественно опасным является деяние, создающее угрозу

¹ В. М. Чхиквадзе, Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве, „Советское государство и право“ 1955 г. № 4, стр. 55.

или причиняющее вред государственному устройству или общественному строю Народной Республики или установленному в ней правопорядку.

Таким образом, согласно нормам социалистического уголовного права объективное условие уголовной ответственности имеется налицо во всех тех случаях, когда субъектом совершены общественно опасные действия, направленные на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям, хотя бы такой ущерб в действительности и не имел места.

Опасность оконченного преступления, как правило, заключается в причинении ущерба объектам, находящимся под уголовно-правовой охраной. Мы говорим «как правило» потому, что некоторые преступления могут быть признаны оконченными и при отсутствии вредных последствий.

Вопрос этот имеет большое значение для правильного обоснования ответственности за оконченное и неоконченное преступление. Поэтому на нем следует остановиться несколько подробнее.

Наступление определенных, указанных в законе общественно опасных последствий является необходимым элементом состава лишь части преступлений, которые в связи с этим могут быть названы результатными преступлениями (убийство, телесные повреждения, кража, уничтожение и повреждение имущества и др.). Характерной особенностью этих преступлений является то, что для признания их оконченными требуется, чтобы объекту посягательства был причинен определенный ущерб, который в связи с этим включается в число элементов объективной стороны соответствующего преступного деяния. Действия, совершенные с целью причинения указанного ущерба, но не повлекшие его наступления, признаются неоконченным преступлением.

Однако опасность многих оконченных преступлений может выразиться не только в причинении ущерба правоохраненным объектам, но и в поставлении их в опасность причинения вреда. Эти преступления, признаваемые оконченными независимо от наступления или ненаступления вредных последствий, мы будем называть фактультативными (дезертирство, вымогательство, понуждение женщины к вступлению в половую связь с использованием служебной или матери-

альной зависимости потерпевшей и др.). Такое название, как нам кажется, наиболее соответствует особенностям этой группы преступных деяний. Они не могут быть названы безрезультатными, так как вредные последствия при их совершении могут иметь место. Отличительной особенностью этих преступлений является не отсутствие общественно опасных последствий, а невключение последних в число необходимых элементов объективной стороны соответствующих преступных деяний.

Специальным видом факультативно-результатных преступлений являются так называемые «усеченные» составы преступлений, характеризующиеся тем, что в них момент окончания преступления перенесен законодателем на стадию покушения или даже приготовления, то есть описанная в законе объективная сторона преступления оказывается как бы несколько «усеченной». К числу подобных преступлений могут быть отнесены такие составы как создание контрреволюционной организации и вступление в нее, бандитизм, разбой и т. п. Для признания таких деяний оконченными не требуется даже полного совершения преступного действия, могущего причинить общественно опасный результат. Иными словами, могут отсутствовать не только последствия, но и некоторые звенья преступного действия. Это не означает, разумеется, что преступления с «усеченным» составом лишены вредных последствий. Отличительной особенностью этих преступлений является не отсутствие общественно опасных последствий, а то, что деяние признается оконченным не только в случаях причинения ущерба объекту посягательства, но даже и в случаях, когда объект только поставлен в опасность причинения ущерба.

Для обозначения первых двух категорий преступлений в теории уголовного права обычно пользуются терминами «материальные» и «формальные» преступные деяния. Хотя эти наименования прочно вошли в юридическую терминологию, их нельзя признать удачными. В литературе неоднократно указывалось на неправильность этих терминов и на необходимость отказаться от их употребления. Однако обойтись без сокращенных наименований соответствующих категорий составов преступлений трудно. Даже те авторы, которые признают термины «формальные», «материальные» и «усеченные» составы явно неудачными и неприемлемыми, вынуждены

ими пользоваться за отсутствием других, более точных. Так, например, Н. Д. Дурманов предложил пользоваться вместо этих терминов описательным наименованием соответствующих групп преступлений¹. Каждое из этих наименований является весьма громоздким. Не удивительно, что Н. Д. Дурманов сам не стал ими пользоваться, прибегая к «явно неудачным», но зато кратким терминам — «формальные» и «усеченные» составы².

Интересные соображения по этому вопросу высказаны немецким криминалистом Иоахимом Реннебергом, который различает следующие два основных вида конструкции состава преступления: простые «преступления совершения» (*Begehungsverbrechen*) и «преступления, связанные с последствием» (*Erfolgsverbrechen*). Простые «преступления совершения» определяются И. Реннебергом как «такие преступления, при которых посягательство на объект осуществляется непосредственно самим действием, характеризуемым в качестве преступного в составе преступления, предусмотренном уголовно-правовой нормой, независимо от того, влечет ли это действие и в какой степени определенные общественно опасные последствия...»³. Состав подобных преступлений признается выполненным полностью с момента осуществления указанного в законе действия или неосуществления той деятельности, которую преступник был обязан совершить. Преступлениями, связанными с последствием, И. Реннеберг считает «преступления, при которых объекту наносится ущерб путем причинения совершенно определенного вреда предмету преступления и это общественно опасное последствие предусмотрено в законном составе преступления в качестве особого признака преступления»⁴. Эти преступления И. Реннеберг

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 42.

² См. там же, стр. 44, 46, 48, 49, 56, 57, 59, 60, 62, 100.

³ Иоахим Реннеберг, Объективная сторона преступления, М., 1957, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 42—43. В приведенном определении результатного преступления И. Реннеберг, как правильно отмечает Н. В. Лясс в своей рецензии на его книгу, допускает неточность: вред причиняется не предмету преступления, а объекту посягательства (см. Н. В. Лясс, Рецензия на книгу И. Реннеберга „Die objektive Seite des Vergehens“, Берлин, 1955, „Вестник Ленинградского университета“, 1956, серия экономики, философии и права, вып. 1, № 5, стр. 133).

считает оконченными лишь в случае причинения действиями преступника указанного в законе результата.

Следует согласиться с кандидатом юридических наук Н. В. Лясс, что предлагаемая доктором И. Реннебергом терминология более удачна, чем используемые в теории советского уголовного права обозначения соответствующих составов как «материальных», «формальных» и «усеченных». Однако мы полагаем, что вместо термина «простые преступления совершения» лучше пользоваться более понятным названием: факультативно-результатные преступления. Если мы называем результатными такие преступления, для признания которых окончательным обязательно наступление результата, то преступления, для выполнения которых определенные последствия не обязательны (факультативны), с целью противопоставления первой группе целесообразно назвать факультативно-результатными.

Что касается понятия «усеченных» составов, то оно должно быть сохранено. - Данное название, по нашему мнению, неплохо отражает сущность соответствующей группы преступных деяний и прочно вошло в юридическую терминологию.

Рассмотрение разнообразных конструкций составов оконченных преступлений наглядно показывает, что общественная опасность подобных деяний может выражаться не только в причинении общественно опасных последствий, но и в совершении действий, направленных на причинение таких последствий, но этой цели не достигших.

Что же касается неоконченного преступления, то его общественная опасность заключается, как правило, в поставлении правовых объектов в опасность причинения ущерба, в создании реальной угрозы социалистическим общественным отношениям. При этом это вовсе не означает, что при неоконченном преступлении всегда отсутствуют вредные последствия. Такие последствия могут иметь место (например, при покушении на убийство — телесные повреждения). Необходимым признаком неоконченного результатного преступления является не отсутствие общественно опасных последствий вообще, а ненаступление предусмотренного законом для данного преступления определенного результата.

Неоконченная преступная деятельность ставит социа-

листические общественные отношения в опасность причинения им ущерба или потому, что она непосредственно сама по себе могла причинить общественно опасный результат (если бы предположение преступника о возможности его наступления оправдалось), или потому, что совершенные преступником действия являются началом деятельности, которая (если бы преступнику ничто не помешало ее окончить) привела бы в конечном итоге к наступлению вредных последствий.)

Опасность тех неоконченных преступлений, которые с объективной стороны характеризуются совершением действий, достаточных при определенных условиях для причинения преступного результата, очевидна. Например, преступник, произведший выстрел с целью убийства кого-то и не попавший или только легко ранивший, мог бы причинить смерть, если бы лучше прицелился. Опасность подобного рода неоконченного преступления, создание им угрозы для правоохраненных объектов имеют место независимо от того, могли ли совершенные субъектом действия вызвать наступление общественно опасного результата в данном конкретном случае. Поскольку общественно опасные последствия не наступили лишь по причинам, не зависящим от воли преступника, уголовная ответственность за подобные действия не может быть исключена.

Сложнее обстоит дело с обоснованием ответственности в случаях, когда виновным совершена лишь часть тех действий, которые в своей совокупности могли бы вызвать наступление вредных последствий. Опасность такого неоконченного преступления заключается в том, что субъект уже приступил к выполнению деяния, направленного на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Ущерб этим отношениям мог быть причинен, если бы виновному ничто не помешало довести до конца задуманное преступление. Лишь вследствие случайных, не зависящих от его воли обстоятельств субъект прерывает свою преступную деятельность на стадии, когда совершены еще не все действия, необходимые для причинения результата. Например, преступник приобретает оружие с целью убийства. Это действие само по себе не может причинить смерть другому лицу. Субъект еще не начал выполнять деяние, могущее вызвать наступление этого последствия; он лишь

приготовился к его причинению. Однако, несмотря на это, действия виновного являются общественно опасными, ибо он намеревался убить человека и уже приступил к осуществлению задуманного. Он мог довести преступление до конца, если бы этому не помешали независимые от его воли обстоятельства. Следовательно, приобретение оружия является в данном случае началом деятельности, которая, будучи завершённой, могла бы в конечном итоге привести к наступлению смерти другого лица.

Было бы большой ошибкой рассматривать приобретение оружия само по себе, в отрыве от той цели, для достижения которой это оружие приобреталось. Приискание оружия и последующее его использование для причинения смерти другому лицу являются частями одного и того же преступного деяния. Поэтому сущность и степень опасности приобретения оружия может быть установлена на основании учёта той цели, которую преступник преследовал, опасности того преступления, которое могло быть совершено виновным, если бы ничто не препятствовало дальнейшему развитию его преступной деятельности.

Конечно во всех случаях—и при оконченном преступлении и при приготовлении и покушении на него—лицо отвечает только за те действия, которые оно уже совершило. Нельзя наказывать субъекта за то, что он намерен был сделать в будущем. Однако это не означает, что не должен учитываться характер тех действий, которые могли быть совершены, если бы преступнику удалось закончить начатое преступление. Сущность неоконченного преступления в том и заключается, что оно является не доведённой до конца деятельностью, предпринятой с целью совершения конкретного преступления. Поскольку приготовление и покушение являются началом определённой преступной деятельности, не доведённой до конца при наличии у субъекта желания ее окончить, необходимо учитывать опасность всего совершаемого преступления в целом. Только таким путем можно правильно определить характер и степень опасности действий, в которых выразилось начатое преступление,—действий, за совершение которых лицо и подлежит уголовной ответственности.

Однако, по нашему мнению, для привлечения к уголовной ответственности за неоконченное преступление не

требуется специально доказывать факт, что при отсутствии обстоятельств, препятствовавших доведению преступления до конца, последнее непременно было бы совершено и причинило бы ущерб социалистическим общественным отношениям.

Таковую трактовку неоконченного преступления дает Н. Ф. Кузнецова¹, а в отношении приготовительных действий—также и Н. Д. Дурманов². Указанные авторы не учитывают, по-видимому, что подобное понимание неоконченного преступления может привести к невозможности привлечения к уголовной ответственности за всякое приготовление и многие случаи покушения. Как опровергнуть заявление виновного, что он возможно впоследствии добровольно отказался бы от дальнейшего совершения преступления, если из такого предположения исходит сам законодатель, создавая институт добровольного отказа (ч. 2 ст. 19 УК)? Нельзя ведь считать лицо, начавшее совершение преступления, обреченным на выполнение окончательного преступного деяния. Преступные наклонности не являются прирожденными, и субъект может передумать, отказаться от продолжения начатого преступления.

По нашему мнению, следственные и судебные органы не обязаны вникать в то, что произошло бы потом, исключается ли возможность добровольного отказа в будущем или нет. Важно лишь установить, что преступление было прервано в стадии приготовления или покушения по независящим от воли преступника обстоятельствам, вопреки имевшемуся у него в момент раскрытия преступления намерению довести преступление до конца и тем самым причинить ущерб правоохраняемым объектам. В момент задержания каждый преступник готов «добровольно» отказаться от дальнейшего продолжения преступления, поскольку такое продолжение стало объективно невозможным. Судебная практика показывает, что субъект, совершивший неоконченное преступление, для избежания уголовной ответственности нередко заявляет, что он намерен был сам прекратить соверше-

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, Советское государство и право" 1955 г. № 5, стр. 117.

² См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 91.

ние задуманного преступления, но в этот момент был задержан.

В этом отношении характерно дело К., который обвинялся в том, что он выставил окно склада с целью хищения продуктов. На суде К. это обстоятельство подтвердил, но добавил, что от кражи оң отказался. Суд счел это родословное заявление достаточным доказательством наличия добровольного отказа и вынес оправдательный приговор. По протесту прокурора района приговор был отменен¹.

Совершение общественно опасного действия (бездействия) может быть признано по социалистическому уголовному праву преступлением (оконченным или неоконченным) и влечь применение мер уголовной репрессии лишь в тех случаях, когда субъект действовал виновно. Признание вины субъективным условием уголовной ответственности нашло прямое выражение в социалистическом уголовном законодательстве (ст. 2 УК Народной Республики Болгарии, § 2 УК Чехословацкой Республики и соответствующие статьи уголовных кодексов других социалистических государств).

При совершении действий, образующих неоконченное преступление, вина заключается в том, что субъект сознательно направляет свои действия против социалистических общественных отношений, предвидит возможность причинения этим отношениям ущерба и желает его наступления. Совершение субъектом неоконченного преступления свидетельствует о том, что он из чувства классовой ненависти к советскому государству или под влиянием пережитков капитализма в его сознании намерен был подорвать основы советского строя или нарушить социалистический правопорядок, но не достиг этой цели по причинам, не зависящим от его воли. Наличие воли, сознательно направленной на совершение оконченого преступления и на причинение этим преступлением ущерба социалистическим общественным отношениям, и является субъективным условием уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность. Направленность воли на совершение общественно опасного деяния свидетельствует об общественной опасности как действий, образующих неоконченное преступление, так и субъекта,

¹ См. „Социалистическая законность“ 1948 г. № 3, стр. 13—14.

совершившего эти действия. Говоря об основаниях наказуемости не достигшего цели деяния, К. Маркс указывал: «Всякий факт, которому помешали осуществиться, остаётся только намерением, но разве это устраняет ответственность за него перед судом? Во всяком случае очень своеобразна была бы та добродетель, которая стала бы искать оправдание своих поступков в случайностях, расстроивших их осуществление, *не давших* им претвориться в какое-либо действие и превративших их в простое намерение»¹.

21786a

Кроме общественной опасности и виновности, деяние для признания его неоконченным преступлением должно быть противоправным и посягать на определенный объект, находящийся под уголовно-правовой охраной. Это вытекает из того, что не может быть признано общественно опасным деяние, не направленное на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям, как не может быть признано виновным (в уголовно-правовом смысле) действие, не предусмотренное в качестве наказуемого в Особенной части уголовного кодекса.

Являясь по своим объективным и субъективным свойствам деяниями общественно опасными, содержащими признаки преступных посягательств на охраняемые правом интересы, неоконченные преступления становятся объектом карательной деятельности социалистического государства. При этом применение наказания за неоконченное преступление преследует ту же цель, что и применение наказания за совершение окончанных преступлений.)

Этой целью является, как указывается в ст. 3 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, не только наказание преступников, но и их исправление и перевоспитание. Согласно ст. 9 УК меры наказания за преступление (в том числе неоконченное) применяются для того, чтобы: а) предупредить совершение осужденным новых преступлений, б) оказать предупредительное воздействие на других неустойчивых членов общества, могущих совершить преступление, и в) приспособить лицо, совершившее преступление, к условиям

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 177.

социалистического общежития, перевоспитать преступника.

Аналогично определяются цели наказания в уголовном законодательстве социалистических зарубежных стран. Так, в ст. 15 УК Народной Республики Албании указывается: «Наказание является принудительной мерой, преследующей цели:

а) наказать виновного и помешать ему совершать новые преступления;

б) воспитать и исправить лицо, совершившее преступление;

в) оказать воздействие на неустойчивых членов общества».

Применение наказания не только за оконченные, но и за неоконченные преступления позволяет органам социалистического правосудия лучше выполнять стоящие перед ними задачи по общему и специальному предупреждению преступлений.

Наказуемость неоконченной преступной деятельности усиливает общепредупредительное воздействие угрозы наказанием. Лица, предполагающие совершить преступление, скорее могут отказаться от осуществления своего преступного намерения, если они знают, что и в случае неполного или неудачного совершения преступления им грозит наказание.

Применение наказания к лицу, совершившему неоконченное преступление, диктуется также задачей специального (частного) предупреждения, ибо ясно, что это лицо и в будущем может повторить попытку совершения данного или другого преступления и поэтому нуждается в перевоспитании и исправлении. С. П. Мокринский правильно указывал, что «...отказ от принятия уголовных мер против предварительной преступной деятельности был бы равносителен государственному страхованию преступности от безуспешности преступных авантур»¹.

Объявляя наказуемой неоконченную преступную деятельность, советское государство дает отрицательную морально-политическую оценку всякому преступлению независимо от того, на какой стадии своего развития оно было пресечено. Преступником признается не только ли-

---

¹ С. П. Мокринский, Покушение и приготовление в советском праве, „Советское право“ 1927 г. № 1(25), стр. 57.

цо, окончившее преступление, но и такое лицо, которое уже вступило на путь совершения преступления, хотя бы и не довело его до конца по независящим от виновного обстоятельствам. Благодаря этому нормы, объявляющие наказуемым неоконченное преступление, имеют большое воспитательное значение.

Как правильно указывает Н. Д. Дурманов, наказуемость неоконченной преступной деятельности способствует созданию атмосферы неотвратимости наказания и является одним из необходимых условий создания такого положения, чтобы ни один случай совершения общественно опасного преступного деяния не оставался без соответствующего воздействия. Такое создание атмосферы неотвратимости наказания особенно важно для усиления борьбы с наиболее опасными преступлениями. Именно при совершении этих преступлений преимущественно и наказываются приготовление и покушение¹.

Таким образом, наказуемость неоконченных преступлений устанавливается в советском уголовном праве в интересах охраны социалистических общественных отношений. Наказуемость неоконченного преступления является одним из проявлений активной служебной роли советского уголовного права, имеющего своей задачей всемерную охрану социалистического государственного и общественного строя от преступных посягательств. Благодаря наказуемости приготовления и покушения карательные органы получают возможность пресекать преступную деятельность на ранних стадиях ее совершения и тем самым в ряде случаев предотвращать ее тяжелые последствия для охраняемых советским уголовным правом объектов. Эта возможность реализуется путем обеспечения надлежащей охраны объектов социалистической собственности, строгого и постоянного контроля за соблюдением социалистической законности всеми учреждениями, предприятиями и организациями, борьбы с ротозейством, благодушием, беспечностью и тому подобными явлениями, способствующими совершению преступлений.

При активной помощи трудящихся органы государства во многих случаях пресекают на ранних стадиях такие тяжкие преступные деяния, как государственные пре-

---

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 7.

ступления, хищения государственного и общественного имущества, преступные посягательства на личность и личную собственность и др.

При этом мы отнюдь не думаем утверждать, что применение наказания за приготовление и покушение имеет назначением обеспечение борьбы именно с приготовлением и покушением на преступление, в чем обвиняет нас и некоторых других авторов Н. Д. Дурманов¹.

Критикуя авторов; полагающих, что наказуемость неоконченной преступной деятельности позволяет пресекать преступления на их ранних стадиях и тем самым предотвращать причинение этими преступлениями ущерба социалистическим общественным отношениям, Н. Д. Дурманов необоснованно упрекает этих авторов в том, что они «видимо, забывают, что ни один преступник не намеревается ограничиться только приготовлением или покушением, а всегда имеет в виду совершить оконченное преступление. . . наказание, применяемое к виновному в совершении приготовления или покушения, не может ни пресекать данного, уже имевшего место приготовления и покушения, ни предотвращать совершение другими лицами или этим же преступником именно приготовления или покушения»². Но этого никто и никогда не утверждал. Разве не ясно, что пресечение преступления на его ранних стадиях (то есть в стадии приготовления или покушения) означает не борьбу «именно с приготовлением или покушением», а пресечение совершения окончанных преступлений путем лишения преступника возможности продолжения начатого общественно опасного деяния и предотвращения тем самым причинения ущерба социалистическим общественным отношениям. Ведь не приготовление и покушение может причинить такой ущерб. Предотвратить этот ущерб — значит пресечь совершение преступления на его ранней стадии, не дать ему развиться в оконченное преступное деяние, предотвратить его выполнение.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: основания наказуемости неоконченного преступления такие же, как и оконченного. Согласно советскому уголовному праву привлечение к уголовной ответственности

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву⁹ М., 1955, стр. 7—8.

² Там же, стр. 8.

сти может иметь место лишь в случаях наличия в действиях лица состава преступления, который должен быть выполнен полностью или хотя бы частично. Состав предусмотренного в уголовном законе преступления—единственное основание уголовной ответственности по социалистическому уголовному праву. В этом находит одно из своих проявлений принцип социалистической законности в отправлении правосудия.

§ 2. Общее понятие неоконченного преступления и его отличие от оконченного преступления

Признание состава преступления основанием уголовной ответственности означает, что эта ответственность может наступить лишь в случае совершения надлежащим субъектом виновного и уголовно-наказуемого общественно опасного действия или бездействия, направленного на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Для наличия состава преступления, как оконченного, так и неоконченного, совершенное деяние обязательно должно содержать в себе четыре группы элементов (признаков), соответственно характеризующих объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону данного преступления. При этом степень выполнения состава преступления на разных стадиях его совершения является неодинаковой. В неоконченной преступной деятельности некоторые из элементов состава получают неполное воплощение. Поэтому теория советского уголовного права должна установить, в чем заключается сходство и различие между оконченным и неоконченным преступлением, а также между стадиями неоконченного преступления (приготовлением и покушением) с точки зрения наличия или отсутствия элементов состава преступления.

Из материального определения преступления, данного в ст. 6 УК, непосредственно вытекает, что не может быть признано преступным и уголовно-наказуемым деяние, не направленное на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Применительно к конкретным видам преступлений направленность действий лица на причинение вреда определенному объекту, находящемуся под уголовно-правовой охраной, является в одинаковой мере необходимым признаком как окончен-

ного, так и неоконченного преступления. Различий по объекту между ними нет и быть не может, ибо отсутствие элементов состава, характеризующих объект, влечет за собой отсутствие всего состава данного преступления в целом. Так же обстоит дело и с элементами состава, характеризующими субъект и субъективную сторону преступления. Отсутствие хотя бы одного из признаков, необходимых для привлечения к ответственности за данный вид преступления, полностью устраняет такую ответственность. Единственным исключением из этого правила является квалификация в качестве приготовления к преступлению и удушенных подстрекательства и пособничества, которые, подобно всякому подстрекательству и пособничеству, могут быть совершены любым вменяемым лицом, достигшим определенного возраста, в отношении всякого умышленного преступления, в том числе и такого, исполнителем которого по закону может быть лишь так называемый специальный субъект. 1

Что касается элементов состава, характеризующих объективную сторону преступления, то они по своему значению для решения вопроса о возможности привлечения субъекта к уголовной ответственности могут быть разделены на две группы:

- а) элементы, отсутствие которых устраняет уголовную ответственность, и
- б) элементы, отсутствие которых при совершении соответствующих умышленных преступлений не устраняет ответственности за данное конкретное преступное деяние, а лишь делает невозможным вменение в вину действующему субъекту выполнения состава оконченного преступления. Ответственность в подобных случаях наступает за неоконченное преступное деяние.

К первой группе должны быть отнесены такие элементы объективной стороны преступления, как действие или бездействие.

1) Действие или бездействие, направленное на выполнение состава соответствующего преступления, является необходимым элементом как оконченного, так и неоконченного преступного деяния. Разница здесь состоит лишь в том, что для наличия оконченного преступления требуется, чтобы субъектом были совершены все действия, входящие в объективную сторону преступления, а для выполнения неоконченного преступного деяния достаточно

совершения хотя бы части этих действий. В тех случаях, когда законодатель включает в число элементов состава соответствующего преступления также время, место и способ действия, они должны быть налицо при совершении как оконченного, так и неоконченного преступления. Так, для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 175 УК, необходимо, чтобы умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего отдельным лицам, было совершено путем поджога, затопления или каким-либо иным общеопасным способом. В равной мере и для наличия состава неоконченного преступления при совершении данного общественно опасного действия необходимо, чтобы виновный готовился или уже пытался истребить или повредить имущество именно общеопасным способом.

Ко второй группе элементов объективной стороны преступления относятся общественно опасный результат, если он включен в состав преступления в качестве его необходимого признака, и отдельные звенья преступного действия. Неполное совершение действий, необходимых для выполнения преступления, или ненаступление преступного результата не исключают ответственности за данное преступление. Субъект в таких случаях подвергается наказанию за частичное выполнение состава преступления, то есть за неоконченную преступную деятельность. Последняя отличается от оконченного преступления лишь степенью осуществления преступного намерения, степенью развития объективной стороны преступного деяния.

При совершении неоконченного преступления объективная сторона не получает полного развития из-за отсутствия некоторых ее признаков. Получается как бы пробел в составе—отсутствие некоторых признаков состава при наличии всех остальных.

Обычно принято считать, что пробел в составе имеется в случаях, когда отсутствие одного из признаков состава влечет за собой отсутствие других и всего состава преступления в целом. Понятие пробела в составе противопоставляется случаям покушения. Такую точку зрения высказали, например, А. Н. Трайнин¹ и

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 297.

Н. В. Лясс¹. Между тем ясно, что именно в приготовлении и покушении имеется пробел в составе. Только о неоконченном преступлении можно сказать, что в нем отсутствуют некоторые элементы состава при наличии всех остальных. В случаях же, о которых говорится в названных работах А. Н. Трайнина и Н. В. Лясс имеется не пробел в составе, а отсутствие состава в целом. Ставить иначе вопрос — значит забывать о диалектическом единстве объективных и субъективных признаков преступления. Преступление не может иметь места, если отсутствует хотя бы один из следующих элементов состава: а) общественно опасное действие (или бездействие), б) его направленность на определенный объект, находящийся под уголовно-правовой охраной, в) совершение этого действия вменяемым, обладающим определенными признаками субъектом и г) наличие в его действиях вины. Могут отсутствовать лишь последствия и некоторые звенья самого преступного действия, в результате чего и образуется пробел в составе.

Нельзя согласиться с Н. Д. Дурмановым, утверждающим, что преступление в стадии покушения или приготовления «содержит все признаки состава преступления». Подобное решение вопроса о соотношении понятий неоконченного преступления и состава преступления может содействовать еще большему распространению глубоко ошибочного взгляда о том, будто наше уголовное законодательство не проводит различия между окончанным и неоконченным преступлением, между приготовлением и покушением. Интересы укрепления социалистической законности требуют, чтобы каждый работник суда и прокуратуры твердо усвоил, что приготовление и покушение лишь частично выполняют состав того или иного конкретного преступления, предусмотренного в статье Особенной части уголовного кодекса, что влечет за собой, как правило, менее суровое наказание, чем за окончанное преступление. Не случайно Н. Д. Дурманов неоднократно указывает, что для приготовления и покушения характерно отсутствие некоторых элементов со-

¹ См. Н. В. Лясс, Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения, «Ученые записки ЛГУ», 1956, Вопросы уголовного права и процесса, вып. 8, № 20, стр. 60.

² Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 31.

става преступления вследствие неполного развития его объективной стороны.¹ Задача теории советского уголовного права показать, какие элементы состава в приготовлении и покушении должны быть налицо, а какие могут отсутствовать, каково различие в этом отношении между отдельными стадиями преступления и в какой мере это должно учитываться при определении наказания.]

Усматривая наличие всех признаков состава преступления в приготовлении и покушении, Н. Д. Дурманов предлагает уточнить определение состава преступления путем указания на то, что «понятие состава включает признаки, обрисованные не только в статье Особенной части советского уголовного закона, но и в соответствующих статьях Общей части». Действительно, некоторые элементы состава преступления указаны в статьях Общей части (общественная опасность деяния, вина, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, вменяемость). Признаки объективной стороны приготовления описаны в ст. 14 УК. Но наличие в деянии, не доведенном до конца, этих признаков отнюдь не исключает пробела в составе. Дело в том, что ответственность за приготовление и покушение, как это признает и Н. Д. Дурманов, определяется применительно к тем конкретным составам преступлений, которые предусмотрены уголовным законом, причем «в отношении всех умышленных преступлений, при осуществлении которых возможна предварительная преступная деятельность, закон определяет ответственность всегда за оконченное преступление». При отсутствии некоторых элементов объективной стороны этих преступлений и возникает особое положение ответственности за неоконченную преступную деятельность. Если же в содеянном воплотились все элементы состава, то налицо оконченное преступление.]

Стадии преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление) можно различать лишь в отношении отдельных умышленных преступлений, при совершении которых возможна ответственность за неоконченную преступную деятельность, например, убийство.

¹ См. Н. Д. Дурманов, указанная работа, стр. 15—17, 20, 32, 112—115.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 35.

кража. Поэтому целый ряд умышленных преступлений и все неосторожные преступления не могут быть названы оконченными, поскольку их реализация не может вылиться в неоконченное преступное деяние.

В связи с этим и является неточным определение оконченного преступления в учебнике Общей части советского уголовного права, в котором указывается, что «преступление является оконченным тогда, когда совершенное виновным деяние содержит все признаки данного преступления»¹. Все признаки состава имеются налицо и в тех преступлениях, которые исключают возможность приготовления и покушения, однако они не могут быть названы оконченными.

Этого обстоятельства не учитывает в должной мере Н. Д. Дурманов. Правда, в своей монографии о стадиях совершения преступления он правильно указывает, что «оконченное преступление и предварительная деятельность по подготовке и совершению преступления—понятия соотносительные. Об оконченном преступлении мы говорим тогда, когда данный состав преступления предполагает возможность предварительной преступной деятельности». Однако вслед за этим, допуская явную непоследовательность, Н. Д. Дурманов неожиданно продолжает: «Многие из умышленных преступлений знают только стадию оконченного преступления, например, преступления, совершаемые с косвенным умыслом»². В другом месте он еще более категорически заявляет, что «оконченное преступление—это стадия, характерная для любого вида преступного деяния»³. Таким образом, соотносительность понятий оконченного и неоконченного преступления Н. Д. Дурмановым фактически игнорируется.

Подводя итог сказанному, можно следующим образом определить оконченное и неоконченное преступление.

Оконченным признается такое умышленное преступное деяние, объективная сторона которого, при наличии остальных элементов состава, получила развитие, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части уголовного кодекса.

¹ «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 276.

² Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 17.

³ Там же, стр. 33.

Под неоконченным преступлением следует понимать такую умышленную общественно опасную деятельность виновного, которая содержит в себе лишь часть признаков состава данного преступления вследствие неполного развития его объективной стороны.

§ 3. Неоконченное преступление как общественно опасное действие или бездействие, направленное на осуществление преступного намерения

Умышленному преступлению как сознательному волевому действию предшествует принятие решения о совершении преступления. Принятие такого решения является завершением более или менее длительного психического процесса, выражающегося в обдумывании доводов за и против совершения преступления, в борьбе желаний (мотивов) и т. п. У субъекта под влиянием чувства классовой ненависти к советскому государству или в результате наличия пережитков капитализма в его сознании возникает желание совершить преступление. Оно превращается в решение осуществить это преступление, если у субъекта нет иных противоречащих побуждений или если в результате борьбы противоположных друг другу мотивов побеждает желание совершить преступление. Психический процесс, предшествующий выполнению преступления и заканчивающийся принятием решения совершить это преступление, может включать также и обдумывание того, какими средствами и путями добиться намеченной преступной цели, как преодолеть трудности, стоящие на пути совершения преступного деяния, как скрыть следы преступления, чтобы избежать уголовной ответственности, и т. д. Иными словами, субъект, прежде чем действовать, мысленно составляет план выполнения преступления.

За принятием решения совершить преступление следует переход от преступного намерения к преступным действиям, то есть к приведению преступного умысла в исполнение. Этот момент (переход от преступного намерения к его осуществлению) и является начальным моментом совершения преступного деяния.

Преступное намерение, в той или иной форме (на словах, в письме, в угрозах), выявленное во вне, но не сопряженное с какими-либо действиями, направленными

на его осуществление (голый умысел), по советскому уголовному праву ненаказуемо. Закон (ст. 19 УК) считает стадиями совершения преступления приготовление, покушение и оконченное преступление, не указывая в числе стадий обнаружение умысла

Той же позиции придерживается и советская судебная практика. Строго руководствуясь указаниями закона, она считает недопустимым осуждение за одно лишь преступное намерение.

Еще в 1927 году в Директивном письме НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению действующего уголовного кодекса разъяснялось, что «один лишь голый умысел, голое намерение совершить преступление, не выразившееся в конкретных действиях, не является преступлением и не влечет применения мер социальной защиты»¹.

На то обстоятельство, что привлечение к уголовной ответственности может иметь место лишь в случаях совершения лицом определенного общественно опасного, преступного деяния, специально указывается в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 г. «О возможности применения судами наказания лишь к лицам, совершившим определенное преступление».

Советское уголовное право всегда придерживалось и придерживается того положения, что преступлением на любой стадии его совершения, начиная с самых ранних, может быть признано только определенное внешнее поведение, объективно и субъективно (виновно) направленное на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Само намерение совершить преступление при отсутствии указанного внешнего поведения не может быть признано преступлением.

(Преступное намерение, к осуществлению которого субъект не приступил, не может служить объектом карательной деятельности государства потому, что оно не является общественно опасным, не создает реальной угрозы социалистическим общественным отношениям и еще не свидетельствует об общественной опасности самого субъекта.

¹ „Судебная практика РСФСР“ 1927 г. № 1, стр. 11.

Пока субъект не совершил никаких конкретных действий для осуществления преступного намерения, он по советскому уголовному праву не может считаться преступником, каким бы тяжким и опасным ни было задуманное им преступление.

«Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности,—писал К. Маркс,—я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий*, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»¹. Выступая против преследований за политические и религиозные убеждения, К. Маркс писал: «...никто не может быть заключён в тюрьму, либо же лишён своей собственности или другого *юридического* права на основании своего морального характера, на основании своих политических и *религиозных* убеждений... Мы требуем неприкосновенного *правового положения* для всякого негодного существа не потому, что оно негодно, а постольку, поскольку его порочность остаётся в пределах *его образа мыслей*, для которого не существует *ни трибунала, ни кодекса*. Мы таким образом, противопоставляем *дурной образ мыслей*, для которого не существует *трибунала, дурным деяниям*, для которых в случае, если они *противозаконны*, существует *трибунал и уложение о наказаниях*»².

Следует также иметь в виду, что в большинстве случаев обнаружение умысла во вне не является достаточным доказательством наличия у субъекта действительно-го намерения совершить преступление. Нередко можно наблюдать «обнаружение умысла» в состоянии запальчивости или раздражения у лица, которое на самом деле и не думает совершать преступления. Обнаружив умысел на совершение преступления, субъект может передумать и отказаться от выполнения задуманного преступного деяния.

Пока лицо не приступило к осуществлению своего преступного замысла, судить об общественной опасности данного лица преждевременно. К. Маркс указывал, что «простое заявление о намерении сделать то-то и то-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 14.

² Там же, стр. 182—183.

то не может послужить поводом для преследования меня ни со стороны уголовной, ни со стороны исправительной полиции... Только поступки доказывают, насколько, *серьезно* было заявление»¹.

Более того, из судебно-прокурорской практики видно, что опасный и опытный преступник, действительно намеренный совершить преступление, старается не обнаруживать своего умысла, тщательно скрывает его, зная, что выявлением умысла во вне он лишь затруднит осуществление задуманного преступления и подвергнет себя опасности разоблачения.

Обнаружение умысла нельзя считать стадией совершения преступления, потому что субъект еще не приступил к осуществлению преступного намерения, не начал выполнение преступного деяния.

Правильно указывает Н. Ф. Кузнецова, что «стадией развития преступления может быть названо лишь то, что является ступенькой к достижению преступного результата, приближает субъекта к намеченной цели, что в большей или меньшей степени, но способствует причинению преступного ущерба»².

Поэтому ошибочным представляется встречающееся в советской уголовно-правовой литературе (в том числе и в учебниках) утверждение, что обнаружение умысла является первой, наиболее ранней стадией преступления и наказывается в случаях, указанных в Особенной части уголовных кодексов союзных республик.

Неправы, по нашему мнению, и те советские криминалисты, которые, хотя и не считают обнаружение умысла стадией преступления, тем не менее указывают на его наказуемость в отдельных, якобы предусмотренных в законе случаях, в качестве самостоятельных преступлений (*delictum sui generis*)³. Получается, таким образом, будто советское законодательство приравнивает некото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 6, стр. 242.

² Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву. «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 120.

³ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы Общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 115—117. В более ранних работах М. Д. Шаргородский признавал обнаружение умысла первой стадией развития преступной деятельности (см. его, Вина и наказание в советском уголовном праве, М., 1945, стр. 26).

рые случаи обнаружения умысла к оконченому преступлению и наказывает их в качестве последнего.

В качестве примеров караемого в уголовном порядке «обнаружения умысла» обычно указывают на случаи наказуемой угрозы (ч. 1 ст. 73¹ УК, п. 2 ч. III Закона от 7 августа 1932 г., ст. 143 УК Туркменской ССР и ст. 203 УК Азербайджанской ССР).

Однако анализ объекта, объективной стороны и других элементов состава названных преступлений показывает, что наказывается в этих случаях не выявление во вне намерения совершить преступное деяние (например, убийство), не наиболее ранняя стадия этого преступления, а осуществление умысла на другое преступление путем угрозы, являющейся особой формой действия. Авторы учебника по уголовному праву для юридических школ, изданного в 1943 году, правильно указывают, что «в некоторых случаях обнаружение умысла на совершение тяжчайших преступлений само по себе образует состав какого-либо преступления, предусмотренного Особенной частью, но в этом случае виновный карается не за обнаружение умысла, а за те действия, в которых обнаружился преступный умысел, так как эти действия сами по себе образуют состав преступления...»¹.

Этого не отрицают и сторонники признания обнаружения умысла стадией преступления. Так, А. А. Пионтковский пишет, что при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 73¹ УК, угроза «служит средством принудить должностное лицо или общественного работника к изменению их деятельности в интересах угрожающего. Здесь не только обнаруживается умысел (убить, истребить имущество, совершить насилие), но и совершается другое преступление—посягательство на личную свободу этих лиц и вместе с тем оказывается противодействие нормальной деятельности государственного аппарата»². Следовательно, наказывается отнюдь не обнаружение умысла. Н. Д. Дурманов, критикуя сторонников признания обнаружения во вне преступного намерения

¹ „Уголовное право“, учебник для юридических школ, М., 1943, стр. 95.

² Уголовное право, Общая часть“, изд. 4-е, М. 1948, стр. 398; см. также, „Советское уголовное право, часть Общая“, М., 1952, стр. 278.

первой стадией преступления, правильно отмечает, что, если исключить из учебников Общей части уголовного права упоминание о преступлениях, якобы представляющих собой обнаружение умысла, анализ составов этих преступлений в Особенной части уголовного права несколько не изменится¹.

В качестве примера наказуемого обнаружения умысла указывалось также на имевшие место в судебной практике случаи наказуемости выявления во вне намерения совершить контрреволюционное преступление². Однако и эти действия наказывались не как обнаружение умысла на соответствующее контрреволюционное преступление, не как начальная их стадия, а как контрреволюционная пропаганда и агитация по ст. 58¹⁰ УК.

Следует отметить, что сторонники признания обнаружения умысла стадией преступления проявляют явную непоследовательность. Они, по-видимому, полагают, что статьи, предусматривающие уголовную ответственность за некоторые случаи угрозы совершить преступление, включены в уголовные кодексы союзных республик лишь спустя известное время после принятия этих кодексов³ и поэтому не обращают внимания на другие совершенно аналогичные случаи наказуемости угрозы. Таковы, например, угроза уби́ством, причинением телесных повреждений, истреблением имущества и т. п. как особая форма подстрекательства к совершению преступления; угроза (психическое насилие) как форма сопротивления представителю власти при исполнении им возложенных на него обязанностей или понуждения представителя власти к выполнению явно незаконных действий (ст. 73 УК); угроза с целью препятствования гражданину СССР свободно осуществить его право избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР (ст. 109 Положения о выборах в Верховный Совет СССР); вымогательство взятки путем угрозы совершить должностное пре-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 24.

² См., например, В. Д. Меньшагин. К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву, „Труды ВЮА“, 1943, вып. 3, стр. 91; А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 349; „Уголовное право“, учебник для юридических школ, М., 1947, стр. 90.

³ См. „Советское уголовное право, часть Общая“, М., 1952, стр. 277—278.

ступление (ст. 19, ч. 2 ст. 117 УК); угроза убийством и т. п. с целью понудить женщину совершить аборт (ст. 140-а УК); вымогательство (ст. 174 УК). Во всех перечисленных случаях угроза также является не обнаружением умысла, а особой формой действия, психическим насилием, направленным на достижение тех или иных преступных целей.

Угроза как определенная форма преступного поведения опасна и наказуема именно потому, что она может причинить определенные общественно опасные последствия, что исключается при обнаружении умысла.

Как правильно указывает М. Д. Шаргородский, в предусмотренных законом случаях привлечения к уголовной ответственности за сам факт угрозы совершением преступных деяний «в действительности карается не намерение, а общественно опасное действие—угроза, даже если у угрожающего и не было намерения в дальнейшем привести ее в исполнение»¹. Угрожающий в указанных законом случаях наказывается независимо от того, намерен ли был он осуществить свою угрозу. Как правило, такое намерение у субъекта вообще отсутствует. Виновный рассчитывает достигнуть желаемой преступной цели путем одного лишь запугивания потерпевшего и для этого придает этому запугиванию видимость реальной угрозы, могущей быть приведенной в исполнение.

Из сказанного можно сделать вывод, что обнаружение умысла не может быть признано начальной стадией совершения преступления и не может влечь уголовной ответственности, каким бы тяжким ни было задуманное преступление.

Нельзя согласиться также с теми авторами, которые признают начальной стадией совершения преступления возникновение умысла, а обнаружение умысла рассматривают как вторую стадию в развитии преступной деятельности². Не выявленное во вне преступное намерение не может быть объектом карательной деятельности уже по той причине, что о нем ничего не известно. Но дело не только в этом. Формирование умысла еще не являет-

¹ М. Д. Шаргородский, рецензия на книгу А. А. Герцензона „Уголовное право“, „Советское государство и право“ 1948 г. № 12, стр. 60.

² См., например, А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 346.

ся реализацией последнего и поэтому не может быть названо стадией совершения преступления. Основания ненаказуемости преступного намерения те же, что и ненаказуемости обнаружения умысла.

Своеобразную, весьма противоречивую позицию по вопросу о том, что следует признать первой, начальной стадией совершения преступления, заняли авторы коллективной рецензии на вузовский учебник Общей части советского уголовного права, помещенной в «Вестнике Московского университета»¹.

Правильно критикуя учебник за признание обнаружения умысла первой стадией преступления, авторы рецензии обосновывают свою мысль следующим образом: «Обнаружение умысла не может быть стадией совершения преступления потому, что оно не только ничем не способствует субъекту в достижении им преступной цели, не только не является ступенькой (стадией) в достижении ее, но и, напротив, препятствует этому. Обнаружение преступного умысла, намерения субъекта во вне дает возможность пресечь его преступную деятельность в самом ее начале»². Однако вопреки этому правильному утверждению авторы упомянутой рецензии неожиданно заявляют: «Поэтому первой стадией развития преступления является не обнаружение умысла, а формирование умысла, замышление преступления». Правда; авторы не требуют наказуемости этой «стадии» совершения преступления, а, наоборот, показывают глубокую ошибочность утверждения учебника о наказуемости обнаружения умысла по советскому уголовному праву. Несмотря на это, авторов рецензии можно спросить: разве замышление преступления является «ступенькой (стадией)» в достижении преступной цели, разве оно может быть названо этапом совершения соответствующего преступного деяния? Начальной стадией совершения преступления, даже с позиции авторов рецензии, может быть признано только приготовление. Именно оно является началом

---

¹ Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова, Б. М. Леонтьев, В. С. Орлов, Об ошибочном освещении ряда вопросов в вузовском учебнике по Общей части советского уголовного права, «Вестник Московского университета», 1954, № 1, стр. 14.

² В приведенной цитате допущена редакционная неточность: нельзя говорить о пресечении преступной деятельности при обнаружении умысла, ибо такой деятельности еще нет.

той деятельности, при помощи которой субъект намерен осуществить задуманное преступление.

Сформирование умысла или выявление умысла во вне, не соединенное с совершением действий, направленных на его реализацию¹, не содержит в себе состава преступления потому, что последнее немислимо без хотя бы частичного воплощения объективной стороны соответствующего преступного деяния в конкретном действии, являющемся актом внешнего поведения человека. При обнаружении умысла отсутствуют все без исключения элементы состава преступления. Нельзя согласиться с утверждением А. Н. Трайнина, что субъективное условие уголовной ответственности (вина в форме умысла) имеется и в случаях, когда субъект лишь задумал совершить преступление, но не приступил к его осуществлению². Где нет совершения преступных действий, там нет субъекта преступления, нет вины как субъективной стороны преступного деяния.

Принцип ненаказуемости одного лишь намерения совершить преступление неуклонно проводится в жизнь советской судебной практикой. Этот принцип присущ также уголовному праву социалистических зарубежных стран. Он представляет собой одну из важных гарантий соблюдения в судебной деятельности строжайшей социалистической законности. Установление этого принципа позволяет четко определить круг преступных деяний и исключает возможность осуждения за действия, не содержащие состава преступления.

---

¹ Говоря об обнаружении умысла, мы везде имеем в виду именно такое преступное намерение (голый умысел). Разумеется, умысел обнаруживается и при совершении приготовительных действий, покушения и оконченного преступления. Однако в этих случаях он не просто обнаруживается, а осуществляется. Этого различия не учел И. И. Слуцкий, который считает, что иногда „обнаружение умысла (угроза) сливается с покушением и оконченным преступлением“. В качестве примера приводится „требование передачи чужого имущества с целью незаконного завладения им под угрозой немедленного причинения смерти в случае отказа со стороны потерпевшего“. На этом „основании“ делается ошибочный вывод о возможности необходимой обороны от обнаружения умысла, признаваемого И. И. Слуцким стадией развития преступной деятельности (см. И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность*, Л., 1956, стр. 54).

² См. А. Н. Трайнин, *Состав преступления по советскому уголовному праву*, М., 1951, стр. 98.

Глава вторая

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

§ 1. Понятие приготовления к преступлению

Советское уголовное право с первых лет своего существования использует институт уголовной ответственности за совершение preparatory действий для подавления в зародыше посягательств на основы советского строя, для пресечения наиболее тяжких преступлений уже в момент их возникновения.

Законодательное определение приготовления в советском уголовном праве впервые было дано в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года. Приготовлением здесь признавалось «приискание, приобретение или приспособление лицом, подготовляющим преступление, средств, орудий и т. д. для совершения преступления» (ст. 19).

Данное определение было слишком узким. Оно не включало целого ряда preparatory действий. Область приготовления далеко не исчерпывается приисканием и приспособлением орудий и средств преступления. Указанная неточность была исправлена в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года и в действующих уголовных кодексах союзных республик, которые определяют приготовление как приискание или приспособление орудий, средств и создание условий для совершения преступления

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года приготовление было объявлено ненаказуемым (ст. 12). Но в Особенной части Уголовного кодекса была предусмотрена ответственность за приготовление к некоторым наиболее опасным преступлениям путем создания соответствующих «усеченных» составов. Например, ст. ст. 60—63 УК предусматривали участие в контрреволюционной органи-

зации, ст. 76 УК—организацию банды и участие в ней, ст. 220 УК—хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения.

Судебная практика, однако, очень скоро показала явную неприемлемость ст. 12 УК 1922 года, установившей в виде общего правила ненаказуемость приготовления к преступлению. Выяснилось, что многие представлявшие значительную опасность для советского государства приготовительные действия не были предусмотрены в Особенной части уголовного кодекса. Так, одним из пробелов Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, как отмечалось в то время в печати, явилось отсутствие в кодексе статьи, предусматривающей ответственность за приготовление к подделке денежных знаков¹. Указывая на этот и другие подобные пробелы того же кодекса, М. С. Строгович справедливо писал, что объявление в уголовном кодексе приготовления ненаказуемым было «неувязкой между законом и реальной жизнью»².

Поэтому уже 10 июля 1923 г. постановлением 2 сессии ВЦИК X созыва ч. 2 ст. 12 УК была изменена и суду было предоставлено право применять в отношении лиц, виновных в приготовлении к преступлению и признаваемых общественно опасными так называемые меры социальной защиты (высылку, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом). Вместе с тем в ст. 12 УК было сохранено положение о применении мер наказания лишь за такие приготовительные действия, которые сами по себе составляли уголовно-наказуемые деяния³.

Разумеется, такое половинчатое решение вопроса, как правильно охарактеризовал его Н. Д. Дурманов⁴, не могло обеспечить надлежащей борьбы с преступлениями. Поэтому Основные начала, принятые ЦИК СССР 31 октября 1924 г., в ст. 11 установили наказуемость «начатого, не доведенного до конца преступления» на-

¹ См. А. Н. Трайнин, Подделка денег и знаков оплаты по уголовному кодексу, „Право и жизнь“ 1924 г. кн. 5 и 6, стр. 52—53

² См. М. Строгович, Приготовление к преступлению по уголовному кодексу редакции 1926 г., „Рабочий суд“—1927 г. № 10(1-2), стр. 847.

³ СУ РСФСР 1923 г. № 48, ст. 479.

⁴ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 85.

равне с оконченным преступлением, предоставив суду право смягчения наказания с учетом степени осуществления преступного намерения.

Специальным постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1928 г., утвержденным Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1928 г. и поэтому получившим силу законодательной нормы, было разъяснено, что ст. 11 Основных начал под начатым преступлением понимает как покушение, так и приготовление, что приготовление и покушение являются стадиями начатого преступления¹.

Вопрос о наказуемости приготовления во всех уголовных кодексах союзных республик, если не касаться различия в формулировках соответствующих норм, разрешается в основном одинаково.

Приготовление к преступлению с объективной стороны может выразиться в различного рода общественно опасных действиях субъекта по созданию условий для совершения преступления. Этими действиями могут быть:

1. Приискание орудий и средств для совершения преступления, то есть добывание преступником тем или иным способом (путем покупки, получения во временное пользование от других лиц, кражи, изготовления и т. д.) тех предметов, которые необходимы для выполнения задуманного преступления.

2. Приспособление преступником имеющихся у него или приобретенных орудий и средств совершения преступления, то есть приведение их в такое состояние, которое сделало бы возможным или облегчило бы их ис-

¹ См. „Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1921—1944 гг.“, М., 1946, стр. 78.

Сейчас постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1928 г. признано утратившим силу (см. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1954 г. № 1, стр. 46, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1953 г.). Сделано это, видимо, по тому, что в соответствии с постановлением Пленума от 7 мая 1928 г. в уголовные кодексы союзных республик были внесены соответствующие изменения, и сейчас в указанном разъяснении ст. 11 Основных начал не нуждается. Следует отметить также, что представляются сомнительными правомочия Пленума Верховного Суда СССР при навязывании утратившими силу (то есть по сути дела оменить) те постановления Пленума, которые утверждены законодательными органами. Мы считаем, что постановление Пленума от 7 мая 1928 г. является правильным.

пользование в процессе выполнения преступления. Подобного рода приготовительные действия имеют место и тогда, когда в качестве орудий преступления используются уже имеющиеся у виновного предметы, специально не предназначенные для совершения преступления. Субъект соответственно их приспособливает для использования при осуществлении задуманного преступления.

3. Обследование места, где предполагается совершить преступление (например, ознакомление под различными предлогами с квартирой, замками на дверях, с местонахождением интересующих преступника ценностей), установление возможных препятствий, которые могут встретиться при осуществлении преступного деяния, и способов их устранения, добывание всякого рода иных необходимых для совершения преступления сведений. Выполнение этих приготовительных действий обычно имеет целью обеспечение разработки конкретного плана хищения имущества или совершения другого преступления, решение вопроса о необходимых для осуществления преступления орудиях и т. п.

4. Устранение подготавливающимся препятствий, которые могут помешать ему в осуществлении преступного намерения.

5. Поставление преступником себя в такое положение, которое делает возможным совершение задуманного преступления, облегчает его выполнение или затрудняет последующее раскрытие содеянного. К этой группе прежде всего должно быть отнесено отправление преступника на место предполагаемого совершения преступления.

6. Подыскание преступником соучастников подготавливаемого им преступного деяния, создание организованной группы (шайки) или вступление в нее, составление и обсуждение участниками шайки плана выполнения преступления, предложение услуг для совершения преступления, неудавшиеся подстрекательства и пособничество. Так, подготовительная деятельность в виде сговора, создания шайки имеет место при всяком групповом (организованном) хищении. Ее установление обязательно для признания хищения квалифицированным, совершенным организованной группой (шайкой).

Квалификация в качестве приготовления к преступлению самого сговора совершить преступное деяние, при

отсутствии других действий, направленных на осуществление задуманного преступления, в судебной практике встречается редко. Однако это объясняется не тем, что подобные приготовительные действия не являются общественно опасными, а тем, что они трудно распознаваемы. Если сговор на совершение преступления установлен, налицо приготовление к преступлению. Верховный Суд СССР усмотрел приготовление к побегу из места заключения в изъявлении Л. и В. согласия совершить это преступление вместе с П., уговорившим их. Л. и В. не были подвергнуты уголовной ответственности только потому, что, дав согласие на совершение преступления, они добровольно отказались от продолжения преступной деятельности¹.

Неудавшиеся подстрекательство и пособничество должны квалифицироваться как приготовление к соответствующему преступлению по той причине, что предполагаемым исполнителем в этих случаях не совершается никаких общественно опасных действий, направленных на осуществление преступного намерения. В отношении подстрекательства необходимость такой квалификации непосредственно вытекает из законодательного определения этого вида соучастия. Уголовный кодекс РСФСР (ст. 17) и уголовные кодексы большинства других союзных республик признают подстрекателями «лиц, склонивших к совершению преступления» (разрядка наша.—И. Т.), то есть не усматривают соучастия в случаях безуспешной попытки подстрекательства другого лица к выполнению преступного деяния. Только Уголовный кодекс Белорусской ССР (п. «а» ст. 24) признает подстрекателями всех «лиц, склоняющих других к преступлению» (разрядка наша.—И. Т.), то есть считает неудавшееся подстрекательство не приготовлением, а соучастием.

В качестве примера неудавшегося подстрекательства представляющего собой приготовление к преступлению, можно привести действия Б., осужденного по ст. 24 и ст. 80² УК БССР.

Б., работая машинистом электростанции, решил добиться того, чтобы начальник электростанции Г. и его сын, поступивший на электростанцию в качестве маши-

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», М., 1948, стр. 154—155.

ниста, ушли с работы. С этой целью он пытался склонить машиниста М. обрезать маслопроводные трубы или бросить гайку в картер машины и таким путем вывести ее из строя. М. этого не сделал и сообщил о подстрекательстве начальнику станции, в результате чего Б. свое намерение не осуществил¹. По уголовным кодексам других союзных республик действия Б. следовало бы квалифицировать как приготовление к преступлению (ст. 19 и ст. 59⁶ УК).

Мы полагаем, что квалификация неудавшихся подстрекательства и пособничества как приготовления к преступлению является более правильной, чем квалификация этих действий как соучастия в преступлении. Если предполагаемый исполнитель не совершил никаких преступных, уголовно-наказуемых действий (оконченного преступления, покушения или приготовления), действия подстрекателя и пособника не могут рассматриваться как соучастие в преступлении—преступное деяние не было совершено,—а имеют характер приготовительных действий.

В Уголовном кодексе Народной Республики Албании специально указывается, что подстрекатели и пособники в случае, когда лицо, которое они склоняли к совершению преступления или которому оказывали содействие в выполнении преступления, не совершило никакого преступного деяния, отвечают за приготовление к преступлению (ст. 14)². Следует признать целесообразным

¹ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.)“, М., 1940, стр. 64. В изложении дела Б. и Р. допущена опечатка: вместо ст. 80² ошибочно указана несуществующая ч. 2 ст. 80 УК БССР.

² Н сколько иначе решен этот вопрос в уголовном законодательстве Германской Демократической Республики и Федеративной Народной Республики Югославии. В Уголовном праве Германской Демократической Республики неудавшиеся подстрекательство и пособничество караются как соответствующие виды соучастия, наказание за них может быть смягчено (§ 49 а, пп. 1 и 2).

В Уголовном кодексе Федеративной Народной Республики Югославии неудавшееся подстрекательство рассматривается как покушение на подстрекательство и наказуется в тех случаях, когда виновный пытался склонить к такому преступлению, за которое может быть назначено строгое заключение на срок не менее пяти лет (ч. 2 ст. 19), то есть в отношении тех преступных деяний, покушение на которые, согласно ст. 16, наказуемо. Что касается пособничества, то для его наказуемости требуется, чтобы деяние достигло по крайней мере стадии наказуемого покушения (ст. 21).

включение аналогичной статьи в подготавливаемые новые угодные кодексы союзных республик.

Судебная практика показывает, что приготовление к преступлению обычно выражается в совершении целого ряда перечисленных выше предварительных действий, имеющих целью создание условий для совершения задуманного субъектом преступления.

В этом отношении весьма характерно следующее дело. Технорук кинотеатра С. воспользовался в преступных целях тем, что кассир кинотеатра однажды дала ему ключи от неогороженного шкафа и попросила принести хранящиеся там билетные книжки. Сняв незаметно при помощи воска слепки с обоих ключей, С. впоследствии изготовил по этим слепкам чертежи ключей, купил две металлические болванки и попросил знакомого слесаря К. сделать по переданным ему чертежам два ключа якобы для замков аппаратной комнаты кинотеатра. Хищение денег из кассы кинотеатра путем использования подделанных ключей С. договорился совершить совместно со своим приятелем. Когда ключи были изготовлены, С. очистил от мусора маленькую кладовую, имеющуюся в аппаратной, изготовил себе маску и в условленный день спрятался со своим приятелем в кладовую, чтобы ожидать ухода из кинотеатра сотрудников, а затем совершить нападение на сторожа и завладеть деньгами из неогороженного шкафа¹.

Учитывая многообразие приготовительных к преступлению действий, Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики в определении приготовления указывает, что субъект на этой стадии «создает условия, облегчающие совершение преступления или необходимые для этого, приобретает средства или орудия, а равно приспособливает их для совершения преступления, призывает другое лицо к совершению преступного деяния, предлагает собственные услуги для этой цели, берется за это в результате уговоров другого лица или договаривается относительно совместного совершения преступления» (п. 1 § 19). Приведенное определение является, конечно, громоздким, его можно значительно сократить. Однако включение в законодательное определение приготовления подобного примерного перечня подготови-

¹ См. „Следственная практика“, вып. 14, М., 1953, стр. 157.

тельных действий лучше раскрывает содержание этой стадии совершения преступления.

Приготовительные действия, несмотря на их многообразие, имеют общие черты—все они являются созданием условий для совершения преступления.

В связи с этим в советской уголовно-правовой литературе (в том числе в большинстве учебников) было высказано мнение, что приготовление предшествует преступлению и не является началом его совершения. Сторонники этого взгляда по сути дела относят приготовительные действия к области обнаружения умысла.

К такому выводу и пришел А. А. Герцензон, указывая, что эти действия «еще не являются началом совершения преступления», а «в известной мере являются признаком, характеризующим решимость субъекта совершить преступление»¹.

Иначе нельзя расценивать и высказывание А. Н. Трайнина о том, что в приготовлении имеется лишь один элемент состава преступления—умысел, а остальные элементы отсутствуют². Получается, таким образом, что преступное действие (приготовление) может быть налицо без объективной стороны при наличии одной лишь субъективной стороны соответствующего преступления. Здесь А. Н. Трайнин вступил в противоречие со своим же очень важным и правильным утверждением, что каждое преступное действие представляет собой единство объективных и субъективных свойств (элементов)³.

Подобный разрыв объективной и субъективной сторон преступления, являющихся признаками одного и того же явления—преступного деяния допускает и Н. Ф. Кузнецова. Критикуя А. Н. Трайнина за приведенное выше высказывание, она указывает, что «при приготовлении налицо имеется объект, субъект и субъективная сторона преступления»⁴. Опять-таки получается, что есть субъективная сторона, есть объект, есть посягающее на этот объ-

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 350 (см. также стр. 353).

² См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М. 1957, стр. 301.

³ См. Там же, стр. 56, 73.

⁴ Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 118.

ект общественно опасное, уголовно-наказуемое действие, являющееся стадией совершения соответствующего преступления, но нет даже частичного выполнения объективной стороны этого преступления. Единство объективных и субъективных свойств преступного деяния здесь фактически отрицается, так как субъективная сторона преступления получает самостоятельное существование—вне преступного деяния.

Признание приготовления чем-то предшествующим совершению преступления противоречит советскому уголовному законодательству и судебной практике. Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что ст. 11 Основных начал и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик признают начатым, не доведенным до конца преступлением, не только покушение, но и приготовление. В ст. 19 УК Грузинской ССР еще более определенно указывается, что приготовительные действия являются начатым преступлением, его первой стадией («...начатое преступление, выразившееся в действиях, имеющих характер хотя бы подготовительных»). Этот же вывод может быть сделан из сопоставления ст. ст. 22 и 23 УК БССР. Статья 22 этого кодекса воспроизводит с некоторыми редакционными изменениями ст. 11 Основных начал, однако в ст. 23, посвященной добровольному отказу, говорится: «Начатое преступление не преследуется, если оно не было доведено до конца по собственному побуждению лица, совершавшего или подготовлявшего его». Следовательно, Уголовный кодекс БССР признает приготовительные действия первой стадией совершения преступления, включает их в понятие начатого преступления.

Приготовление рассматривается в советском уголовном законодательстве как частичное осуществление преступного намерения, как начало выполнения «данного вида преступления» (ст. 11 Основных начал)¹.

---

¹ В некоторых уголовных кодексах социалистических зарубежных с ран приготовление рассматривается как деятельность, предшествующая выполнению преступного деяния. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии в ст. 13 определяет эту стадию преступления как «приготовление средств, подыскание соучастников и вообще создание условий для совершения умышленного преступления до начала его исполнения...» В параграфе 19 Уголов-

Употребляя термин «приготовительные к преступлению действия», советское уголовное законодательство имеет в виду действия по созданию условий для совершения окончательного преступления и отнюдь не считает приготовление деятельностью, предшествующей осуществлению преступного деяния. ✓

Как известно, в статьях Особенной части предусматривается ответственность за окончательные преступления и дано описание составов именно окончательных преступлений.

Если бы не было специального указания в ст. 11 Основных начал и в соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик о наказуемости неоконченного преступления, приготовительные действия не влекли бы уголовной ответственности. Но такое указание в законе имеется, причем дается примерный перечень действий, в которых может выразиться уголовно-наказуемое приготовление (объективная сторона покушения в ст. 19 УК РСФСР не описана, так как действия, образующие покушение, тождественны, как мы далее увидим, тем, при помощи которых выполняется состав окончательного преступления).

Авторы учебника уголовного права для юридических школ издания 1943 года правильно указывают, что неоконченное преступление (приготовление и покушение) имеется налицо тогда, когда «субъект, начав выполнение умышленного преступления, не смог осуществить свой умысел до конца, то есть, когда в совершенном им деянии отсутствуют некоторые элементы объектив-

ного кодекса Венгерской Народной Республики указывается, что приготовление — это «... действия, не входящие в состав преступления, но подготавливающие его». Подобный взгляд на приготовление нашел отражение и в уголовном праве Германской Демократической республики. Покушение здесь определяется как начало исполнения преступления (п. 1 § 43 УК). Тем самым приготовление, которое как стадия совершения преступления по уголовному законодательству ГДР не наказуемо, признается допреступной деятельностью.

Подобных указаний нет в уголовных кодексах Монгольской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Албании.

ной стороны данного преступления»¹ (разрядка наша. — И. Т.).

Анализ составов многих умышленных преступлений показывает, что приготовительные действия являются элементами объективной стороны преступления, а следовательно, и началом его совершения. Предварительный сговор лиц, объединившихся для совершения хищения государственного, общественного или личного имущества, безусловно, является необходимым элементом состава хищения, совершаемого организованной группой (шайкой), предусмотренного ст. ст. 2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Подлог документов, включенный в качестве основного или квалифицирующего признака в составы некоторых преступлений (ч. 2 ст. 59¹, ч. 2 ст. 19¹² УК), является приготовлением к этим преступлениям, если еще не предпринята попытка использования подложных документов (в этом последнем случае налицо будет покушение или окончательное преступление).

Следует отметить, что и в тех случаях, когда приготовительные действия прямо не указаны в законе в качестве элементов состава преступления (есть статьи, в которых вообще не дается описания объективной стороны преступления), приготовление представляет собой начало выполнения конкретного преступления, частичное развитие его объективной стороны. Террорист, приобретший оружие для нападения на представителя власти, диверсант, хранящий взрывчатые вещества, предназначенные для взрыва какого-либо объекта государственной или общественной собственности, отвечают за приготовление именно к террористическому или диверсионному акту потому, что они уже приступили к выполнению составов указанных преступлений и совершили часть действий, входящих в их объективную сторону.

— Не нужно забывать, что отнесение приготовительных действий к объективной стороне соответствующих

¹ „Уголовное право“, учебник для юридических школ, М., 1943, стр. 93.

преступлений прямо вытекает из ст. 19 УК. Законодатель не стал описывать характер приготовительных действий применительно к каждому конкретному преступлению в отдельности по тем соображениям, что, во-первых, между ними имеется много сходного и поэтому есть возможность описать их в обобщенной форме, во вторых, в статьях Особенной части уголовных кодексов предусмотрены составы оконченных преступлений, и, в третьих, потому, что включение приготовительных действий в диспозиции этих статей сделало бы составы «усеченными» и означало бы отнесение приготовления к числу оконченных преступных деяний.

Таким образом, анализ норм об ответственности за неоконченное преступление приводит нас к выводу, что приготовление представляет собой частичное выполнение состава преступления и отличается от других стадий развития преступной деятельности лишь степенью осуществления преступного намерения, степенью выполнения объективной стороны преступного деяния. Как уже указывалось в гл. I, элементы состава преступления, характеризующие объект и объективную сторону, субъект и субъективную сторону, должны быть налицо в любой стадии совершения преступления: могут отсутствовать лишь результат и некоторые (но не все!) элементы преступного деяния.

В соответствии с нормами советского уголовного законодательства об ответственности за неоконченное преступление советская судебная практика определенно признает приготовление началом совершения преступления.

В Директивном письме НКЮ и Верховного Суда РСФСР по применению Уголовного кодекса 1926 года специально отмечается, что приготовительные действия должны влечь наказание лишь тогда, когда они «вышли в определенную конкретную форму начала осуществления преступного умысла»¹.

Можно сослаться также на определение Верховного Суда СССР по делу Б. и др.

Б., М. и М-н договорились совершить кражу коровы, забить ее на мясо и продать. На квартире М-н они обсудили план совершения кражи, после чего Б. и М. здесь

¹ „Судебная практика РСФСР“ 1927 г. № 1, стр. 11.

же переменили обувь, взяли мешки и ночью направились для осуществления задуманного преступления. Взломав дверь хлева колхозника Т., они похитили корову, затем погнали в город Ереван, чтобы в доме М-н разделать ее на мясо и реализовать. В 100 метрах от дома М-н преступники были задержаны. По приговору народного суда Б. и М. были осуждены по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», а М-н, преданный суду по тому же Указу, был по суду оправдан. Верховный суд Армянской ССР приговор народного суда оставил в силе.

Приговор и определение были отменены в порядке надзора Верховным Судом СССР, и дело было направлено на новое судебное рассмотрение ввиду неосновательного оправдания М-н и применения мягкого наказания в отношении М.

В тезисе к определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по данному делу говорится: «Ответственность за хищение, совершенное организованной группой (шайкой), распространяется и на тех участников шайки, которые непосредственно участия в хищении не принимали, но участвовали в подготовке хищения или сокрытии похищенного»¹. Ясно, что здесь совершение preparatory действий рассматривается не как доприступная деятельность, а как начало выполнения состава преступления.

Характерно, что и те советские криминалисты, которые не считают приготовление началом исполнения преступления, косвенно признают preparatory действия частичным осуществлением преступного деяния.

Так, Б. С. Утевский, утверждая, что «иногда осуществлению умысла предшествуют preparatory действия к преступлению», вслед за этим пишет совсем обратное: «в некоторых случаях преступник, начав совершение преступления, не доводит его по той или другой причине до конца. В таких случаях возникает вопрос об ответственности лица за то, что оно уже сделало для осуществления своего преступного умысла... при назначении наказания суд не может не учитывать того, как да-

---

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 22—23.

теко зашло осуществление намерения совершить преступление, остановилось ли оно на приготовлении или на покушении, или же было доведено до конца». И далее: «Осуществление намерения совершить преступление иногда может не пойти далее приготовления к совершению преступления»¹. А. Н. Трайнин, в явном противоречии со своим утверждением, что приготовление содержит лишь один элемент состава преступления—умысел, выявленный во вне в конкретном действии, являющемся не элементом состава, а лишь «необходимым актом, обеспечивающим совершение преступления», неоднократно указывал, что наряду с умыслом «и другой элемент состава неизменно присутств. как приготовлению, так и покушению—действие: без этого элемента характеризующего объективную сторону преступления,—без действия, уголовная ответственность вообще исключается»².

Н. Ф. Кузнецова, не считая приготовления началом исполнения преступления, все же признает, что «уголовно-наказуемые деяния—приготовление к преступлению и покушение на преступление—имеют место там, где начатая умышленная преступная деятельность прерывается до наступления преступного результата по не зависящим от лица обстоятельствам»³ (разрядка на ша.—И. Т.).

Н. Д. Дурманов, категорически считая, что приготовление не может быть началом осуществления преступного деяния уже потому, что действие еще непосредственно не посягает на объект преступления, также вынужден признать, что «стадия приготовления к преступлению предполагает определенное движение по пути реализации умысла, по пути совершения преступления»⁴. В

¹ Б. С. Утевский, Уголовное право, изд. 2-е, М., 1950, стр. 59—60.

² А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 300. Аналогичные высказывания см. на стр. 133, а также в монографиях: Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 148; Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 312.

³ Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 117.

⁴ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 21—22.

другом месте он еще более определенно говорит о приготовлении, как о «стадии, на которой было остановлено совершение преступления»¹. Кроме того, Н. Д. Дурманов неоднократно указывал, что приготовление является частичной реализацией преступного умысла и относится к числу этапов, стадий совершения (осуществления) преступления. Под стадиями же преступления, по мнению Н. Д. Дурманова, следует понимать различные формы преступного деяния, отличающиеся друг от друга в зависимости от момента, когда преступная деятельность была прекращена².

Более того, Н. Д. Дурманов признает, что приготовительные действия являются посягательством на определенный объект, что таким посягательством не является лишь «голое» обнаружение умысла.

В отношении организации банды и некоторых других приготовительных действий Н. Д. Дурманов прямо признает, что они представляют собой не только совершение преступления, но и причиняют известный ущерб социалистическим общественным отношениям⁴. Он отмечает, что «в ряде случаев приготовительные действия создают серьезную опасность для объекта посягательства. В особенности это относится к приготовлению к совершению контрреволюционного преступления. Иногда приготовительные действия являются основной частью преступной деятельности...»⁵. Как же после этого, не впадая в противоречие, можно признавать приготовительные действия предшествующей совершению преступления?

Подобный взгляд на приготовление не согласуется также с утверждением Н. Д. Дурманова о наличии в приготовлении состава преступления⁶. Получается весьма странное положение: состав преступления выполнен, а совершение этого преступления еще не начато.

Все сторонники признания приготовления деятельностью, предшествующей совершению преступления, допускают возможность добровольного отказа от продолжения начатого преступления в ста-

¹ Н. Д. Дурманов, указанная работа, стр. 5.

² См. там же, стр. 3, 10, 12, 15, 20, 33, 88 и др.

³ См. там же, стр. 21.

⁴ См. там же, стр. 44—45.

⁵ Там же, стр. 72.

⁶ См. там же, стр. 29, 30, 31.

дии приготовления, не замечая, что и здесь они впадают в явное противоречие. Все согласны с тем, что приготовление представляет собой неоконченное, не доведенное до конца преступление. Но как это согласовать с тем, что приготовление якобы еще не является началом совершения преступного деяния?

Допущение некоторыми авторами непоследовательных высказываний о сущности приготовления к преступлению отнюдь не способствует правильному пониманию этой стадии преступной деятельности работниками следственных и судебных органов.

Приготовление входит в качестве видового понятия в более общие понятия неоконченного преступления и преступления вообще. Поэтому необходимым материальным признаком приготовления как вида неоконченной преступной деятельности должна быть признана общественная опасность образующих приготовление действий. Лишь при наличии этого признака приготовительные действия могут быть признаны преступными и влечь уголовную ответственность. В директивном письме НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению действующего Уголовного кодекса РСФСР специально указывалось, что не может влечь уголовной ответственности такое приготовительное действие, которое еще не является началом осуществления преступного умысла и вследствие этого лишено признака общественной опасности¹.

С учетом изложенного приготовление может быть определено, на наш взгляд, как умышленное общественно опасное действие, являющееся началом осуществления преступления и выражающееся в приобретении и приспособлении орудий и средств преступления, в подыскании соучастников и вообще в создании условий для непосредственного выполнения состава оконченного преступления.

§ 2. Отличие приготовления от обнаружения умысла

Советское уголовное право проводит четкую грань между наказуемой и ненаказуемой деятельностью лица, намеренного совершить преступление. К области нена-

¹ См. „Судебная практика РСФСР“ 1927 г. № 1, стр. 11.

казуемого поведения относится любое обнаружение умысла, не сопряженное с совершением действий, направленных на осуществление преступного намерения (голый умысел).

Так, угроза и похвальба совершением преступления должны быть отнесены к обнаружению умысла, если они не сопровождаются никакими приготовительными действиями, направленными на выполнение преступления.

Грань между голым умыслом и приготовлением установить нетрудно. Это грань между мыслью и действием, между намерением совершить преступление и его осуществлением. Началом совершения преступления является общественно опасное действие, направленное на реализацию преступного намерения. Начав совершение такого действия, субъект становится преступником, переступает грань между ненаказуемой и наказуемой деятельностью.

Поэтому не является началом осуществления преступного умысла обдумывание плана совершения преступного деяния, хотя бы о наличии у субъекта преступного намерения стало известно другим лицам. Разумеется, сам преступник считает такое обдумывание необходимым условием подготовки к совершению преступного деяния. Практика показывает, что преступник, задумав совершение тяжкого преступления, предварительно тщательно обдумывает, где, в какое время и как выполнить преступление, чтобы наверняка добиться желаемого результата и избежать раскрытия преступления. Но если эта деятельность не выходит за рамки «мысленного действия» — обдумывания плана совершения преступления, она не является осуществлением преступного намерения и не может быть признана приготовлением к преступлению. Такая деятельность еще не имеет характера выраженного во вне общественно опасного действия.

Так, К. решил завладеть деньгами Г., у которой он проживал на правах квартиранта. С этой целью еще за неделю до совершения преступления он разработал для себя точный план, согласно которому впоследствии и действовал. Он решил уйти в 10 час. вечера с работы так, чтобы никто не заметил его ухода, то есть выйти не через заводскую будку, а перелезть через забор, направиться на квартиру, обождать, когда Г. уснет, убить ее

имеющимся в сенях топором, взять деньги из шкафа, спрятать их под крышей дома и опять незаметно возвратиться на завод¹. Само по себе подобное составление плана совершения преступления без последующих действий, направленных на его выполнение, даже если этот план стал известен другим лицам, не могло бы рассматриваться как преступное, уголовно-наказуемое поведение и может влечь за собой только моральное осуждение.

✓ Положение однако, меняется, если обдумывание плана совершения преступления делается сообща несколькими лицами—соучастниками (совместное обсуждение наиболее подходящего времени, места и способа выполнения задуманного преступного деяния, распределение ролей между участниками преступления и т. п.). Такая деятельность приобретает характер конкретного внешнего поведения по осуществлению преступного намерения и является не обнаружением умысла, а начальной стадией совершения преступления.

В качестве примера можно привести действия Дмитрия А. и двух его дочерей, Марии и Фани, которые, опасаясь, что Петр К. (муж Фани) намерен разоблачить их спекулятивную деятельность, собрались втроем на «семейную сходку», долго и тщательно обдумывали, как избавиться от Петра К., ставшего преградой в продолжении их преступной деятельности. В результате был разработан подробный план его убийства².

К неоконченному преступлению, а не к обнаружению умысла, должны быть отнесены всякие переговоры с другими лицами, хотя бы и безуспешные, направленные на подыскание соучастников (соисполнителей, пособников, укрывателей). В этом отношении характерно дело по обвинению Н., П., К. и Л., признанных виновными в приготовлении к хищению государственного имущества. Их действия выразились в подыскании и подговоре соучастников, преступления, без участия или содействия которых хищение было невозможно³.

✓ Сообщение другому лицу о наличии преступного намерения является ненаказуемым обнаружением умысла, если оно не соединено с предложением принять участие

¹ См. „Социалистическая законность“ 1927 г. № 2, стр. 88.

² См. „Социалистическая законность“ 1929 г. № 1, стр. 63.

³ См. „Советская юстиция“ 1937 г. № 15, стр. 31.

в совершении преступления. Если же такое предложение сделано, налицо вербовка соучастников, являющаяся приготовлением к преступлению, независимо от того, была ли она успешной.

Самое создание преступного сообщества, самый факт соглашения о совершении преступления в ряде случаев рассматриваются нашим законодательством в качестве самостоятельных преступлений, независимо от того, приступило ли сообщество к осуществлению своих преступных целей. Так, совершение контрреволюционных преступлений настолько опасно, что уже один факт создания контрреволюционной организации, участие в такой организации и вступление в нее представляют реальную угрозу для социалистического общества и поэтому предусматриваются в уголовных кодексах союзных республик в качестве самостоятельного преступления (ст. 58¹ УК). Аналогично решается вопрос о квалификации организации вооруженных банд и участия в них (ст. 59³ УК).

Уголовному законодательству зарубежных социалистических стран также известен целый ряд составов, предусматривающих в качестве самостоятельных преступлений сговор совершить преступление, создание преступного сообщества и т. п.

Так в Уголовном кодексе Народной Республики Болгарии в качестве самостоятельных составов предусмотрены: создание организации или группы, ставящей себе целью свержение, подрыв или ослабление народно-демократической власти (ст. 70); заговор, направленный на совершение преступлений против Народной Республики (ст. 93); организация сообщества с целью подделки денежных и других знаков (ст. 236) и некоторые другие.

Статья 67 УК Монгольской Народной Республики предусматривает в виде самостоятельного состава преступления создание контрреволюционной организации и участие в ней с целью подготовки или совершения одного или нескольких контрреволюционных преступлений. В статье 72 того же кодекса, а также в ст. 82 УК Кореиской Народно-Демократической Республики признается самостоятельным (оконченным) преступлением сам факт организации вооруженных (бандитских) групп и участие в них.

Ряд составов подобного рода имеется и в уголовных кодексах тех зарубежных социалистических стран, в которых приготовление как стадия совершения преступления ненаказуемо. Согласно ст. 227 УК Румынской Народной Республики наказывается как заговор договоренность двух или нескольких лиц о совместном совершении какого-либо из перечисленных в этой статье преступных деяний. Статья 315 того же кодекса устанавливает: «Сам факт объединения с целью подготовки или осуществления преступлений или проступков или даже для совершения лишь одного определенного преступления или проступка против жизни, телесной неприкосновенности или свободы человека, или против имущества независимо от срока существования этого объединения и количества членов; а также любой предварительный сговор для этой цели является проступком—объединение против общественного спокойствия...».

В § 166 УК Чехословацкой Республики предусмотрена уголовная ответственность за создание сообщества, имеющего целью совершение преступных деяний, караемых лишением свободы на срок не ниже одного года. Кроме того, в этом кодексе имеются специальные составы, устанавливающие ответственность за создание организации или группы для совершения отдельных наиболее тяжких преступлений (§§ 78, 80, 86, 99, 107, 275, 277 и др.).

Выходят за рамки обнаружения умысла и становятся приготовлением к преступлению такие действия, как предложение услуг для совершения преступления или заявление о готовности совершить таковое в интересах другого лица за определенное вознаграждение, хотя бы такое предложение услуг и было отвергнуто лицом, которому оно было адресовано. Так, лицо, пытавшееся установить контакт с агентом иностранной разведки или давшее ему устно или письменно согласие заниматься шпионской деятельностью в пользу этой разведки, виновно в приготовлении к совершению контрреволюционного преступления (измены родине или шпионажа).

✓ Не может рассматриваться как обнаружение умысла также предложение или обещание взятки должностному лицу, а равно изъявление желания быть посредником в передаче взятки, сделанное лицу, заинтересованному в

таком посредничестве. Обнаружением умысла эти действия являются лишь в том случае, когда намерение сообщается достороннему лицу. В остальных случаях налицо будет приготовление к преступлению, ибо уже совершаются конкретные действия, направленные на выполнение состава задуманного преступного деяния. Если же предложение или обещание взятки сопровождается попыткой передачи денег или иной ценности должностному лицу лично или через посредника, в действиях виновного имеется покушение на дачу взятки, а если ценность передана (хотя бы и не принята должностным лицом) — оконченная дача взятки.

Обещание недоносительства или попустительства лицу, намеренному совершить преступление, является не обнаружением умысла на недоносительство или попустительство (последние могут и не быть преступными и наказуемыми), а определенным действием, в котором выражается помощь преступнику. Здесь правда, налицо не только самый факт обещания, но и последующее преступное бездействие — недоносительство или попустительство. Однако наказуемыми в качестве пособничества они становятся именно благодаря данному обещанию, находящемуся в причинной связи с совершенным преступлением.

Ненаказуемое во всех случаях обнаружение умысла¹ качественно отличается от приготовления, наказуемого при наличии определенных условий. Различие между ними — это различие между ненаказуемой и наказуемой деятельностью лица; намеренного совершить преступление. Поэтому правильное проведение грани между обнаружением умысла во вне и приготовлением к преступлению является важным условием соблюдения социалистической законности в отправлении уголовного правосудия. Смещение этих различных понятий может стать причиной ошибок в судебно-прокурорской прак-

---

¹ Некоторые авторы усматривают „обнаружение умысла“ и в случаях его осуществления. Так, И. И. Слуцкий в качестве примера обнаружения умысла приводит психическое насилие (угрозу) при разбое и указывает, что якобы „в данном случае обнаружение умысла (угроза) сливается с покушением и окончанным преступлением (разбойное нападение)“ (И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключают уголовную ответственность*, 1951, стр. 54). Такое мнимое „обнаружение“ умысла, конечно, наказуемо.

тике. Оно может повлечь за собой осуждение невиновных, намеренных совершить преступление, но еще не приступивших к его осуществлению, или оправдание виновных, совершивших общественно опасные подготовительные действия.

Следует отметить, что это в должной мере не учитывается некоторыми советскими криминалистами, относящими к обнаружению умысла не только многие случаи приготовления, но даже отдельные действия, образующие покушение.

Так Н. Д. Дурманов, вслед за А. Я. Вышинским, предлагает считать равнозначными обнаружению умысла случаи покушения на дачу взятки, выразившиеся в передаче ценностей мнимым должностным лицам и мнимым посредникам. Неосновательно уматривая в этих случаях наличие так называемого «нереального» объекта, Н. Д. Дурманов считает, что названные действия являются лишь «предполагаемыми преступлениями», так как якобы в действительности никакого преступного деяния еще не совершено.

Возражая против наказуемости рассматриваемых действий, Н. Д. Дурманов ссылается на то, что «если бы не было жулика, выдававшего себя за должностное лицо или за посредника во взяточничестве, вполне вероятно, что лицо, давшее ему деньги в данном конкретном случае, никогда не дало бы взятки настоящему должностному лицу»¹. Но оснований для такого предположения нет, ибо лицо, дающее деньги жулику, считает его настоящим должностным лицом или посредником, в противном случае оно не передало бы ему ценностей.

Последовательно развивая мысль Н. Д. Дурманова, можно было бы прийти к выводу и о ненаказуемости действий пособника и укрывателя (не будь исполнителя, некому было бы оказывать содействие), исполнителя (если бы не было подстрекателя, субъект, возможно, сам не совершил бы преступления), не доносителя (если бы не было преступления, не о чем было бы и сообщать) и т. д.

Н. Д. Дурманов ссылается также на то, что «обычно единственным лицом, которое может дать наказа

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 156.

ния о факте дачи такой «взятки», является сам давший «взятку», но если он будет выступать в качестве обвиняемого, а не свидетеля, то трудно ожидать от него раскрытия всего дела»¹. Но при наличии примечания к ст. 118 УК такое опасение является неоправданным. Именно благодаря наказуемости своих действий субъект будет стремиться воспользоваться примечанием к ст. 118 УК и сообщить органам власти о действиях обманщика. Нельзя забывать также и того, что после выявления обмана со стороны мнимого посредника или мнимого должностного лица (как и в случае невыполнения настоящим должностным лицом того, что им было обещано за взятку) лицо, передавшее деньги или иную ценность, считает себя потерпевшим и обращается, как правило, в суд или в другой орган власти за защитой своих «нарушенных прав»².

Мы считаем, что Пленум Верховного Суда СССР в своем руководящем постановлении от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» вполне правильно предложил квалифицировать передачу ценностей мнимым посредникам для вручения их должностному лицу по ст. 19 и ст. 118 УК³. Эти действия содержат в себе все признаки покушения на дачу взятки, являются общественно опасными и поэтому не могут быть отнесены к ненаказуемому обнаружению умысла. Аналогично должна квалифицироваться также передача «взятки» мнимому должностному лицу.

§ 3. Наказуемость приготовления к преступлению по действующему советскому уголовному законодательству

Согласно действующему советскому уголовному законодательству неоконченное преступление, в том числе и приготовление, влечет за собой применение тех же мер наказания, которые назначены уголовным законом

¹ Н. Д. Дурманов, указанная работа, стр. 157.

² Так, И. дала управляющей ей домами З. 2000 руб., за что последняя обещала предоставить И. комнату. Поскольку З. своего обещания не выполнила, И. предъявила в народный суд иск о возврате денег. Характерно, что не только И. считала себя потерпевшей. Такого же мнения был и суд. Вместо того, чтобы направить дело прокурору для расследования по признакам ст. 117 УК народный суд иск удовлетворил («Социалистическая законность» 1947 г. № 6, стр. 22).

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 1—3.

за «данный вид преступления». Советский закон не содержит указаний на обязательность смягчения наказания за приготовление (и покушение) по сравнению с наказуемостью оконченного преступления и устанавливает принцип факультативного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность.

В отдельных же случаях законодатель, учитывая повышенную опасность некоторых преступлений, конструирует составы этих преступлений так, что в понятие оконченного преступления включаются в том или ином объеме и приготовительные действия. Путем создания таких «усеченных» составов преступлений приготовление признается оконченным преступлением и, следовательно, влечет за собой наказание наравне с оконченным преступным деянием.

Так, ст. 58¹¹ УК прямо указывает, что всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из этих преступлений, влекут за собой такие же меры наказания, как и оконченное преступление. Аналогичное решение этого вопроса наблюдается и в ряде зарубежных социалистических стран. Статья 78 УК Коре́йской Народно-Демократической Республики содержит состав, аналогичный составу, предусмотренному ст. 58¹¹ УК. Близка к этим статьям по своему содержанию также ст. 75 УК Народной Республики Албании, согласно которой участие в организации, созданной для борьбы против народной власти, «карается как оконченное преступление на основании статьи, предусматривающей соответствующее преступление». Приготовление к контрреволюционным преступлениям признается оконченным деянием и в законодательстве Германской Демократической Республики. В частности, к оконченному преступлению приравнивается создание организации, имеющей целью совершение саботажа, вредительства, шпионажа, диверсии, террористических актов и т. д. (ст. 6 Конституции Германской Демократической Республики)¹.

Параграф 78 УК Чехословацкой Республики предусматривает суровые меры наказания за государственную

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики, М., 1957, стр. 31, 37.

измену, виновным в которой признается и тот, кто для совершения изменнических действий войдет с кем-либо в сообщество или установит связь с иностранным государством или же с иностранцами. За квалифицированные виды измены, хотя бы последняя выразилась в подготовке совершения изменнических действий, в Чехословацком Уголовном кодексе устанавливается наказание в виде смертной казни.

Согласно уголовному законодательству Китайской Народной Республики сам факт создания контрреволюционных организаций и банд рассматривается как оконченное преступление. В ст. 7 Положения о наказании за контрреволюционную деятельность признается оконченным (самостоятельным) преступным деянием организация контрреволюционных и шпионских групп или участие в них. Статья 7 утвержденного 19 апреля 1951 г. Временного положения о наказаниях за подрыв государственной денежной системы устанавливает, что приготовление к совершению преступлений, предусмотренных этим Положением, и покушение на их совершение влекут смягченное наказание, однако при наличии в них контрреволюционной цели они караются наравне с оконченным преступлением.

Наиболее общественно опасные приготовительные действия объявляются самостоятельными, оконченными преступлениями не только в разделе контрреволюционных преступлений, но и в некоторых других разделах уголовного кодекса. По уголовному кодексу БССР (ст. 91) и Уголовному кодексу УССР (ст. 56²⁸) признается самостоятельным преступлением и наказывается наравне с соответствующими оконченными преступлениями всякого рода организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение особо опасных для Союза ССР преступлений против порядка управления. Предусмотренные в уголовных кодексах союзных республик организация вооруженных банд и участие в них (ст. 59³ УК), подделка документов (ст. ст. 72 и 170 УК), изготовление, хранение и сбыт без надлежащего разрешения сильнодействующих ядовитых веществ (ст. 179 УК), изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, огнестрельного (кроме охотничьего) оружия без надлежащего разрешения (ч. 1 ст. 182 УК), изготовление, хранение, сбыт и ношение кин-

жалов, финских ножей и тому подобного холодного оружия без разрешения соответствующих органов (ч. 4 ст. 182 УК) и некоторые другие подобные преступления являются по существу приготовительными действиями к совершению других преступлений, но объявлены законодателем самостоятельными, оконченными преступлениями как представляющие уже в этой стадии их развития серьезную общественную опасность.

Подобного рода составы преступлений имеются и в уголовном законодательстве зарубежных социалистических стран. Так, в ст. 256 УК Народной Республики Албании предусмотрена ответственность за изготовление или сбыт поддельных печатей или штампов учреждения или предприятия, а также незаконное присвоение, приобретение или сбыт печатных бланков учреждения или предприятия в целях изготовления поддельных документов.

Среди приготовительных действий, объявленных в нашем законодательстве самостоятельными преступлениями, можно выделить две группы: а) действия, всегда составляющие приготовление к другому преступлению (организационная деятельность, направленная на подготовку контрреволюционных преступлений, организация вооруженных банд и др.), и б) действия, караемые независимо от того, являются ли они или нет приготовлением к другому преступлению (незаконное владение оружием, ядами и др.).

Правда, преступления второй группы, как и первой, обычно также являются приготовлением к совершению других преступлений. Именно поэтому они и объявлены уголовно-наказуемыми. В этих случаях действия виновного должны квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений¹. Например, подлог документов

¹ В. Г. Кудрявцев, правильно пишет: „Если способ совершения преступления предусмотрен в уголовном законодательстве в качестве самостоятельного преступления, то, естественно, это преступление имеет собственный объект посягательства. Когда такое преступление используется для совершения другого, более тяжкого преступления, посягающего на другой специальный объект, то содеянное необходимо квалифицировать по двум статьям Особенной части, так как налицо посягательство на две различные группы общественных отношений, каждая из которых охраняется особым законом“ (В. Н. Кудрявцев, Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение, „Советское государство и право“ 1957 г. № 8, стр. 68).

с целью незаконного получения государственного или общественного имущества должен квалифицироваться, по нашему мнению, по совокупности как подделка документов и приготовление к хищению социалистической собственности (если еще не была предпринята непосредственная попытка получить имущество, ибо в этом последнем случае налицо будет покушение или оконченное преступление, в зависимости от того, смог ли преступник добиться своей цели).

Вряд ли можно признать правильным руководящее указание Пленума Верховного Суда СССР, содержащееся в его постановлении от 28 мая 1954 г., о квалификации хищения путем подлога документов только по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

При квалификации приготовительных действий, объявленных путем создания «усеченных» составов самостоятельными, оконченными преступлениями, не следует ссылаться на ст. 19 УК. Подобные приготовительные действия должны наказываться не как стадия в развитии преступной деятельности, а как деятельность, приравненная по своей наказуемости к оконченному преступлению. Это обстоятельство, к сожалению, не учитывается некоторыми судами.

Так, Верховный суд РСФСР неправильно квалифицировал действия Ш. и др. по ст. 19 и ст. 59³ УК. Преступление этих лиц выразилось в том, что они организовались в вооруженную банду для совершения нападения на граждан и ограбления хуторов в районах Псковской области. При попытке поехать в район г. Изборска для совершения ограбления Ш. и другие участники банды были задержаны.

Свой вывод о том, что в действиях виновных нет состава оконченного бандитизма, коллегия мотивировала тем, что «бандитская группа была по существу в стадии организации и подготовки к совершению вооруженного нападения на один из хуторов; план нападения не был осуществлен вследствие задержания участников банды, и поэтому действия их подлежат квалификации по ст. ст. 19 и 59³ УК».

Верховный Суд СССР признал такую квалификацию противоречащей ст. 59³ УК, поскольку эта статья признает оконченным преступлением уже сам факт организа-

ции банды и вступления в нее. В своем определении по настоящему делу от 22 февраля 1947 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что Ш. и все участники организованной им банды «должны быть признаны виновными не в приготовлении или покушении на бандитизм, а в бандитизме, хотя их преступные цели и не были осуществлены по независящим от них обстоятельствам»¹.

Применение за приготовление такого же наказания, как и за оконченное преступление, по советскому уголовному законодательству может иметь место в отдельных весьма редких случаях и тогда, когда приготовление не приравнивается по своей квалификации к оконченному преступлению и наказывается как начальная стадия совершения преступного деяния. Смягчение наказания за предварительную преступную деятельность по социалистическому уголовному праву является правом, а не обязанностью суда. Принцип обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление противоречил бы в некоторых случаях задаче максимальной индивидуализации наказания в соответствии с тяжестью совершенного преступления и личностью преступника. Необходимость такой индивидуализации может потребовать в отдельных исключительных случаях назначения за неоконченное преступление такого же наказания, что и за оконченное преступное деяние. Следует согласиться с Ю. А. Фроловым, что «если бы суд был связан необходимостью всегда смягчать наказание лицу, не добившемуся по независящим от него обстоятельствам совершения задуманного в полном объеме, то это противоречило бы принципу индивидуализации наказания, ибо суд обязан был бы смягчать наказание вопреки своему убеждению в том, что опасность данного преступника и деяния, которое он намеревался совершить, не позволяет осуществить такое смягчение»².

Исходя из принципа факультативного смягчения наказания за неоконченное преступление, ст. 11 Основных начал и соответствующие статьи республиканских уго-

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ за 1947 г., вып. IV (XXXVII), стр. 22.

² Ю. А. Фролов, Принцип индивидуализации наказания по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, Киев, 1954, стр. 11.

ловных кодексов предлагают суду учитывать при определении наказания за приготовление наряду с обстоятельствами, указанными в ст. ст. 47 и 48 УК, также ряд обстоятельств, связанных с недоведением преступления до конца. К числу последних в советском уголовном законодательстве и в уголовных кодексах зарубежных социалистических стран отнесены следующие обстоятельства:

1. Степень опасности того преступления, которое субъект мог совершить, если бы ему удалось осуществить свое преступное намерение. Учет этого обстоятельства находит свое выражение в том, что наказание за приготовление определяется, как правило, в пределах санкции, предусмотренной в законе за соответствующее оконченное преступление.

2. Степень осуществления преступного намерения, то есть стадия совершения преступления. Несмотря на то, что законодатель предусматривает наказуемость приготовительных действий, случаи привлечения к уголовной ответственности за приготовление сравнительно редки. Наказывается приготовление, как правило, намного мягче, чем покушение. Правильно отмечает Т. В. Церетели, что приготовление еще не создает реальной возможности наступления общественно опасных последствий. (Приготовительные действия недостаточно активны. Они лишь в незначительной степени способствуют осуществлению преступного последствия, отдалены от него во времени. Вследствие этого открывается широкая возможность для вмешательства различных сил и обстоятельств, которые могут воспрепятствовать наступлению общественно опасного результата; «мотивы, оказавшиеся достаточными для совершения приготовительных действий, могут оказаться недостаточными для действительного выполнения преступления. Между приготовлением к преступлению и его окончанием существует довольно большой промежуток времени, в течение которого у лица могут возникнуть мотивы, противодействующие совершению им преступления (страх перед наказанием или общественным порицанием, чувство стыда перед товарищами, жалость в отношении намеченной жертвы и т. п.)»¹. Все это обуславливает меньшую об-

¹ Т. В. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность» 1954 г. № 12, стр. 12.

ественную опасность приготовления по сравнению с покушением.

3. Степень подготовительности преступления, то есть объем и характер выполненных в пределах стадии приготовления преступных действий, которые могут свидетельствовать о большей или меньшей опасности приготовления. Устройство вооруженной засады с целью убийства, например, должно быть наказано строже, чем одно лишь приобретение для этой цели оружия. Отправление шайки воров, приобретших орудия взлома, к месту кражи более опасно, чем один лишь сговор совершить данное преступление.

4. Причины, помешавшие виновному довести начатое им преступление до конца. Характер этих причин имеет немаловажное значение для определения общественной опасности преступника и выполненных им подготовительных действий.

С учетом указанных обстоятельств, связанных с недоведением преступления до конца, суды, как правило, должны назначать за приготовление наказание значительно сниженное, приближающееся к низшему пределу санкции соответствующей статьи уголовного кодекса.

Необходимость такого снижения наказания за приготовление к преступлению прямо предусматривается в ряде случаев в уголовном законодательстве зарубежных социалистических стран. Так, ст. 94 УК Народной Республики Болгарии устанавливает за приготовление к преступлениям против Народной Республики наказание в виде лишения свободы до трех лет. Эта статья, разумеется, не распространяется на случаи, когда приготовление к указанным преступлениям предусмотрено в качестве специальных составов и влечет повышенное наказание, будучи приравненным по своей наказуемости к оконченному преступлению (таковы, например, составы преступлений, предусмотренных ст. ст. 70, 79, 83, 93 УК Болгарии). Оконченное умышленное убийство, совершенное при отсутствии смягчающих обстоятельств, карается по этому уголовному кодексу лишением свободы не ниже десяти лет, а в особо тяжких случаях — смертной казнью (ст. ст. 126, 127), приготовление же к убийству влечет лишение свободы на срок до двух лет (ст. 133).

При определении наказания за приготовление к преступлению суды могут снизить наказание ниже низшего предела санкции соответствующей статьи уголовного кодекса или применить условное осуждение. Если таким правом суды располагают в отношении лиц, осуждаемых за совершение оконченных преступлений, то тем более это право должно быть признано в отношении лиц, привлекаемых к ответственности за приготовительные к преступлению действия. В отношении последних снижение наказания ниже низшего предела и условное осуждение применяются довольно часто, они не имеют такого исключительного характера, как при осуждении за оконченные преступные деяния. При этом учитываются все смягчающие обстоятельства, примерный перечень которых дан в ст. 48 УК.

Условное осуждение было применено в отношении М., признанной виновной в приготовлении к криминальному аборт. М. намеревалась сделать у себя на квартире аборт Г., о чём предварительно с ней договорилась. Работая в качестве dietсестры в гинекологическом отделении больницы, М. во время одного из своих дежурств взяла необходимые для производства аборта инструменты, принадлежавшие больнице, и принесла домой. Когда к ней, согласно предварительной договоренности пришла Г., М. заперла дверь квартиры, завесила окно байковым одеялом, вскипятила воду, приготовила инструменты, одела белый халат, но в этот момент была задержана оперуполномоченным отделения милиции и комендантом клинической больницы, узнавшими о том, что М. в этот день собирается у себя на квартире сделать аборт неизвестной женщине.

По приговору народного суда М. была осуждена по ст. 22 и п. «б» ст. 217 УК БССР к трем годам тюремного заключения условно с трехлетним испытательным сроком. В качестве основания для применения ст. 56 УК БССР суд указал на то, что преступление не было доведено до конца и что на иждивении М. имеется двое детей в возрасте до десяти лет.

Рассматривая дело о приготовлении к преступлению, суд вправе, в соответствии со ст. 8 УК, вовсе освободить подсудимого от наказания, если совершенные им преступные действия к моменту рассмотрения дела потеряли характер общественно опасных или если сам

виновный к указанному моменту не может быть признан общественно опасным.

Уголовное дело об ответственности за приготовление к преступлению не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса в силу примечания к ст. 6 УК, если приготовительные действия лишены признака общественной опасности вследствие явной малозначительности и отсутствия вредных последствий.

При этом следует иметь в виду, что, как правило, не могут быть признаны малозначительными приготовительные действия к тяжким преступлениям и, в первую очередь, к контрреволюционным, в чем бы эти начальные преступные действия ни выразились. Лишь весьма отдаленные от непосредственного совершения этих преступлений приготовительные действия могут быть иногда признаны малозначительными вследствие того, что их предполагаемая роль в последующем совершении преступления слишком незначительна.

Нельзя также говорить об отсутствии вредных последствий в случаях приготовления к этим преступлениям. Об отсутствии вредных последствий в смысле примечания к ст. 6 УК может идти речь лишь в отношении таких действий, которые не только не причинили вреда, но и не были умышленно направлены на причинение социалистическим общественным отношениям ущерба в значительном размере¹.

По отношению ко многим менее опасным, малозначительным преступлениям вся область приготовительных действий должна быть признана ненаказуемой в виду сравнительной малоценности объекта посягательства. Приготовительные действия к таким преступлениям лишены общественной опасности и поэтому не могут влечь уголовной ответственности.

Практика показывает, что приготовление к преступлению целесообразно наказывать лишь в отношении особо опасных преступных деяний и преступлений средней тяжести.

Таким образом, при решении вопроса о том, какие приготовительные действия следует считать малозначи-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М.-Л., 1948, стр. 266.

тельными и поэтому ненаказуемыми, необходимо учитывать, как правильно указывают Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, следующие три основных момента:

а) степень созданной действием субъекта возможности наступления преступного результата, иными словами степень способствования этому результату;

б) общественную значимость объекта, на который направлено посягательство;

в) объем вреда, который мог быть причинен объекту посягательства.

Все эти три момента должны учитываться при определении степени общественной опасности приготовления не изолированно, а в их совокупности, в их диалектическом единстве. Кроме того, должны учитываться место и время совершения преступления, социально-политическая обстановка, в которой совершены приготовительные действия, избранный преступником способ совершения преступления, личность виновного и ряд других обстоятельств, характеризующих степень опасности совершенного деяния и самого субъекта¹.

В нашей уголовно-правовой литературе было высказано мнение, что при решении вопроса о наказуемости приготовительных действий необходимо учитывать общее назначение предметов и орудий, приобретаемых субъектом для совершения преступления, то есть являются ли они предметами обычного обихода или орудиями, специально служащими для выполнения преступных действий. Н. Д. Дурманов считает, что приобретение или приспособление для целей совершения преступления предметов бытового обихода (топора—для совершения убийства, лома—для совершения кражи имущества из закрытого помещения, спичек и керосина—для поджога дома и т. п.) по общему правилу не является общественно опасной деятельностью. По мнению Н. Д. Дурманова, приобретение топора для совершения даже такого тяжчайшего преступления против личности, как умышленное убийство, является малозначительным и ненаказуемым действием, так как «приобретение топора еще

---

¹ См. Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили, Состав преступления как основание уголовной ответственности, „Советское государство и право“ 1954 г. № 5, стр. 75, 77.

относительно не свидетельствует, что дальнейшие действия выразятся в посягательстве на человеческую жизнь»¹.

Такой подход к решению вопроса о наказуемости приготовительных действий нельзя признать правильным. Приобретение предметов бытового обихода с целью их использования для совершения преступления редко может служить предметом судебного рассмотрения, но не потому, что эти действия малозначительны, а потому, что они сами по себе в достаточной мере не выявляют во вне наличие преступной цели.

Как указывал А. Н. Трайнин, привлечение к уголовной ответственности за приготовительные действия только в случаях, когда они являются общественно опасными, помимо ст. ст. 6 и 8 УК, «обеспечивается и другим — возможностью фиксировать преступную цель первоначальных действий (а без этого невозможно применение ст. 19)...лишь в наиболее серьезных случаях, например, изготовление клише для подделки денег, приготовление к поджогу и т. п.»². Действительно, чем дальше приготовительное действие отстоит от стадии оконченного преступления, тем труднее оно распознаваемо в силу недостаточного развития объективной стороны преступления. Об умысле субъекта можно судить по его действиям, но эти действия еще настолько далеки от непосредственной попытки причинить преступный результат, в такой степени лишены ярко выраженной «преступной окраски» и допускают различное их истолкование, что практически раскрытие подобного приготовления к преступлению часто представляется невозможным. При совершении подобных действий трудно доказать наличие преступной цели, так как сам преступник тщательно скрывает свои преступные намерения.

Однако в случае доказанности умысла на совершение преступления приготовительные действия, выразившиеся в приобретении в качестве орудий преступления предметов обычного обихода, могут быть признаны общественно опасными и уголовно-наказуемыми с учетом тяжести подготавливаемого преступления. Имеет значение не то,

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 70, 90; см. также его, Понятие преступления, М.-Л., 1948, стр. 208.

² А. Н. Трайнин, Уголовное право, часть Общая, М., 1929, стр. 331.

является ли подготавливаемый для совершения преступления предмет принадлежностью бытового обихода или не является, а то, какой вред рассчитывает причинить преступник, какое преступное деяние при помощи этого предмета он намерен совершить. Одинаково опасно приготовление к убийству путем приобретения специально предназначенного для этой цели топора, вил или пистолета и т. п., хотя сам факт приобретения, например, пистолета уже сам по себе является уголовно-наказуемым деянием. Важно лишь установить, что умысел на совершение преступления уже сложился, что лицо и его действия, направленные на осуществление преступного намерения, общественно опасны.

Привлечение к уголовной ответственности только за общественно опасные приготовительные к преступлению действия и определение за них наказания в соответствии со степенью опасности содеянного и личностью преступника является проявлением максимальной индивидуализации ответственности. Все это обеспечивает вынесение по делам о приготовлении к преступлению правильных и справедливых приговоров.

В отношении неоконченного преступления действуют общие положения советского уголовного права: наказуемость только общественно опасных и виновных действий, привлечение к ответственности только вменяемых лиц, достигших определенного возраста, определение наказания в рамках санкции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса с учетом указаний его Общей части, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, применение в необходимых случаях условного наказания и снижение наказания ниже низшего предела, освобождение от уголовной ответственности в случаях истечения давности уголовного преследования и т. п.) Распространение на неоконченную преступную деятельность этих общих положений уголовного права никаких сомнений не вызывает. На применении к приготовлению некоторых из них мы уже останавливались, остальные настолько очевидны, что нет надобности в их специальном рассмотрении. Однако на одном из этих последних следует все же остановиться ввиду допускаемых иногда на практике и в теории ошибок.

Мы имеем в виду положение о том, что ответственность за приготовление (и покушение) наступает по до

стижении того же возраста, что и за оконченное преступление, то есть по общему правилу, с четырнадцати лет, за исключением случаев, когда она в соответствии с Законом от 7 апреля 1935 г. может иметь место по достижении двенадцатилетнего возраста.

Нельзя согласиться с утверждением М. И. Ковалева, что ответственность за приготовление к убийству наступает не с двенадцати, а четырнадцати лет. К этому выводу М. И. Ковалев пришел на основании формального толкования закона от 7 апреля 1935 г. Согласно этому закону, по мнению М. И. Ковалева, «несовершеннолетние, начиная с 12 лет, несут ответственность за попытки к убийству (то есть за покушение на убийство), за приготовление же к убийству они ответственности не несут»¹.

М. И. Ковалев не учел указаний Пленума Верховного Суда СССР, данных в постановлении от 7 декабря 1945 г. по делу Д. и других. Тезис к этому постановлению гласит, что несовершеннолетние в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет отвечают не только за оконченные преступления, указанные в Законе от 7 апреля 1935 г., но и за приготовление и покушение на эти преступления.

Д., М. и Ч., как достигшие двенадцатилетнего возраста, были в числе других осуждены народным судом за кражу, не доведенную до конца по причинам, не зависевшим от виновных. Однако вступивший в законную силу приговор народного суда был впоследствии опротестован в порядке надзора Прокурором РСФСР по мотиву недостижения осужденными четырнадцатилетнего возраста в момент совершения преступления. В протесте указывалось, будто ст. 1 постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» устанавливает ответственность с двенадцатилетнего возраста за перечисленные в этом законе преступления лишь в том случае, когда они окончены, и только в отношении убийства в виде исключения установлена ответственность также и за покушение.

¹ М. И. Ковалев, Ответственность за приготовительные и преступные действия, «Социалистическая законность» 1954 г. № 8, стр. 21.

Верховный суд РСФСР протест отклонил. Определение было опротестовано Генеральным Прокурором СССР в Верховный Суд СССР, который, согласившись с протестом, отменил приговор и все последующие определения по тем же мотивам, которые были указаны в протесте Прокурора РСФСР.

Определение Верховного Суда СССР было отменено в порядке надзора Пленумом Верховного Суда СССР по следующим основаниям.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1941 г. было установлено, что ответственность несовершеннолетних с двенадцати лет за указанные в Законе от 7 апреля 1935 г. преступления наступает как в случае умышленного, так и в случае неосторожного их совершения. Президиум Верховного Совета СССР признал неправильным толкование этого закона в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 20 марта 1941 г., в котором разъяснялось, что ответственность несовершеннолетних, начиная с двенадцати лет, за преступления, предусмотренные в Законе от 7 апреля 1935 г., должна наступать лишь в случае умышленного их совершения. Президиум Верховного Совета СССР указал, что такое толкование не соответствует тексту Закона от 7 апреля 1935 г., вводит не предусмотренные законом ограничения и противоречит ст. 6 Основных начал. Следовательно, при применении Закона от 7 апреля 1935 г. сохраняют силу все общие начала советского уголовного законодательства, если иное прямо не указано в самом законе. В частности, к несовершеннолетним должна применяться также ст. 11 Основных начал, согласно которой уголовная ответственность наступает как в случае совершения оконченного преступления, так и за начатую преступную деятельность (приготовление и покушение).

«Отсюда следует сделать вывод,—говорится в постановлении Пленума,—что специальное указание в Законе от 7 апреля 1935 г. о наказуемости не только убийства, но и покушения на убийство само по себе не может рассматриваться как обстоятельство, исключющее ответственность несовершеннолетних за приготовление или покушение на другие преступления, предусмотренные этим законом, поскольку такое ограничение наказуемости положительно не выражено в самом законе.

Отсутствие такого ограничения, независимо от специального указания в отношении убийства, дает все основания считать, что в силу ст. 11 Основных начал...несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности не только за оконченные преступления, указанные в Законе от 7 апреля 1935 г., но и за приготовление к ним и покушение на них»¹.

Пленум отметил, что в Законе от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» слова «или попытки к убийству» отнюдь не противопоставляются остальной части текста, содержащей перечисление других преступлений. Приведенное указание отнесено к убийству, как наиболее тяжкому из перечисленных в этом Законе преступлений, а также в связи с тем, что именно в отношении убийства на практике чаще всего могут встречаться случаи неоконченного преступления.

Пленум обратил внимание также на то, что согласно толкованию Закона от 7 апреля 1935 г., данному Верховным Судом СССР, получается несуразное решение вопроса в случае совершения неоконченной кражи шайкой, в которой только часть членов достигла четырнадцатилетнего возраста. При отсутствии существенных различий в личности преступников и степени их участия в преступлении к уголовной ответственности привлекаются только лица, достигшие четырнадцати лет. Если учесть также, что за оконченную кражу понесли бы ответственность все участники преступления, то получается, что недоведение преступления до конца по независящим от виновных обстоятельствам освобождает некоторых из них (без каких-либо оснований) от уголовной ответственности. Подобное решение вопроса, безусловно, противоречило бы принципам советской уголовно-судебной политики в области борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Д. и других подробно и убедительно аргументировано. Содержащееся в нем толкование Закона от 7 апреля 1935 г. основано на общих принципах советского уголовного законодательства и безусловно является

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1946 г., вып. I (XXV), стр. 3—5.

правильным. Значение данного постановления Пленума выходит далеко за рамки того конкретного дела, по которому оно вынесено. Поэтому, хотя это постановление и не является руководящим, оно не может не учитываться судами в их практической деятельности.

§ 4. Какой должна быть конструкция ответственности за приготовление к преступлению?

Как указывалось ранее, приготовительные к преступлению действия ввиду трудной распознаваемости их преступного характера и сравнительно небольшой общественной опасности наказываются в редких случаях, при совершении некоторых наиболее тяжких преступлений. В связи с этим естественно возникает вопрос: нельзя ли без ущерба для борьбы с преступностью вообще отказаться от уголовного преследования за приготовление, объявив его в законе действием ненаказуемым? Если же наказуемость приготовления к преступлению должна быть сохранена, то в каком объеме? Целесообразно ли оставить неизменной ныне действующую конструкцию ответственности за приготовление или следует заменить ее новой? В последние годы эти вопросы в советской уголовно-правовой литературе были подвергнуты довольно оживленному обсуждению.

Следует с удовлетворением отметить, что ни среди теоретиков уголовного права, ни среди практических работников нет сторонников полной ненаказуемости этой стадии совершения преступного деяния. Это и понятно.

Попытка отказаться от ответственности за приготовление, предпринятая в 1922 году, не оправдала себя. Последующее законодательство твердо придерживалось принципа наказуемости приготовления как начальной стадии совершения преступления.

Характерно, что и новые уголовные кодексы зарубежных социалистических стран признают приготовительные действия наказуемыми, хотя конструкция ответственности за эти действия в указанных кодексах не является одинаковой.

Случаи совершения общественно опасных приготовительных действий не так уж редки, как считают не-

которые. В нашей литературе отмечалось, что «случаи наказуемости приготовления редки не потому, что они в настоящее время подпадают под действие примечания к ст. 6 УК РСФСР, а потому, что судебно-следственные работники недостаточно считаются с тем, что основной задачей их деятельности является предупреждение преступлений, ликвидация их в самом зародыше. Много ли мы предупредим преступлений и возможна ли их ликвидация в самом зародыше, если отказаться или значительно сузить случаи наказуемости за приготовление!»¹. С этим нельзя не согласиться.

Наказуемость приготовления к преступлению именно для того и установлена, что она позволяет пресекать преступные посягательства в их зачаточной стадии и тем самым предотвращать наступление их вредных последствий. Это делает борьбу с преступлениями более эффективной, усиливает предупредительное значение наказания.

Объявление приготовительных действий ненаказуемыми неизбежно привело бы к тому, что многие из них, представляющие несомненную общественную опасность, судебная практика стала бы относить к покушению с целью признания их наказуемыми. Поэтому законодатель поступил совершенно правильно, отказавшись от слияния двух сходных, но все же различных понятий.

Известный действующему советскому уголовному законодательству институт ответственности за приготовление безусловно должен быть сохранен как эффективное орудие, обеспечивающее борьбу с тяжкими преступлениями на наиболее ранней стадии их совершения. Но о том, какой должна быть конструкция ответственности за приготовление, можно спорить.

Единодушно признавая необходимость сохранения наказуемости как покушения, так и приготовления, советские криминалисты расходятся в том, как должна быть сконструирована ответственность за приготовительные к преступлению действия в разрабатываемых новых основных началах уголовного законодательства и новых уголовных кодексах союзных республик. По этому вопросу существуют три точки зрения.

¹ „Социалистическая законность“ 1947 г. № 2, стр. 21.

А. Н. Трайнин решительно высказался за сохранение конструкции, принятой действующим советским уголовным законодательством, считая ее принципиально выдержанной и практически рациональной¹. Эта точка зрения поддержана В. М. Чхиквадзе² и Заместителем Председателя Верховного Суда СССР Л. Смирновым³.

Подобная конструкция ответственности за приготовление принята также в уголовных кодексах Монгольской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Албании. В Албанском уголовном кодексе имеется лишь то отличие, что согласно ст. 10 этого кодекса приготовлением признаются лишь «создание условий, прискаание и подготовка средств или орудий для совершения тяжкого преступления».

М. А. Чельцов, наоборот, считает, что нужно отказаться от ныне действующей конструкции ответственности за приготовление и, возвратившись в этом вопросе на позиции Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, объявить приготовление ненаказуемым, а в Особенной части уголовного кодекса предусмотреть ответственность за приготовление к наиболее опасным преступлениям путем создания «усеченных» составов⁴.

Подобным образом этот вопрос решен в уголовных кодексах ряда зарубежных социалистических стран: в Чехословацкой Республике, Румынской Народной Республике, в уголовном законодательстве Польской Народной Республики и Германской Демократической Республики.

Наконец, третья точка зрения высказана в уголовно-правовой литературе Н. Д. Дурмановым, А. А. Пи-

---

¹ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1941, стр. 168; Уголовная ответственность за приготовления к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 28—3; Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 71.

² См. В. М. Чхиквадзе, „Советское государство и право“ 1954 г. № 4, стр. 66—67.

³ См. Л. Смирнов, К основам уголовного законодательства СССР, „Социалистическая законность“ 1957 г. № 6, стр. 11.

⁴ См. М. А. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, „Социалистическая законность“ 1947 г. № 4, стр. 9.

онгковским и другими авторами¹. Сторонники этой точки зрения предлагают принять совершенно новую конструкцию ответственности за приготовление к преступлению, ранее не известную советскому уголовному законодательству. Сущность этой новой конструкции сводится к тому, что приготовление должно наказываться по-прежнему как стадия совершения преступления, но лишь в случаях, специально указанных в Особенной части уголовного кодекса. Такая конструкция ответственности за приготовление к преступлению известна Уголовному кодексу Венгерской Народной Республики и Уголовному кодексу Народной Республики Болгарии.

Указанные точки зрения имеют одну и ту же общую цель: закрепить в новом уголовном законодательстве принцип наказуемости только таких приготовительных действий, которые действительно являются общественно опасными. Но для достижения этой цели предлагаются различные пути. Какой же из этих путей в большей мере соответствует интересам и принципам социалистического правосудия; задачам укрепления социалистической законности? В литературе неоднократно высказывались различные предложения, направленные к тому, чтобы в какой-либо форме указать в самом законе случаи наказуемости приготовления, учтя при этом опыт применения в течение нескольких десятилетий уголовно-правовых норм об ответственности за приготовление к преступлению.

М. А. Чельцов предлагает это сделать путем создания в Особенной части уголовного кодекса «усеченных» составов преступлений, охватывающих и приготовитель-

---

¹ См. Н. Д. Дурманов, „Социалистическая законность“ 1946 г. № 7—8, стр. 6; Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 94—97 (в этой работе Н. Д. Дурманов считает возможным при определенных условиях сохранить и существующую систему ответственности за приготовление с оговоркой, что оно наказывается лишь в отношении тяжких преступлений, например, таких, которые караются лишением свободы на срок более одного года); А. А. Пионтковский, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 1, стр. 33; М. И. Ковалев, Ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 8, стр. 20—21. Т. В. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 12, стр. 12—13 и др.

ные действия. В обоснование такого решения вопроса он приводит следующие доводы:

1. В огромном большинстве случаев приготовительные к преступлению действия носят весьма неопределенный характер, трудно распознаваемы в качестве преступных действий и уже по этой причине фактически остаются безнаказанными. Это приводит к тому, что угроза наказанием за приготовление, постоянно остающаяся без применения, подрывает силу закона, устанавливающего это наказание.

2. При приготовлении всегда возможна ссылка на добровольность отказа от дальнейшего продолжения преступной деятельности и эту ссылку нелегко опровергнуть.

3. Законодательное провозглашение наказуемости приготовления, являющегося весьма отдаленной стадией развития преступной деятельности, стирает грань между дозволенным и запрещенным.

Следовательно, основным доводом в пользу возврата к системе ответственности за приготовление, которая была принята в Уголовном кодексе 1922 года, у М. А. Чельцова является указание на то, что приготовление практически наказуемо редко и поэтому в целях установления четкой грани между наказуемой и ненаказуемой предварительной деятельностью должно быть объявлено по общему правилу действием ненаказуемым.

Мы полагаем, что более правильной является точка зрения, согласно которой в Общей части уголовного кодекса надлежит сохранить нынешнее понятие приготовления как стадии умышленного преступления, но с целью внесения большей определенности в работу прокурорских и судебных органов должно быть установлено, что приготовление к преступлению влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях, специально указанных в Особенной части уголовного кодекса (государственные и некоторые другие тяжкие преступления)

Принятие законодателем этой системы ответственности за приготовление содействовало бы по нашему мнению еще большему укреплению социалистической законности, а также установило бы точные основания и пределы ответственности за приготовительные к пре-

ступлению действия. Положѣние Общей части уголовных кодексов о том, что наказуемы лишь общественно опасные приготовительные действия, было бы конкретизировано в Особенной части уголовных кодексов союзных республик путем прямого указания, приготовление к каким преступлениям представляет собой общественную опасность.

По действующему уголовному законодательству решение вопроса о том, при совершении каких преступлений приготовление влечет уголовную ответственность, как известно, всецело оставляется на усмотрѣние суда. Вряд ли это можно признать целесообразным. Установление того, какие действия должны быть признаны преступными и уголовно-наказуемыми, является прерогативой законодателя, а не суда.

Установление точных пределов ответственности за приготовление внесло бы еще большую определенность в отправление правосудия, помогло бы сосредоточить внимание прокурорско-судебных органов на необходимости пресечения в самом зародыше таких преступных действий, которые действительно опасны уже на стадии приготовления. Вместе с тем указание в особенной части уголовных кодексов тех преступлений, приготовительные действия к которым должны влечь уголовную ответственность, усилило бы правовые гарантии личности. Одной из таких гарантий является точнее определение в законе оснований и условий привлечения к уголовной ответственности.

С целью уточнения круга уголовно-наказуемых деяний и санкций, подлежащих применению за их совершение, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» в п. 8 признал необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступные деяния. Частично такие изменения в уголовное законодательство уже внесены: отменена уголовная ответственность за самоаборт, прогул без уважительных причин и самовольный уход с работы и за некоторые другие малозначительные преступления, смягчена ответ-

ственность за мелкое хищение государственного и общественного имущества и т. д.

Принятие решения о пересмотре уголовного законодательства в сторону признания некоторых действий ненаказуемыми и смягчения уголовной ответственности за отдельные преступления стало возможным благодаря тому, что в результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения материального и культурного уровня жизни советских людей, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также значительно сократилась преступность в стране.

В соответствии с общим смыслом Указа от 27 марта 1953 г. в новые общесоюзные Основные начала уголовного законодательства и в новые уголовные кодексы союзных республик должна быть внесена большая определенность в условия ответственности за приготовление к преступлению. Это с необходимостью вытекает из поставленной XX съездом партии задачи укрепления начал законности в деятельности судебно-прокурорских органов.

Мы не согласны с теми авторами, которые полагают, что должна быть сохранена ныне действующая система ответственности за приготовление к преступлению по той причине, что якобы предложение о признании наказуемости приготовления лишь в особо указанных в законе случаях противоречит интересам и принципам социалистического правосудия и поэтому неприемлемо. К такому выводу пришел А. Н. Трайнин в своей статье посвященной данному вопросу¹. Однако с приведенными в этой статье доводами вряд ли можно согласиться.

По мнению А. Н. Трайнина, действующая конструкция ответственности за приготовление к преступлению проверена судебной практикой и оправдала себя; в советской судебной практике не встречались случаи необоснованно широкого применения наказания за совершение приготовительных действий, так как в силу прямого указания ст. 6 УК и примечания к ней то или иное

¹ См. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 28—33.

действие (в том числе приготовление к преступлению) не может быть признано наказуемым, если оно не является общественно опасным¹. С этим следует согласиться. Однако это не означает, что следует отказаться от внесения еще большей определенности в условия ответственности за приготовление и тем самым облегчить рассмотрение судами этой категории дел, улучшить работу судов, исключить возможность неосновательного осуждения граждан за малозначительные приготовительные действия. Эту цель и преследует предложенная в литературе новая конструкция ответственности за приготовление к преступлению.

Нельзя согласиться с высказанным А. Н. Трайниным опасением, что принятие этой новой конструкции способно внести значительные затруднения в отправлении социалистического правосудия. Основанием для такого опасения послужило то, что будто бы на суд будет возложено «ненужное бремя схоластических исканий того, какого рода «принципиально» отличная стадия совершения преступления имеется в оцениваемых судом действиях—стадия безнаказанного приготовления или стадия наказуемого покушения»².

Нетрудно заметить, что в приведенном высказывании А. Н. Трайнин вопреки своим прежним взглядам³ допустил по существу отрицание качественного различия между приготовлением и покушением и, следовательно, несколько недооценил значение правильного их разграничения. Эта недооценка находится в явном противоречии с советским уголовным законодательством, которое, как правильно указывал и А. Н. Трайнин в своей статье, прямо предписывает учет степени подготовленности преступления, учет приготовления и покушения⁴. Ясно, что такой учет невозможен, если суд не установит, какое

¹ См. А. Н. Трайнин, указанная статья, стр. 30, 33.

² Там же, стр. 31.

³ В монографии о составе преступления А. Н. Трайнин специально подчеркивал важность и неотложность попыток разграничить приготовление и покушение, а также указывал, что общее учение о составе преступления дает основание для решения этой задачи (состав преступления, по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 312).

⁴ См. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 31.

действие совершено подсудимым—приготовление или покушение.

А. Н. Трайнин обвинил сторонников установления перечня преступлений, при совершении которых приготовление должно быть наказуемо, в стремлении связать меру наказания с какими-то формальными критериями и «втиснуть сложную конкретную обстановку в заранее заготовленную формальную схему», в игнорировании материального определения преступления¹. Это обвинение не имеет под собой никакой почвы. Установление в законе точных пределов уголовной ответственности является не формализмом, а непременным условием соблюдения в отправлении правосудия принципа социалистической законности.

Вряд ли можно согласиться с тем утверждением А. Н. Трайнина, что «перечневая система—мало рациональная система: всего не перечтешь» и поэтому неприемлема. В подтверждение этой мысли А. Н. Трайнин указывал на то, что сторонники перечисления в законе преступлений, по которым приготовление наказуемо, не включают в этот перечень некоторые преступления, приготовление к которым представляет общественную опасность (неквалифицированное хищение государственного и общественного имущества, спекуляцию и некоторые другие)². Такое упущение действительно имело место. Но из этого отнюдь не следует, что нужно вовсе отказаться от попыток дать исчерпывающий перечень. Допущенные ошибки необходимо исправить путем тщательного изучения материалов многолетней советской судебной практики.

Действующие уголовные кодексы союзных республик не дали перечня преступлений, приготовление к которым представляет реальную общественную опасность и должно влечь уголовную ответственность, не потому, что законодатель считал перечневую систему нерациональной, а потому, что советские законодательные органы тогда не располагали еще достаточными материалами судебной практики для решения этого вопроса. Поэтому, как правильно указывает Т. В. Церетели, в то время решение вопроса о наказуемости приготовления к преступле-

¹ См. А. Н. Трайнин, указанная статья, стр. 30—31.

² См. А. Н. Трайнин, указанная статья, стр. 32.

нию было оставлено на усмотрение судебных органов, которые должны были решать его в каждом отдельном случае в соответствии с общим духом социалистического уголовного законодательства и социалистическим правосознанием. Теперь же многолетний опыт судебной деятельности позволяет точно указать в законе те преступления, приготовление к которым в силу его общественной опасности подлежит уголовной ответственности.

Наконец последнее возражение А. Н. Трайнина против включения в уголовный кодекс нормы, устанавливающей наказуемость приготовления к преступлению в особо указанных в законе случаях, сводится к тому, что эта норма якобы приведет не к сужению, а к расширению ответственности за неоконченную преступную деятельность. Это может случиться, по его мнению, потому, что суды при применении статьи, в которой будет оговорена наказуемость приготовления, станут привлекать к уголовной ответственности за всякие приготовительные к данному преступлению действия, как бы ни были они далеки от совершения преступления. В качестве примера такого приготовления приводится подготовка субъектом в своем амбаре места для хранения имущества, которое данный субъект намерен похитить, при отсутствии каких-либо других действий, направленных на осуществление преступного намерения.

Эти опасения А. Н. Трайнина являются неосновательными ввиду наличия в советском уголовном законодательстве материального определения преступления. При отсутствии общественной опасности приготовление никогда не может влечь уголовной ответственности (ст. 6 УК и примечание к ней). Вряд ли найдутся судьи, которые усмотрели бы наказуемое приготовление в приведенном выше примере А. Н. Трайнина. Во избежание в судебной практике подобных ошибок, в определение приготовления необходимо включить указание на его общественную опасность как необходимый материальный признак всякого уголовно-наказуемого деяния.

К тому же опасность неосновательного осуждения за малозначительные приготовительные действия не умень-

---

¹ См. Т. В. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 12, стр. 13.

шается, а увеличивается, если в уголовных кодексах союзных республик не будет точного перечня преступлений, при совершении которых приготовление должно быть наказуемо.

При решении вопроса о том, какие преступления должны быть включены в этот перечень, следует прежде всего исходить из общественной значимости объекта посягательства, а также из данных судебно-прокурорской практики о том, при совершении каких именно преступных деяний приготовление действительно представляет опасность для социалистического общества.

По нашему мнению должна быть установлена наказуемость приготовления к следующим преступлениям: государственным преступлениям, хищению социалистической собственности, умышленному убийству, разбою, подделке денежных знаков и государственных ценных бумаг, умышленному истреблению и повреждению важных объектов государственной и общественной собственности, даче и получению взятки, спекуляции, квалифицированному подлогу документов и сбыту подложных документов, учреждению лжекооператива, уклонению от военной службы.

Разумеется, не всякое приготовление к этим преступлениям должно влечь уголовную ответственность. Если в том или ином конкретном случае суд придет к выводу, что приготовительное действие явно малозначительно и поэтому лишено признака общественной опасности, тем самым будет решен и вопрос об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления. На этом же основании может быть отказано в возбуждении уголовного дела или же принято решение о прекращении дела.

Глава третья

ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

§ 1. Понятие покушения на преступление

После приобретения орудий и средств преступления или выполнения других приготовительных к преступлению действий, субъект, как правило, вовсе не намерен ограничить ими свою преступную деятельность, он рассматривает их как выполнение лишь предварительных действий, входящих в намеченный план осуществления задуманного преступления. Приготовление обеспечивает возможность совершения впоследствии определенного преступного деяния. Целью преступника является именно совершение оконченного преступления.

Поэтому, если продолжению начатой преступной деятельности никто или ничто не мешает, виновный, не отказавшись от своего намерения выполнить преступление, после приготовительных действий приступает к непосредственной попытке совершения оконченного преступления. Если эта попытка оказывается неудачной и вопреки желанию субъекта преступление не доводится до конца, ответственность наступает за покушение на преступление.]

Определение покушения представляет известные трудности. Следует согласиться с А. А. Герцензоном, что «наибольшие трудности в разграничении стадий преступления содержатся в определении покушения»¹. Эти трудности объясняются тем, что понятие покушения охватывает разнообразные по своему характеру действия, непосредственно направленные на совершение преступле-

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 352.

ния, но не достигшие стадии оконченного преступления по независящим от виновного обстоятельствам.

Трудность установления признаков покушения при рассмотрении судебными органами соответствующей категории дел усугубляется тем, что в действующем советском уголовном законодательстве (за исключением Уголовного кодекса УССР) нет нормы, определяющей эту стадию преступления.

Правда, судебно-прокурорские органы располагают некоторыми косвенными указаниями закона о том, что следует понимать под покушением. Из содержания ст. 19 УК, дающей определение неоконченного преступления в целом и приготовления, как одной из его стадий, следует, что покушением должна быть признана такая неоконченная преступная деятельность, которая вышла за рамки приготовления, но не достигла стадии оконченного преступления. Однако в большинстве уголовных кодексов союзных республик отсутствует указание на какие-либо определенные признаки покушения, присущие только этой стадии преступления. Установление таких признаков было возложено законодателем на теорию уголовного права и судебно-прокурорскую практику.

В чем же сущность покушения на преступление? Каков характер тех действий, которые образуют эту стадию неоконченного преступления?

Покушение часто выражается в совершении такого действия, которым может быть выполнен состав соответствующего преступления. Наиболее очевидным случаем покушения является непосредственная попытка причинения того общественно опасного результата, который включен законодателем в число необходимых элементов объективной стороны совершаемого преступления. Так, покушением являлись действия К., который пытался совершить поджог дома С. С указанной целью преступник поджег связку соломы и поднес ее к крыше дома. Преступление не было доведено до конца, так как С. воспрепятствовал распространению огня. Действия К. правильно были квалифицированы как покушение на уничтожение чужого имущества общепасным способом. По приговору народного суда он был осужден по ст. 22 и п. «а» ст. 262 УК БССР (ст. 19 и ч. 2 ст. 175 УК РСФСР) к двум годам лишения свободы без поражения в правах.

Действия К. являлись покушением на поджог потому, что они могли вызвать наступление преступного результата (уничтожение или повреждение имущества). Созданный виновным небольшой очаг огня мог в силу закономерного развития приведенных в действие стихийных сил природы перейти в опустошительный пожар, который причинил бы значительный ущерб. Однако этот преступный результат не наступил, так как развитие причинной связи, начало которого было вызвано действиями преступника, оказалось прерванным благодаря своевременному вмешательству потерпевшего. Разумеется, для К. эта деятельность хозяина дома была неожиданностью. Если бы он знал, что события будут происходить именно таким образом, он отложил бы реализацию своего преступного намерения на другое более подходящее время или принял бы дополнительные меры, обеспечивающие успешное завершение начатого преступления.

Покушение на результатное преступление может выразиться также и в совершении лишь части действия, необходимого для причинения преступного результата.

Что же касается факультативно-результатных преступлений, то при их совершении покушение всегда выражается только в частичном выполнении того действия, посредством которого преступление могло быть окончено¹.

Таким образом, покушение непосредственно направлено на совершение преступления в том смысле, что действия виновного уже могут образовать, хотя по причинам, не зависящим от виновного, еще не образовали состав оконченого преступления. Именно в этом и состоит сущность покушения на преступление

Нам представляются необоснованными возражения Н. Д. Дурманова против такого понимания этой стадии преступления. Он считает неправильным указание на то, что при покушении виновный приступает к совершению такого действия, которым может быть выполнен состав оконченого преступления. Неосновательность этого

¹ В методических целях мы сначала остановились на наиболее бесспорных случаях покушения, выражающегося в совершении всех действий, необходимых для причинения преступного результата, но не повлекших наступления последнего, а затем уже указали случаи, когда выполнена лишь часть этих действий. В действительности, разумеется, второе предшествует первому.

утверждения состоит, по мнению Н. Д. Дурманова, в том, что «прицеливание в жертву при посягательстве на человеческую жизнь, взлом замков при покушении на кражу, совершение посягательства с негодными средствами, совершение посягательства такими действиями и в таких условиях, что оно объективно было обречено на неудачу,—не представляют собой действий, которыми могут быть выполнены составы упомянутых преступлений»¹. Н. Д. Дурманов не учитывает того, что в критикуемом им определении покушения речь идет совсем о другом; при покушении субъект совершает или начинает совершать действие, которым мог бы быть выполнен состав оконченного преступления, если бы этому не помешали не зависящие от виновного обстоятельства. В этом смысле (и только в этом смысле!) прицеливание в жертву, взлом замков являются началом совершения такого действия, которое могло бы выполнить состав оконченного преступления. Что касается так называемого «негодного» покушения, то действия преступника в этом случае могли бы выполнить состав оконченного преступления, если бы они были такими, какими их себе представлял преступник, то есть опять-таки, если совершению преступления не препятствовали не зависящие от воли преступника обстоятельства. Покушение всегда при данных сложившихся обстоятельствах не может выполнить состав оконченного преступления (именно поэтому оно и является покушением).

Мы говорим, что при покушении виновный совершает или начинает совершать такое действие, которое могло выполнить состав оконченного преступления, потому что обычно действие, необходимое для непосредственного выполнения состава оконченного преступления, имеет определенную продолжительность во времени и состоит из ряда отдельных звеньев, представляющих его составные части. Для совершения умышленного убийства преступник применяет смертоносное орудие или совершает другое действие, причиняющее смерть потерпевшему. Это действие включает в себя ряд звеньев. Такими звеньями, например, при применении для убийства пистолета являются поднятие его до уровня глаз

¹ Н. Д. Дурманов, Ступни совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 107.

прицеливание и нажатие спускового крючка. Выполнение хотя бы одного из этих звеньев образует покушение на убийство, ибо виновный начал совершение такого действия, которым мог быть выполнен состав оконченного убийства. Действия, образующие покушение, тождественны с теми действиями, посредством которых выполняется состав оконченного преступления. Различны лишь объем и последствия этих действий, что объясняется неодинаковой степенью осуществления преступного намерения.

Для наличия покушения вовсе не обязательно, чтобы попытка причинения преступного результата была предпринята в отношении задуманного объекта. Она может иметь место и в отношении другого однородного или сходного объекта, ошибочно принятого за тот, которому виновный намерен был причинить ущерб. Так, Т. будучи в нетрезвом состоянии, пытался совершить убийство К. при следующих обстоятельствах. В указанный день Т. зашел в помещение Петриковской конторы связи к своей сожительнице К., работавшей в должности почтового агента. К., видя, что Т. находится в нетрезвом состоянии, предложила ему уйти из конторы связи. В ответ на это и на почве возникшего у Т. чувства ревности он решил убить К. С этой целью Т. отобрал у К. ключи от сейфа, открыл последний и достал оттуда револьвер системы «Наган». Поняв намерения Т., К. убежала из помещения конторы связи. В это время по вызову в почтовую контору прибыл работник милиции Ф. и зашел в комнату, где находился Т. Последний принял работника милиции за К. и произвел выстрел в Ф.

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 15 мая 1956 г. Т. осужден по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР к пяти годам лишения свободы без поражения в правах.

Необходимым признаком покушения и условием его наказуемости является неловедение преступления до конца по причинам, не зависящим от виновного. Выяснение этого обстоятельства имеет очень большое значение. Определенное лицо может быть осуждено за покушение лишь тогда, когда будет установлено, что преступление было прервано помимо воли виновного при наличии у него желания довести начатое преступление до конца. К сожалению, некоторые суды этого не учи-

тывают и не указывают в приговорах по делам о покушении; какие же именно причины помешали преступнику окончить задуманное им преступление. Так, в приговоре Гомельского областного суда от 7 августа 1956 г. по делу У. и З., обвиняемых по ст. 22 УК БССР и ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» указано, что названные лица пытались изнасиловать несовершеннолетнюю девушку, «с какой целью повалили ее на землю, сняли рейтузы, однако окончить свой преступный замысел не смогли по независящим от них причинам». По каким именно причинам — в приговоре не сказано. Между тем, это обстоятельство, как весьма важное для обоснования вины покушавшегося, должно, по нашему мнению, найти свое отражение в приговоре.

Покушение является одним из видов преступного поведения. В силу этого, в соответствии с материальным определением преступления, данным в ст. 6 УК, необходимым признаком покушения должна быть признана его общественная опасность. Этот признак в виду его большого значения целесообразно включить в законодательное определение покушения, как это и сделано, например, в ч. 1 § 5 УК Чехословацкой Республики.

В определении покушения должны найти отражение также сущность и характер действий, образующих покушение и обязательно причины, по которым эти действия не достигают стадии оконченого преступления. Определение должно охватывать, по возможности, все случаи покушения и находиться в соответствии с материальным определением преступления.

К сожалению, определения покушения, которые давались ранее в советском уголовном законодательстве, и определение, содержащееся в Уголовном кодексе УССР, не совсем соответствуют этим требованиям.

✓ Впервые определение покушения на преступление в советском уголовном законодательстве было дано в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года. Покушение здесь определялось как действие, направленное на совершение преступления, когда совершивший выполнил все, что он считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от виновного не за-

висящим (ст. 18). Это определение покушения являлось слишком узким, ибо оно не охватывало многих случаев покушения. Однако здесь не учитывалось того, что при совершении результатных преступлений покушение может выразиться не только в выполнении всех необходимых для наступления преступного последствия действий, но и в выполнении лишь части этих действий. Кроме того, определение покушения в Руководящих началах вовсе не охватывало случаев покушения на совершение факультативно-результатных преступлений, всегда выражающегося в выполнении лишь некоторых звеньев действия, образующего состав оконченного преступления.

Более четкое определение покушения было дано в ст. 13 УК РСФСР 1922 года. Покушением по этому кодексу признавалось действие, направленное на совершение преступления, когда совершающий таковое не выполнил всего того, что было необходимо для приведения его намерения в исполнение, или когда, несмотря на выполнение преступником всего, что он считал необходимым, преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим. Однако Уголовный кодекс РСФСР 1922 года допустил в этом определении две следующие ошибки.

Во-первых, в ст. 13 этого кодекса, как мы увидим дальше, нет единого критерия оценки действий покушающегося при разграничении видов покушения.

Во-вторых, определение покушения в Уголовном кодексе 1922 года является слишком широким, оно охватывает и приготовление к преступлению. О приготовительных действиях также можно сказать, что они направлены на совершение преступления, но не привели к его выполнению потому, что виновный не выполнил всего того, что он считал необходимым для приведения своего намерения в исполнение.

Аналогичная ошибка допущена и в действующем Уголовном кодексе УССР, который в ст. 16 в основном воспроизводит определение покушения, данное в Уголовном кодексе 1922 года, с той разницей, что для оценки действий покушающегося применяется единый (субъективный) критерий.

Не лишены недостатков, как нам кажется, и некоторые определения покушения, даваемые в теории совет-

ского уголовного права. К числу этих недостатков относятся следующие.

1. Понимание некоторыми авторами непосредственной направленности действия при покушении на совершение преступления как начала исполнения преступления или начала посягательства на объект.

Так, М. Д. Шаргородский указывает, что под покушением «понимаются действия, направленные непосредственно на осуществление преступления и являющиеся началом его осуществления»¹. Аналогично трактуется покушение в Общей части вузовского учебника уголовного права².

По мнению Н. Д. Дурманова, покушение представляет собой «действия, непосредственно направленные на совершение преступления, на выполнение состава преступления, когда виновный уже посягнул на объект»³.

Подобное понимание покушения неприемлемо, ибо началом выполнения преступного деяния является, как указывалось в предыдущей главе, уже приготовление к преступлению.

2. Отсутствие в определениях покушения указания на то, что при покушении преступление не доводится до конца по причинам, не зависящим от виновного. Так, Б. С. Утевский усматривает покушение «в том случае, когда лицо совершит действие, направленное непосредственно на совершение преступления, но преступление не приводится по тем или иным причинам в исполнение»⁴ (разрядка наша.—И. Т.). А. А. Герцензон определяет покушение как действие, направленное на совершение преступления, но не приведшее к преступному результату как в силу причин, зависящих от воли субъекта, так и не зависящих от него⁵ (разрядка наша.—И. Т.).

3. Фактическое устранение из числа покушения таких случаев, когда покушение осуществляется на совер-

¹ М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 120.

² См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 279.

³ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 98.

⁴ Б. С. Утевский, Уголовное право, М., 1950, стр. 60—61.

⁵ См. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 354.

шение факультативно-результатных преступлений. Кроме приведенного выше определения А. А. Герцензона, к этой группе можно отнести также определение, данное А. Н. Трайниным. По его мнению, «покушение на преступление мы имеем в тех случаях, когда имеются все элементы состава этого преступления, за исключением одного — последствия».

Как же следует определить покушение, чтобы по возможности избежать указанных недостатков?

По нашему мнению, покушение должно быть определено как умышленное общественно опасное деяние, непосредственно направленное на выполнение состава оконченного преступления, но не достигшее этой цели по причинам, не зависящим от воли действующего лица.

Для того чтобы облегчить судебнo-прокурорским работникам правильное разграничение стадий неоконченного преступления, а также проведение грани между покушением и оконченным преступлением, определение покушения, по примеру зарубежных социалистических стран (Венгерской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и др.), следовало бы дать в самом законе. Включение такой нормы в общесоюзные Основные начала уголовного законодательства и уголовные кодексы союзных республик сделало бы систему норм об ответственности за неоконченную преступную деятельность более четкой и ясной.

Правильное понимание признаков покушения, лишь кратко указанных в определении этой стадии неоконченного преступления, является необходимым условием недопущения ошибок в деятельности судебнo-прокурорских органов.

Разумеется, покушение, как действие, непосредственно направленное на выполнение состава преступления, более легко распознается в качестве преступного действия, чем приготовление. Однако в судебнo-прокурорской практике имеют место случаи, когда покушение по своим внешним чертам не имеет ярко выраженного преступного характера (такой может быть, например, неудавшаяся попытка отравления, когда субъект ссы-

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 297 (см. также стр. 301).

ляется на то, что яд, намеченный жертве, им дан по ошибке вместо лекарства). В этих случаях только путем тщательного анализа доказательств можно с несомненностью установить направленность умысла на совершение преступления.

Возможны, далее, случаи, когда те или иные непреступные действия внешне напоминают покушение на какое-то преступление, предусмотренное законом.

Поэтому пренебрежение к тщательному выяснению субъективного отношения лица к его действиям и их последствиям, мотивов и цели, которыми оно руководствовалось, может привести к неосновательному осуждению невиновных, не совершивших никаких преступных действий, или к освобождению от уголовной ответственности лиц, покушавшихся на причинение ущерба объектам, находящимся под уголовно-правовой охраной.

К сожалению, подобные ошибки, особенно первого вида, все еще имеют место в практике судебно-прокурорских органов.

С. по приговору народного суда, оставленному в силе областным судом, был осужден за покушение на хищение кооперативного имущества на том основании, что он был задержан около палатки артели «Красный партизан» при попытке открыть окно. Суд признал это обстоятельство достаточным для обвинения в покушении на хищение материальных ценностей из палатки, хотя никаких доказательств попытки хищения по делу собрано не было. Более того, свидетели показали, что С., будучи в состоянии опьянения, разыскивал свою жену—продавщицу морса в палатке.

Верховный Суд СССР в своем определении по данному делу от 5 мая 1951 г. признал обвинение С. в покушении на хищение недоказанным, отменил приговор народного суда и определение областного суда и дело производством прекратил¹.

Аналогичное нарушение советской законности было допущено органами расследования в отношении Ц., неосновательно обвиненного в покушении на кражу государственного имущества по ст. 19 УК и ст. 1 Указа

---

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 9.

Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». «Основанием» для обвинений в этом тяжком преступлении послужило то, что Ц. однажды утром был обнаружен спящим на мешках в мучном складе мельничного завода.

Ц. объяснил свое пребывание в складе тем, что ночью, идя на пристань и спасаясь от преследовавших его с целью ограбления неизвестных лиц, он перелез через невысокую изгородь мельничного завода, забрался через открытую дверь в склад, где сначала прятался, а затем, будучи в нетрезвом состоянии, уснул. Дверь склада была открыта настежь в течение нескольких дней, так как в ней стоял транспортер, и на основании одного факта пребывания в складе Ц. обвинили в том, что он проник в склад с целью хищения муки, но не осуществил свое намерение потому, что ему что-то помешало. С санкции прокурора Ц. был арестован и два месяца неосновательно содержался под стражей, пока не был оправдан судом.

Несмотря на явную недоказанность обвинения, прокурор, участвовавший в судебном заседании в качестве государственного обвинителя, не только не отказался от поддержанья обвинения, но впоследствии принес кассационный протест на оправдательный приговор суда (протест был снят областным прокурором)¹.

В практике встречаются также случаи, когда суды допускают при квалификации покушения ошибки, вызванные тем, что не учитываются отягчающие обстоятельства, влекущие по закону повышение наказания. Такая ошибка была допущена Алтайским краевым судом, Судебной коллегией по уголовным делам и Президиумом Верховного суда РСФСР при рассмотрении дела Б.

Б. в ночь на 17 марта 1956 г., находясь в нетрезвом состоянии, пытался изнасиловать А., возвращавшуюся вместе с ним из дома С., где они были в гостях. А. оказала насильнику решительное сопротивление. Не достигнув своей цели, Б. причинил А. тяжелые телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшей.

¹ См. „Социалистическая законность“ 1954 г. № 11, стр. 68.

Действия Б., выразившиеся в попытке изнасилования А., были квалифицированы органами предварительного следствия и подготовительным заседанием краевого суда по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» (вопроса квалификации действий, причинивших смерть, мы здесь не касаемся). При рассмотрении дела в последующих стадиях процесса преступление Б. было квалифицировано по ст. 19 УК и ч. 1 упомянутого Указа. Такая квалификация была признана ошибочной Верховным Судом СССР, рассматривавшим дело по протесту Генерального Прокурора СССР. Верховный Суд СССР в своем определении по данному делу от 29 декабря 1956 г. указал, что, поскольку результатом покушения на изнасилование явились тяжкие последствия для потерпевшей, преступление Б. следовало квалифицировать по ст. 19 УК и ч. 2 Указа от 4 января 1949 г.¹

Таких и подобных им нарушений советской законности не было бы, если бы работники упомянутых судебных-прокурорских органов хорошо разбирались в вопросах ответственности за неоконченную преступную деятельность, в том числе за покушение, и более вдумчиво и серьезно подходили к установлению в деянии привлекаемого к ответственности лица всех необходимых признаков покушения.

§ 2. Разграничение покушения на преступление и приготовления к преступлению

В советской уголовно-правовой литературе одно время высказывалось, а среди части практических работников и в настоящее время распространено мнение о том, что действующее советское уголовное законодательство якобы не различает таких стадий неоконченного преступления, как приготовление и покушение. Более того, встречаются утверждения, что разграничение стадий совершения преступления вообще не имеет практического значения и, в частности, не учитывается при определении конкретной меры наказания.

¹ См. „Бюллетень Верховного Суда СССР“ 1957 г. № 3 стр. 24—25.

Так, в Большой советской энциклопедии указывается, что «советское законодательство не различает приготовление к преступлению от покушения и самого преступного деяния (Уголовный кодекс РСФСР, ст. 19)»¹.

В известной мере этот взгляд нашел свое выражение, как мы видели, и в статье А. Н. Трайнина о приготовлении, где разграничение стадий неоконченного преступления признано ненужным бременем для суда, излишней схоластикой².

Поводом для подобных утверждений в известной мере явилось отсутствие в ст. 11 Основных начал терминов «приготовление» и «покушение», а также неправильное истолкование ст. 19 УК в директивном письме НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению действующего уголовного кодекса этой республики.

Основные начала в ст. 11 установили уголовную ответственность за начатое преступление, понимая под ним как покушение, так и приготовление. Однако эти последние два термина в ст. 11 не упоминаются, что и дало повод к различному толкованию этой статьи. Некоторые авторы полагали, что хотя ст. 11 Основных начал и имеет в виду наказуемость как покушения, так и приготовления, однако она будто бы не придает никакого значения разграничению этих стадий совершения преступления. Так, М. С. Строгович в то время утверждал, что Основные начала «впервые отвергли разграничение приготовления и покушения»³, а С. П. Мокринский указывал, что Основные начала упразднили как излишние самые термины «приготовление» и «покушение»⁴.

Поэтому Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 7 мая 1928 г., утвержденном постановлением Президиума ЦИК СССР 31 октября 1928 г. «Об истолковании ст. 11 Основных начал... в отношении понятия «начатое преступление» счел необходимым

¹ „Большая советская энциклопедия“, т. 46, М., 1940, стр. 811.

² См. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 31.

³ М. С. Строгович, Приготовление к преступлению по Уголовному кодексу редакции 1926 г., „Рабочий суд“ 1927 г., № 10 (122), стр. 847.

⁴ См. С. П. Мокринский, Покушение и приготовление в советском праве, „Советское право“ 1927 г. № 1(25), стр. 62.

разъяснить, что хотя ст. 11 Основных начал, говоря о «начатом преступлении», не различает таких стадий начатого преступления, как приготовление и покушение, однако она «представляет самому суду в каждом данном случае определять степень осуществления преступного намерения и, в зависимости от этого определения, а также руководствуясь степенью опасности лица, совершающего преступление, применять те или иные меры социальной защиты, назначенные уголовным законом за данный вид преступления». Из этого делался вывод, что «всякие приготовительные к преступлению действия подлежат, согласно ст. 11 Основных начал, уголовным санкциям»¹.

Однако постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1928 г. не внесло полной ясности в вопрос о том, нужно ли разграничивать приготовление и покушение. Более того, указание Пленума, что ст. 11 Основных начал «не различает таких стадий начатого преступления, как «приготовление» и «покушение», носило двусмысленный характер. С одной стороны, признавалось, что приготовление и покушение являются стадиями начатого, неоконченного преступления, а с другой—вопреки этому правильному утверждению, заявлялось, что якобы действующее законодательство не различает этих стадий преступления.

Тем не менее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 мая 1928 г., выразившее в силу его утверждения Президиумом ЦИК СССР не только точку зрения высшей судебной инстанции СССР, но и мнение законодателя, содействовало в известной мере укоренению среди теоретиков уголовного права и практических работников суда и прокуратуры того взгляда, что суд должен учитывать при определении наказания стадию, на которой остановилось совершение преступления.

Более определенные указания на необходимость разграничения приготовления и покушения даны в действующих уголовных кодексах союзных республик. В большинстве этих кодексов суду вполне определенно предписывается учитывать при определении наказания

---

¹ „Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924—1944 гг.“, М., 1946, стр. 78.

на неоконченное преступление стадию осуществления преступного намерения (приготовление и покушение). Несколько менее четко сформулировано соответствующее положение в ст. 22 УК БССР и ст. 19 УК Грузинской ССР. Но из общего смысла этих статей также вытекает необходимость разграничения приготовления и покушения.

Учитывая сказанное, следует признать ошибочным отрицание разграничения приготовления и покушения, содержащееся в директивном письме НКЮ и Верховного суда РСФСР о применении действующего уголовного кодекса республики. В этом письме указывается, будто Уголовный кодекс РСФСР 1926 года внес в понятия приготовления и покушения существенные изменения, сводящиеся к уничтожению границы между покушением и приготовлением.

НКЮ и Верховный суд РСФСР хотели, видимо, подчеркнуть отличие Уголовного кодекса 1926 года от Уголовного кодекса 1922 года, выразившееся в том, что Уголовный кодекс 1926 года установил наказуемость наряду с покушением на преступление также и приготовительных действий. Это вытекает из того, что вслед за приведенным указанием, как бы разъясняя его, в директивном письме обращается внимание на то, что по Уголовному кодексу 1926 года и приготовление и покушение одинаково влекут уголовную ответственность, поскольку в них проявляется социальная опасность лица. Затем особо подчеркивается, что применение мер наказания за приготовление к преступлению может иметь место лишь в случаях, когда приготовительные к преступлению действия вылились в определенную конкретную форму начала осуществления преступного умысла¹.

Таким образом, директивное письмо НКЮ и Верховного суда РСФСР вовсе не обезличивает неоконченное преступление, а различает в нем две стадии—приготовление и покушение—как представляющие различную общественную опасность, учитываемую при решении вопроса о наказуемости неоконченной преступной деятельности. Именно так решается этот вопрос в ст. 19 УК.

¹ См. „Судебная практика РСФСР“ 1927 г. № 1, стр. 11.

Игнорируя значение стадий преступления, некоторые суды иногда квалифицируют приготовление или покушение как оконченное преступление, без ссылки на ст. 19 УК. Другие суды, придавая значение лишь разграничению оконченной и неоконченной преступной деятельности, смешивают между собой стадии неоконченного преступления—приготовление и покушение. Так, в приговоре народного суда по делу М., обвиняемой по ст. 22 и п. «б» ст. 217 УК БССР, сказано, что М. «покушалась сделать аборт гр-ке Г., однако в момент приготовления была задержана работником милиции». Повидимому, суд считал покушение и приготовление идентичными понятиями или рассматривал приготовление как частный случай покушения. И в том, и в другом случае понимание соотношения стадий неоконченного преступления было неправильным.

В соответствии с законом высшие судебные органы СССР всегда придавали большое значение разграничению приготовления и покушения. Они неоднократно обращали внимание судов на необходимость учета стадии совершения преступления при квалификации преступлений и определении наказаний. Верховный Суд СССР в одном из своих определений специально указывает, что «квалификация преступления должна отразить стадии преступной деятельности как обстоятельство, влияющее, в частности, и на размер наказания»¹. На значение разграничения приготовления и покушения при определении наказания Верховный Суд СССР обратил внимание также при рассмотрении дела С.²

Разграничение приготовления и покушения представляет известные трудности. Но нельзя согласиться с теми советскими криминалистами, которые почему-то чрезмерно преувеличивают эти трудности³. Еще более неправы те авторы, по мнению которых теоретически

¹ „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 77.

² См. М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 107, 111.

³ См., например, А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 32; М. И. Ковалев, Ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 8, стр. 21.

разграничить приготовление и покушение, как стадии совершения преступления, вообще невозможно¹.

Оснований для подобных утверждений нет. Насколько нам известно, советская судебная практика особых трудностей при разграничении приготовления и покушения не встречала. Не случайно, как нам кажется, А. Н. Трайнин в качестве иллюстрации трудностей проведения грани между стадиями неоконченного преступления привел не пример из советской судебной практики, а пример с «неким Ивановым», задержанным при отнесении письма, содержащего требование выдачи денег под угрозой смерти².

Приготовление и покушение качественно отличаются между собой как различные по своему характеру и степени общественной опасности стадии совершения преступления.

При разграничении приготовления и покушения следует исходить из того, что юридические конструкции этих стадий неоконченного преступления отражают существующие в действительности этапы совершения преступной деятельности. Этого не учитывает господствующая в советской уголовно-правовой литературе точка зрения, согласно которой отличительным признаком покушения является начало исполнения преступления. По соображениям, высказанным при рассмотрении понятия приготовления к преступлению, мы полагаем, что этот признак (начало исполнения) пригоден не для разграничения приготовления и покушения, а для проведения грани между обнаружением умысла и приготовлением, то есть между ненаказуемой и наказуемой деятельностью лица, связанной с наличием у него намерения совершить преступление.

Развернутую теорию разграничения приготовления и покушения предложил в 1946 году А. Н. Трайнин³. Сущность этой теории вкратце сводится к следующему.

Покушение является таким преступным действием, которое содержит все элементы состава соответствующе-

¹ См. „Малая советская энциклопедия“, т. 6, М., 1931, стр. 665.

² См. А. Н. Трайнин, указанная статья, стр. 32.

³ См. А. Н. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 147—150; Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 312—314; Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 300—302.

го преступления за исключением одного—последствия. Для наличия же приготовления необходим лишь один элемент состава—умысел, выявленный во вне в конкретном действии, не являющемся элементом состава. Если действие, образующее покушение, является элементом состава соответствующего преступления, то приготовление совершается посредством таких действий, которые являются лишь «необходимыми актами, обеспечивающими совершение преступления».

Соотношение приготовления и покушения А. Н. Трайнин выразил в следующих формулах:

приготовление = умысел + действие, не являющееся элементом состава;

покушение = умысел + действие, являющееся элементом состава — (минус) последствие.

Таким образом, А. Н. Трайнин по сути дела также пришел к выводу, что приготовление еще не является началом совершения преступления, что оно лишь обеспечивает возможность его совершения в будущем; характерной отличительной чертой покушения признается начало выполнения состава преступлений, выразившееся в совершении действий, являющихся элементами состава; приготовление же, в котором усматривается лишь один элемент состава—умысел, возводится до роли простого обнаружения умысла. С этим, как мы уже указывали, трудно согласиться. Неправ М. И. Ковалев, который считает теорию А. Н. Трайнина „ясной, довольно четкой” и рекомендует ее для практического применения¹. В самом деле, как установить, являются ли совершенные преступником действия элементами соответствующего состава преступления или, наоборот, „лишь необходимыми актами, обеспечивающими совершение преступления”? Вряд ли поможет здесь указание А. Н. Трайнина, что элементами состава являются лишь действия, наделенные конкретными указанными в законе признаками. Не всегда и не все элементы состава указываются в законе. Даже в описательных диспозициях (не говоря уже о простых) не всегда содержится описание всех элементов объективной стороны преступления. Законодатель лишь указывает, какое развитие должна получить объективная

¹ См. М. И. Ковалев, Ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность” 1954 г. № 8, стр. 21—22.

сторона для наличия оконченного преступления. Так, для частичного выполнения объективной стороны диверсионного акта (ст. 58³ УК) достаточно совершения тех или иных действий, имеющих конечной целью разрушение или повреждение (по контрреволюционным побуждениям) объектов, указанных в этой статье, но оконченным это преступление может быть признано лишь в случае их разрушения или повреждения¹.

Трудно также согласиться и с точкой зрения Н. Д. Дурманова, согласно которой „от приготовления покушение отличается тем, что волевые действия виновного непосредственно направлены на совершение преступления, то есть на выполнение состава преступления, что выражается в непосредственном посягательстве на объект” (в другом месте Н. Д. Дурманов указывает, что вообще „при приготовлении, в отличие от покушения, еще нет посягательства на объект”).

„Непосредственное посягательство на объект,— поясняет Н. Д. Дурманов,— большей частью имеет место при наличии у виновного непосредственного соприкосновения с объектом”².

Указанный здесь признак вряд ли пригоден для разграничения покушения и приготовления по двум причинам. Во-первых, как правильно отмечает Н. Ф. Кузнецова, практически трудно представить себе подобное „непосредственное соприкосновение” субъекта с объектом, так как под последним в теории уголовного права принято понимать социалистические общественные отношения. Видимо, под объектом преступления Н. Д. Дурманов понимает не общественные отношения, а предмет преступления³. Во-вторых, даже при таком понимании объекта посягательства предлагаемое Н. Д. Дурмановым разграничение покушения и приготовления страдает крайней неопределенностью. Сам Н. Д. Дурманов

¹ Мы не останавливаемся на точке зрения Н. В. Лясс, так как она в основном разграничивает приготовление и покушение так же, как и А. Н. Гринин (см. Н. В. Лясс, Полягие и основания неказуемости приготовления и покушения, „Ученые записки ЛГУ”, № 202, Вопросы уголовного права и процесса, вып. 8; стр. 51—53, 57—58).

² Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 109, 111.

³ См. Н. Ф. Кузнецова, рецензия на книгу Н. Д. Дурманова „Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву”, „Социалистическая законность” 1956 г. № 11, стр. 87.

указывает, что „в ряде случаев в действия в отношении предмета посягательства, по существу являющиеся звеном преступного посягательства на объект, следует признавать не приготовлением, а покушением, хотя бы они непосредственно еще не были направлены на осуществление состава преступления”¹ (разрядка наша.—И. Т.). Как разграничить приготовление и покушение в случаях, когда то и другое непосредственно не направлены на совершение преступления, Н. Д. Дурманов не разъясняет. Поэтому его теория, по нашему мнению, не может быть принята для практического употребления.

Как же следует разграничить приготовление и покушение?

По нашему мнению, покушение на преступление отличается от приготовительных действий тем, что оно является действием, непосредственно направленным (объективно и субъективно) на совершение оконченного преступления. Виновный предпринимает попытку совершить именно оконченное преступление, у него имеется намерение довести начатое преступление до конца и притом, как правило, в данный момент и в данном месте. Для этого субъект совершает или начинает совершать такое действие, которое могло образовать (хотя по причинам, не зависящим от виновного, и не образовало) состав оконченного преступления. По своим внешним чертам действия, образующие покушение, сходны с теми, посредством которых осуществляется состав оконченного преступления. Различна лишь степень воплощения в этих действиях объективной стороны преступного деяния. Приготовительные же действия являются лишь подготовительной стадией, создающей условия для выполнения состава оконченного преступления в будущем. В этом смысле они также направлены на совершение преступления. Имея умысел на выполнение соответствующего преступного деяния, виновный, однако, еще не ставит перед собой задачи довести начатое преступление до конца именно в данный момент и в данном месте, он еще не начинает совершения того действия, которое способно выполнить состав оконченного преступления. Сами по

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 110.

себе приготовительные действия, какими бы успешными для преступника они ни были, не могут выполнить оконченного преступного деяния. Исключение составляют лишь случаи, когда законодатель путем создания «усеченного» состава объявляет приготовление самостоятельным (оконченным) преступлением.

Вот почему покушением, а не приготовлением были, например, действия С., подделавшего две облигации государственного займа и пытавшегося через своего отца, не знавшего о подделке облигаций, незаконно получить по этим подделанным облигациям выигрыши в районной сберегательной кассе¹. Этими действиями, если бы подделка не была обнаружена работниками сберкасс, мог быть выполнен состав оконченного хищения государственного имущества. Подделка же облигаций была действием приготовительным, ибо сама по себе она не могла выполнить состав оконченного преступления.

В большинстве случаев разграничение приготовления и покушения не является сложным. Так, нетрудно определить грань между приготовлением и покушением в действиях Р., совершившего на почве мести покушение на поджог дома колхозницы К.

Р. сошелся с дочерью К. и перешел жить в их дом. Однако вскоре Р. стал пьянствовать и в состоянии опьянения часто избивал дочь К. В конце концов К. перестала пускать Р. в дом и на этой почве Р. неоднократно грозил К. расправой. 28 июля 1950 г. Р. решил совершить поджог дома К. с целью отомстить К. Взяв с собой моток хлопчатобумажных ниток, он завернул в них серные спички, смочил моток керосином и, положив его в карман, унес на работу. По окончании работы на заводе, во втором часу ночи, Р. забросил нитки со спичками на чердак дома, где хранилось сено, и зажег оставшийся у него в руках конец нитки, после чего убежал. В это время дочь К., спавшая на террасе, проснулась от подозрительного треска на чердаке и через щель в потолке увидела появившееся там пламя. Она подняла тревогу, и пожар удалось быстро ликвидировать. Р. был изобличен

¹ С. осужден народным судом по ст. 22 УК БССР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. „Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества“. Вышестоящие инстанции оставили приговор в силе.

и осужден за покушение на поджог по ст. 19 п. ч. 2 ст. 175 УК.¹

Гранью между приготовлением и покушением в данном случае, как это не трудно определить, является тот момент, когда Р. забросил нитки со спичками на чердак дома. Поджогом оставшегося в руках конца нитки Р. совершил первое действие, образующее уже покушение. Вся предшествующая деятельность была приготовлением к совершению преступления—поджога.

Однако не всегда так легко провести грань между двумя стадиями неоконченного преступления. Определенные затруднения иногда возникают в тех случаях, когда преступником совершены не все, а лишь часть действий, с помощью которых он может выполнить состав окончательного преступления, в особенности, если эти действия непосредственно следуют за приготовлением.

Дело в том, что одни и те же или внешне сходные действия могут быть совершенно различными по своему содержанию, по своей направленности. Как правильно указывал А. Н. Трайнин, одно и то же действие или одни и те же действия могут в разной обстановке явиться то приготовлением, то покушением в зависимости от того, на совершение какого преступления они направлены. В качестве примера А. Н. Трайниным были приведены взлом двери при краже (покушение) и такое же действие при убийстве (приготовление)². Пример этот правилен, но к сожалению сравниваемые А. Н. Трайниным аналогичные действия направлены на совершение различных преступлений. Можно привести ряд примеров, когда одно и то же действие, направленное в обоих случаях на совершение одного и того же преступления, признается разной стадией преступления.

Так, приготовление отравленного питья задолго до совершения отравления, с намерением подать это снадобье при удобном случае потерпевшему, существенно отличается от незаметного подбрасывания яда в напиток потерпевшего непосредственно во время упо-

¹ См. „Следственная практика“, вып. 7, М., 1951, стр. 18, 21—22.

² См. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, „Социалистическая законность“ 1953 г. № 12, стр. 31; Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 299—300.

ребления последним напитка. Эти действия различны как по своим объективным свойствам, так и по той цели, которую ставил себе преступник при их совершении.

В первом случае налицо приготовление к убийству, ибо ближайшей целью виновного является подготовка яда для отравления намеченной жертвы в будущем. Между приисканием, приспособлением орудий и средств преступления и их применением для достижения намеченной преступной цели имеется разрыв во времени. Они не мыслятся виновным как единое непрерывное действие.

Во втором случае налицо уже покушение на убийство, так как целью виновного является отравление потерпевшего путем введения яда в организм. Подбрасывание яда в напиток и дача яда намеченной жертве являются единым действием—применением яда для совершения убийства. Они становятся единым действием не только ввиду отсутствия разрыва между ними во времени, но и ввиду особого субъективного отношения к ним действующего лица, намеренного тут же применить яд для совершения оконченного преступления убийства.

Аналогично обстоит дело при приспособлении пистолета для стрельбы задолго до убийства (приготовление) и приведение оружия в боевую готовность с целью тут же выстрелить в потерпевшего (покушение).

Таким образом, при разграничении покушения и приготовления необходимо учитывать как объективные, так и субъективные признаки деяния в их взаимной неразрывной связи. Только при таком подходе к определению стадии совершения преступления можно избежать ошибок. Этого в должной мере не учитывает Н. Д. Дурманов в своей монографии о стадиях совершения преступления. Он утверждает, что и действия, по существу являющиеся приготовительными, не станут другими и в другой обстановке». Этот ошибочный, по нашему мнению, вывод Н. Д. Дурманов неосновательно делает из методологически правильного положения, что «различающиеся между собой стадии совершения преступления отражают реально существующие в объективной действительности этапы в развитии целенаправленного действия» и что поэтому «они могут быть в общей форме определены советским законодательством, юридической наукой и судебной практикой с достаточной четкостью». При этом Н. Д. Дурманов указывает,

что пример А. Н. Трайнина относится к различным преступлениям, что нет якобы таких действий, которые были бы то приготовлением, то покушением при совершении одного и того же преступления¹. Как мы видели, примеры таких действий имеются. Н. Д. Дурманов признает, что «нередко действия по созданию условий совершения преступления, в частности, приискание и приспособление орудий и средств, имеют место и в процессе совершения преступления и даже на стадии / оконченого преступления (длящегося или продолжаемого). Однако такие действия уже не могут рассматриваться как акты приготовления, они являются частью действий по совершению преступления»². Н. Д. Дурманов не учитывает того, что одинаковые или сходные по своим внешним чертам действия виновного могут быть то приготовлением, то покушением не только в зависимости от конструкции состава соответствующего преступления, но и в отношении одного и того же преступления в зависимости от конкретных обстоятельств дела, субъективной направленности действия и т. д. Тщательный учет этих обстоятельств и позволяет судебно-прокурорским органам правильно решать вопрос о том, какое действие совершено виновным — приготовление или покушение.

Судебная практика показывает, что суды в основном проводят грань между покушением и приготовлением на основании положений, изложенных в ст. 19 УК. Отсутствие в этой статье точных, подробных рецептов не является препятствием для выполнения этой задачи. Эти рецепты на все случаи жизни дать нельзя, да они и не всегда нужны. «Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов!»), — говорил В. И. Ленин, — которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»³. На основании указаний, имеющих в законе, теория уголовного права и судебно-прокурорская практика должны дать научно обоснованное разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление. Нельзя требовать от законодателя, чтобы он разрешил все без

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 11.

² Там же, стр. 67.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 50.

исключения вопросы определения преступности и наказуемости деяния. Истолкование многих вопросов законодатель сознательно оставляет на долю судебно-прокурорских органов, которые в процессе применения норм права должны выработать единообразное их понимание. В этом отношении большие задачи возложены на теорию уголовного права.

§ 3. Разграничение покушения и оконченного преступления

От оконченного преступления покушение отличается неполным выполнением объективной стороны преступного деяния. По объекту же, субъекту и субъективной стороне покушение полностью с ним совпадает.

В покушении на результатное преступление всегда отсутствует такой элемент объективной стороны, как преступный результат. Кроме того, может быть не доведено до конца и совершение самого действия, имевшего непосредственной целью причинение этого результата. Покушение на факультативно-результатное преступление всегда выражается в совершении отдельных звеньев того действия, посредством которого может быть выполнен состав соответствующего преступления.

Указывая на отсутствие результата при покушении, следует оговориться, что покушение не всегда является безрезультатным преступным деянием. Покушение может повлечь за собой наступление тех или иных вредных последствий. Такими последствиями могут быть, например, телесные повреждения—при покушении на убийство, повреждение имущества—при покушении на кражу, физические и моральные страдания потерпевшей—при неудавшейся попытке ее изнасилования. Однако наступление подобных последствий не превращает содеянное в оконченное преступление, ибо для признания оконченными упомянутых преступных деяний закон требует обязательного наступления не любых вредных последствий, а тех, которые являются необходимыми элементами объективной стороны преступления (смерть—при убийстве, завладение чужим имуществом—при краже и т. д.). При покушении отсутствуют именно те вредные последствия, которые включены законодателем в число элементов состава соответствующего преступления.

✓Могут, далее, встретиться и такие случаи, когда, несмотря на наступление и этих последствий, действия лица, направленные на их причинение, образуют не оконченное преступление, а покушение. Это возможно в случаях, когда между действиями виновного и наступившим преступным результатом не установлена причинная связь.

В качестве примера приведем следующее дело.

Супруги Г. вместе со своими знакомыми находились в кинотеатре. Во время демонстрации кинофильма и на улице, при возвращении из кинотеатра домой, к жене Г. приставал, настойчиво преследуя ее до самой квартиры, какой-то молодой человек, оказавшийся Б. Когда супруги Г. подошли к своей квартире, Б. стал срывать с жены Г. шубу. Он не уходил и тогда, когда Г. вошла к себе в квартиру. Мать жены Г. в связи с этим упорством незнакомого решила сходить к соседям и позвать их на помощь. Когда она с соседом Л. возвратилась обратно, Г. уже преследовал Б. с охотничьим ружьем в руках. Побегавшему от него незнакомцу Г. произвел выстрел. О результатах этого выстрела трудно судить, так как Б. после выстрела перебросил имевшийся у него чемодан через забор высотой полтора метра, а потом и сам перескочил через этот забор. Г. же результатом выстрела не поинтересовался, а лишь попросил тещу и Л. сообщить о случившемся в милицию. В тот же вечер Б. со сквозной огнестрельной раной в груди был обнаружен рабочими-пильщиками в штабелях дров, находившихся в 150—200 м от места происшествия. Несмотря на оказанную врачебную помощь, Б. на следующий день скончался от внутреннего кровоизлияния.

По делу не было доказано, что огнестрельное ранение, от которого наступила смерть Б., было нанесено именно Г. Согласно показаниям врачей, оказывавших раненому медицинскую помощь, и судебно-медицинского эксперта, производившего вскрытие трупа, ранение было нанесено Б. спереди в грудь. Г. же и свидетель Л. утверждали, что выстрел был произведен в спину удалявшемуся Б. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта ранение было нанесено пулей из нарезного оружия, а у Г. было изъято охотничье ружье. Последнее при том не было подвергнуто технической экспертизе, не были изъяты и исследованы оставшиеся у Г. на квартире патроны, не была подвергнута исследованию также одеж-

да Б. Было установлено следующее: в день своей смерти Б. рассказывал, что около базара он подвергся нападению двух-трех неизвестных мужчин, пытавшихся его ограбить, что когда он убегал от грабителей, последние произвели в него выстрел. Все эти противоречия остались невыясненными в процессе предварительного и судебного следствия. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении по настоящему делу от 28 июня 1940 г. признала осуждение Г. за оконченное убийство неправильным. Учитывая, что следствие не сможет дать никаких практических результатов, коллегия переклассифицировала совершенное Г. преступление со ст. 137 на ст. ст. 19 и 137 УК РСФСР и соответственно снизила наказание. Тезис к этому определению коллегии сформулирован следующим образом: «Преступные действия обвиняемого, дающие основание прийти к выводу, что они были совершены с целью причинить смерть потерпевшему, должны квалифицироваться как покушение на убийство, независимо от того, что смерть фактически наступила от аналогичных действий другого лица»¹.

Случаи, когда, несмотря на наступление соответствующего преступного результата, содеянное является покушением, а не оконченным преступлением, встречаются в практике крайне редко. Мы не согласны с теми советскими криминалистами, которые чрезмерно расширяют круг указанных случаев и усматривают отсутствие предвидения причинной связи при так называемом «общем умысле» («*dolus generalis*»). Имеются в виду случаи, когда преступный результат наступает от других действий лица, предпринятых для сокрытия следов преступления при ошибочном представлении, что результат уже наступил от предыдущих действий этого же лица. Так, Л. с целью убийства своей жены нанес ей два удара колом по голове. Потерпевшая упала в бессознательном состоянии. Считая ее убитой и желая скрыть следы преступления, Л. бросил жену в колодец, где впоследствии и был обнаружен ее труп. По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть потерпевшей наступила не от нанесения ударов по голове, а от асфиксии. По приговору народного суда Л. был правильно осужден за

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1940 г.», М., 1941, стр. 193.

оконченное умышленное убийство по ч. 1 ст. 214 УК БССР. В изученной нами судебно-прокурорской практике мы не встретили ни одного случая, когда описанные выше преступные деяния квалифицировались бы как покушение на убийство или как совокупность такого покушения и неосторожного убийства, как это предлагают некоторые советские криминалисты. Мы полагаем, что позиция, занятая по этому вопросу практикой, является правильной.

При разграничении покушения и оконченого преступления в практике возникает также вопрос о том, как квалифицировать преступление, если результат, к достижению которого стремился преступник, наступил не сразу, а спустя некоторое время. Некоторые практические работники ошибочно полагают, что в подобных случаях содеянное, несмотря на наступление необходимого для наличия состава данного преступления результата, должно квалифицироваться как покушение на выполнение соответствующего преступного деяния. Такая ошибка, в частности, была допущена при рассмотрении дела Р.

Р. был признан виновным в том, что ночью после того, как к нему в квартиру пытались ворваться в нетрезвом состоянии Ш. и С., произвел в указанных лиц, когда они уже выходили из двора и находились на расстоянии 15 м., выстрел из охотничьего ружья. В результате этого выстрела Ш. было причинено тяжкое телесное повреждение, от которого он умер.

По приговору народного суда Р. был осужден по ч. 2 ст. 142 УК к пяти годам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком. Определением Верховного суда Карело-Финской ССР от 7 февраля 1952 г. приговор был оставлен в силе с переквалификацией преступления Р. на ч. 1 ст. 142 УК.

Такая квалификация, конечно, была неправильной. Поэтому Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор и определение в Верховный Суд СССР. Указав в протесте, что в момент выстрела Р. никакая опасность уже не угрожала и что, стреляя из ружья в людей, Р. предвидел могущие наступить тяжелые последствия, Генеральный Прокурор СССР полагал, что действия виновного надлежит квалифицировать по ст. 19 и ст. 137 УК как покушение на убийство. Верховный Суд СССР, согласившись с протестом и признав, что суд

неосновательно применил условное наказание, отменил приговор и определение и направил дело на новое рассмотрение со стадий предварительного следствия¹.

С подобной квалификацией нельзя согласиться. Поскольку действия преступника в данном случае вызвали наступление того результата, который он предвидел и желал причинить, то его поведение нельзя рассматривать как покушение на убийство, хотя бы результат наступил не сразу, а спустя некоторое время. Наше законодательство не устанавливает никаких сроков, по истечении которых наступление смерти не может рассматриваться как элемент оконченного убийства. Сам по себе факт наступления или ненаступления вредных последствий, а также время их наступления не могут служить единственным критерием для решения вопроса о том, было ли преступление оконченным или неоконченным.

Не следует забывать и о том, что для наличия оконченного состава многих преступлений наступление результата или вовсе не требуется, или достаточно одной лишь возможности причинения вредных последствий. Как правильно указывает Н. Д. Дурманов, включение в объективную сторону оконченного преступления в качестве необходимого элемента состава того или иного последствия, как правило, имеет место лишь в случаях, когда такое последствие может быть точно установлено, если при этом по каким-либо причинам нет необходимости в перенесении момента окончания преступления на более раннюю стадию. [В ряде случаев законодатель не включает наступление тех или иных последствий в число признаков состава преступления потому, что наступление или ненаступление последствия существенно не изменяет характера и степени опасности виновного и совершенного им преступного деяния. В других случаях последствие не включается в объективную сторону преступления по той причине, что наступление или ненаступление результата зависит главным образом не от действий виновного, а от действий потерпевшего или случайных моментов (принуждение представителя власти к выполнению явно незаконных действий, вымогательство)².

¹ См. „Социалистическая законность“ 1952 г. № 11, стр. 90.

² См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 3, 9—41.

Для правильного разграничения покушения и оконченого преступления необходимо учитывать также следующее. Многие составы преступлений содержат указание на определенную цель преступника, наличие которой необходимо для привлечения к уголовной ответственности за данное преступное деяние. Так, в ст. 58⁴ УК говорится о похищении или собирании с целью передачи иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам сведений, составляющих государственную тайну, в ст. 59³⁶ УК—о разрушении или повреждении путей сообщения и иных транспортных объектов с целью вызвать крушение поезда или судна, в ст. 107 УК—о скупке и перепродаже в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления и т. д. Из конструкции составов этих преступлений видно, что достижение указанной в законе цели отнюдь не требуется для признания деяния окончанным, достаточно одного лишь наличия такой цели. В своем определении по делу Д. Верховный Суд СССР специально указал, что обязательным признаком спекуляции (ст. 107 УК) является не факт, а цель наживы. «Если бы даже было установлено,—указывает коллегия,—что вследствие той или иной ситуации перепродажа была произведена без фактической прибыли или даже с убытком, то поскольку по делу была установлена цель наживы при скупке для перепродажи, имелись бы все основания применить ст. 107 УК РСФСР, которая требует не обязательного установления самого факта наживы, а лишь цели наживы»¹.

«Не может быть признано отличительным признаком оконченого преступления и полное осуществление намеченного субъектом преступного плана. Преступление может быть признано окончанным и до полного осуществления этого плана, если объективная сторона преступления получила развитие, достаточное для наличия состава оконченого преступного деяния. Особенно наглядно это видно на примере «усеченных» составов преступлений, для которых именно то и характерно, что при их выполнении субъекты вовсе не думают ограничиться только той деятельностью, которая согласно закону при-

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1945 г. вып. VIII (XXIV), стр. 17.

знается достаточной для квалификации содеянного как оконченного преступления¹.

Оконченное преступление налицо и в тех случаях, когда преступный результат, ради причинения которого субъект совершил преступление, наступил не в том объеме, который был виновному желателен. Имеются в виду случаи, когда вред, причиняемый преступлением, делом и наличие хотя бы части такого вреда достаточно для признания преступления оконченным. Например, уничтожение и повреждение государственного общественного или личного имущества (ст. ст. 79 и 175 УК) считается оконченным преступлением, если уничтожена или повреждена лишь часть того имущества, на уничтожение или повреждение которого был направлен умысел виновного; хищение социалистической собственности должно быть признано оконченным преступлением и в тех случаях, когда похищена только часть имущества, завладеть которым намеревался преступник.

Однако при квалификации хищений государственного и общественного имущества следует иметь в виду, что в некоторых случаях хищение имущества не в том объеме, в каком это было желательно преступнику, должно быть квалифицировано как покушение на хищение имущества в большем объеме. Как известно, действующее советское уголовное законодательство различает три вида хищения социалистической собственности в зависимости от размера похищенного: мелкое хищение, предусмотренное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», обычное, не крупное хищение государственного и общественного имущества, квалифицируемое по ст. ст. 1 и 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», и хищение в крупных размерах, наказываемое более сурово по ст. ст. 2 и 4 того же Указа.

Хищение имущества незначительной стоимости и небольшого размера, если установлен умысел на соверше-

¹ Поэтому нельзя признать правильным имевшееся в ст. 17 Руководящих начал указание, что „преступление считается оконченным, когда намерение совершающего преступление осуществилось до конца“.

ние хищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., должно влечь ответственность по ст. 19 УК и соответствующим статьям названного Указа. Рассматривать такое хищение как мелкое было бы неправильно, так как такая квалификация не отразила бы характера и степени общественной опасности совершенного преступления и виновный неоправданно понес бы незначительное наказание, не соответствующее тяжести содеянного. Некоторые преступники, совершившие неудачную попытку хищения имущества на большую сумму, получили бы возможность избежать ответственности по Указу от 4 июня 1947 г. путем демонстративного похищения ценностей на незначительную сумму.

Как правильно указал в одном из своих определений Верховный Суд СССР, «малозначительный размер похищенного сам по себе не может служить основанием ни к смягчению наказания, ни тем более к прекращению дела, если посторонние, не зависящие от обвиняемого обстоятельства, воспрепятствовали осуществлению его намерения совершить хищение в более крупных размерах»².

Еще более четко это положение высказано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 июня 1957 г. «О некоторых вопросах по применению в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества». В п. 4 этого постановления Пленум дал судам следующее руководящее разъяснение: «В тех случаях, когда материалами дела доказано, что умысел виновного был направлен на хищение в значительных размерах и не был осуществлен по не зависящим от виновного обстоятельствам, преступление следует квалифицировать как покушение на хищение, предусмотренное Указом от 4 июня 1947 г.»³.

Аналогично должен быть решен вопрос о квалификации хищения в средних (некрупных) размерах, если с достоверностью установлено, что лишь по не зависящим

¹ См. М. Ковалев, Е. Фролов, А. Щедрина, Н. Савин, Применение Указа об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества, «Социалистическая законность» 1957 г. № 3, стр. 57.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 9, стр. 20.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 4, стр. 21.

от виновного обстоятельством ему не удалось осуществить свое намерение на хищение в крупных размерах. Такие действия должны наказываться, по нашему мнению, по ст. 19 УК и ст. 2 или 4 Указа от 4 июня 1947 г.

В практике судебно-прокурорских органов указанные выше случаи встречаются редко, так как бывает очень трудно доказать умысел на совершение хищения более крупного, чем то, которое фактически было выполнено. Однако наличие такого умысла в отдельных случаях может быть с точностью установлено по характеру приготовительных действий, способу хищения и обстановке его совершения. В этом отношении представляет интерес дело С.

С., осужденный в 1954 году по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к десяти годам лишения свободы и освобожденный из места заключения 24 октября 1955 г., в ночь на 31 октября того же года разбил окно и сломал замок в продуктовой палатке, проник туда и похитил три банки консервов, одну пачку желё, две пачки папирос. В это время он был застигнут на месте преступления милиционером и дежурным по станции, которые предотвратили дальнейшее хищение.

Органы предварительного следствия правильно квалифицировали действия С. по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», но допустили неточность в квалификации, выразившуюся в отсутствии ссылки на ст. 19 УК. Более грубую ошибку допустил суд первой инстанции, который в подготовительном заседании переквалифицировал преступление С. на ст. 1 Указа от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества». По этому Указу С. был приговорен к трем месяцам лишения свободы. Суд исходил только из размера похищенного (стоимости обнаруженных у С. продуктов) и не учел направленности умысла на совершение более значительного хищения. Взломав замок, разбив окно и проникнув таким путем в продуктовую палатку, С. не рассчитывал ограничиться хищением тех продуктов,

которые у него были обнаружены при задержании в палатке. Он не совершил более крупного хищения по независящим от него причинам. Считая по этим соображениям квалификацию действий С., данную судом, неправильной, Главный транспортный прокурор опротестовал приговор в Транспортную коллегия Верховного Суда СССР. Коллегия согласилась с доводами протеста, отменила определение подготовительного заседания и приговор линейного суда и направила дело в тот же суд на новое рассмотрение со стадии предания С. суду¹.

Изучение практики прокурорско-следственных и судебных органов показывает, что обычно ст. 19 УК в таких случаях исключается из квалификации на том, видимо, основании, что виновным имущество, хотя и в меньшем размере, но похищено и, следовательно, вредные последствия наступили. Вряд ли такое обоснование может быть признано убедительным, так как в рассматриваемых случаях отсутствует тот результат, на причинение которого был направлен умысел виновного и который необходим для наличия состава соответствующего вида хищения. Вследствие этого преступление оказывается не доведенным до конца по причинам, не зависящим от виновного².

Сказанное, разумеется, не распространяется на пограничные случаи, то есть на случаи, когда мелкое (по размеру и стоимости) хищение непосредственно примыкает к хищению, предусмотренному ст. ст. 1 и 3 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», или хищение средних размеров—к крупному хищению. В подобных случаях обстоятельства, свидетельствующие о намерении субъекта похитить имущество в более крупных размерах, рассматриваются в качестве весьма веского соображения в пользу отнесения хищения к другому, более тяжкому по размеру виду хищения. В этих случаях ст. 19 УК не должна применяться, так как реально

¹ См. „Социалистическая законность“ 1956 г. № 5, стр. 94.

² См. Н. Д. Дурманов правильно указывает, что если при попытке совершения хищения в крупном размере виновный не завладел имуществом или похитил имущество не в крупном размере, ответственность должна наступать за покушение на крупное хищение (Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 166—167).

причиненный ущерб по своей тяжести приближается к тому, который необходим для наличия соответствующего вида хищения. Поэтому следует признать правильной квалификацию, данную действиям Х. в приговоре народного суда от 4 января 1956 г.

В ночь на 18 сентября 1955 г. Х., пользуясь тем, что сторож орска Хойникского леспромхоза, имевший под охраной множество объектов, находился около базы орска, проник путем выставления ломом окна в помещении конторы орска, взломал тем же ломом висячий и внутренний замки сейфа и похитил оттуда 315 руб. Органы расследования и суд правильно квалифицировали действия Х. по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», хотя размер хищения сравнительно невелик. Действия Х. неправильно было бы рассматривать как мелкое хищение, так как умысел виновного был направлен на хищение более крупной суммы денег. Об этом свидетельствует способ действия и выбор предмета посягательства. Применение в данном случае ст. 22 УК БССР не вызывалось необходимостью, поскольку размер хищения непосредственно примыкает к такому размеру, который необходим для квалификации преступления по ст. 1 названного Указа.

Имеется оконченное преступление и в тех случаях, когда вместо предполагаемого по ошибке причиняется соответствующий вред другому однородному объекту или предмету посягательства.

Если, например, субъект из мести уничтожает или повреждает по ошибке путем поджога не дом своего недруга, а дом его соседа, налицо оконченное преступное деяние, предусмотренное соответствующей частью ст. 175 УК. Точно также оконченным преступлением будут действия лица, убившего не того человека, которому виновный хотел причинить смерть.

Аналогично обстоит дело также в случаях так называемого отклонения действия, когда виновный сознательно допускает возможность причинения ущерба другому однородному объекту (например, целясь из пистолета в намеченную жертву, преступник сознает возможность промаха и попадания в другого стоящего сзади или рядом человека; поставив в шкаф отравленный напиток с целью причинения смерти определенному лицу, субъект

ект допускает возможность употребления этого напитка другим лицом). В этом отношении характерно дело Т. и Л., которое было рассмотрено в 1940 году Московским городским судом и приводится в работе Н. Д. Дурманова.

Бежавшие из места заключения Т. и Л. встретили на улице К., освобожденного из того же места заключения, и у них возникло опасение, что К. может их выдать органам власти. По этим мотивам Т. и Л. решили убить К. С этой целью они пригласили К. в пивную и незаметно всыпали в стоявшую перед ним кружку пива цианистый калий. Сославшись на какие-то срочные дела, Т. и Л. поспешно ушли из пивной. Почувствовав смутную тревогу, К. также ушел, не выпив пива. Посетитель пивной Д., увидев стоящую на свободном столе кружку пива, выпил его и через несколько минут умер.

Приведя этот пример, Н. Д. Дурманов указывает, что в действиях Т. и Л. имеется налицо покушение на убийство К. и неосторожное или случайное (невиновное) причинение смерти Д., а также состав незаконного хранения яда¹. Мы считаем, что такая квалификация не может быть признана правильной, так как безусловно преступники сознавали, что пиво будет употреблено, если не К., то каким-либо другим лицом (кружка была полной, нетронутой). Для наличия состава оконченного умышленного убийства необязательно достижение Т. и Л. поставленной ими цели (смерти именно К.), поскольку они умышленно (с кбсвенным умыслом) причинили смерть другому лицу. Уголовное право одинаково защищает жизнь всех граждан. Для наличия умысла при посягательстве на жизнь требуется предвидение причинения в результате совершаемого действия смерти человеку, соединенное с желанием или сознательным допущением этого общественно опасного последствия. Так и было в рассматриваемом случае.

Покушение при ошибке в объекте или предмете посягательства и при отклонении действия может быть усмотрено лишь в тех случаях, когда ущерб причиняется объекту, не однородному по своему значению для ква-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 164.

лификации с тем, на который преступление было направлено в умысле виновного. Примером подобной ошибки в объекте может служить преступление, совершенное Б. и А.

В ночь на 24 января 1956 г. по предварительному сговору между собой они похитили с погрузочно-разгрузочной рампы станции один мешок пшеницы весом 75 кг. стоимостью 112 р. 50 к., принадлежащей колхозникам колхоза «Цители Картли» села Квешви Горийского района Грузинской ССР.

По приговору суда Б. и А. были осуждены по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Определением вышестоящего суда приговор был оставлен в силе.

Считая, что преступление Б. и А. подлежало квалификации по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», прокурор внес протест в Верховный Суд СССР, но последний протест отклонил.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР по тем же основаниям внес протест в Пленум Верховного Суда СССР. Соглашаясь с протестом, Пленум в своем постановлении по данному делу от 12 апреля 1957 г. пришел к выводу о необходимости переквалификации действий Б. и А. на ч. 1 Указа от 10 января 1955 г. При этом Пленум руководствовался следующими соображениями.

Колхоз «Цители Картли» решил закупить для личных нужд колхозников около 300 т. зерна, для чего по решению общего собрания колхозников были собраны деньги членов артели и, кроме того, выделено 10 тыс. руб. из общественных средств.

Произвести закупку зерна было поручено колхознику В. Последний выехал в Харьковскую область и закупил там около 100 т. пшеницы, которую при содействии местных органов власти складировал на погрузочно-разгрузочной рампе станции Лихачево. Один мешок этой пшеницы и был похищен Б. и А.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что органы предварительного расследования и все судебные инстанции, рассматривавшие данное дело, ошибочно исходили лишь из того факта, что хищение одного мешка

пшеницы было совершено виновными из зерна, приобретенного для личных нужд колхозников, и что за сохранность зерна железная дорога ответственность не несла.

Между тем Б. и А. не были осведомлены о принадлежности зерна. Их умысел был направлен на хищение государственного имущества, так как они знали, что на погрузочно-разгрузочной рампе товарного двора станции Лихачево обычно находится государственное или общественное имущество, перевозимое или предназначенное к перевозке по железной дороге, а также имущество граждан, принятое железной дорогой на ответственное хранение¹.

Приведя эти доводы, вытекающие из материалов дела, Пленум Верховного Суда СССР не учел, однако, того обстоятельства, что действия Б. и А. не могут рассматриваться как оконченное хищение государственного имущества (этим имуществом виновные не завладели), а поэтому должны квалифицироваться по ст. 19 УК и ч. 1 Указа от 10 января 1955 г. Причинение по ошибке ущерба другому неоднородному объекту не превращает покушение в оконченное деяние, так как объект, на который было направлено посягательство в умысле виновного, фактически не пострадал.

Конструкции различных составов преступлений отличаются значительным своеобразием с точки зрения объема тех действий, которые включаются законодателем в понятие оконченного преступления (результатные, факультативно-результатные и «усеченные» составы). Поэтому при разграничении покушения и оконченного преступления весьма важно учитывать содержание диспозиции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса. Суды, к сожалению, иногда забывают об этом и квалифицируют со ссылкой на ст. 19 УК такое покушение, которое отнесено законодателем к стадии оконченного преступного деяния. Такая неточная квалификация может привести к неправильному определению наказания или к ошибочному решению ряда других вопросов (например, о добровольном отказе от продолжения преступления). Поэтому высшие судебные органы, исправляя подобные ошибки, постано-

¹ См. „Бюллетень Верховного Суда СССР“ 1957 г. № 3, стр. 1—2.

нно подчеркивают важность правильного разграничения покушения и оконченного преступления в соответствии с нормами Общей части уголовного кодекса и конструкцией соответствующего состава преступления.

Ленинградским городским судом И. и С. были осуждены за то, что они, предварительно сговорившись между собой, совершили с целью ограбления вооруженное нападение на К. Дождавшись, когда К. вышел из квартиры, И. и С. ударили К. по голове твердым предметом и сбили его с ног. В связи с тем, что пришедший в себя К. и его жена стали громко звать на помощь, преступники, произведя в К. два выстрела, скрылись, не сумев совершить ограбления квартиры. Ленинградский городской суд усмотрел в действиях виновных только покушение на разбой. Верховный Суд СССР признал подобную квалификацию неправильной и указал в частном определении: «Согласно определению разбоя (нападение с целью завладения чужим имуществом) для того, чтобы преступление считалось оконченным, вовсе не требуется, чтобы цель была достигнута, т. е. чтобы преступник похитил имущество. Необходимо и достаточно, чтобы совершилось то нападение, которым характеризуется разбой»¹. Поэтому он пришел к выводу, что преступление И. и С. следовало квалифицировать непосредственно как разбой без ссылки на ст. 19 УК.

Однако, несмотря на четкое определение разбоя в законе и приведенное разъяснение Верховного Суда СССР, все еще встречаются случаи, когда отдельные суды, и в их числе даже верховные суды республик, допускают ошибки при разграничении стадий разбоя. В частности, такую ошибку допустил Верховный суд РСФСР при рассмотрении дела М-ва и Ш.

М-в и Ш., заметив в чайной пьяного М., решили его ограбить. С этой целью они вывели его на улицу и стали обыскивать. В это время М. проснулся и, узнав М-ва, назвал его по имени. В связи с этим грабители решили убить потерпевшего, что они и сделали, ударив М. головой о сруб. За эти действия виновные были правильно осуждены судом первой инстанции по п. «а» ст. 136 УК и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» за 1948 г., вып. III, стр. 22.

от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Однако Верховный суд РСФСР с такой квалификацией не согласился. В своем определении по данному делу от 28 марта 1956 г. он указал, что действия осужденных по ст. 19 УК и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. следует квалифицировать потому, что ни органы следствия, ни суд не установили, что конкретно похищено у М., тогда как покушение на его ограбление по делу доказано¹. Таким образом, вопреки закону Верховный суд РСФСР пришел к выводу, что для признания разбоя оконченным преступлением требуется, чтобы виновный завладел имуществом потерпевшего.

При разграничении покушения и оконченного преступления необходимо учитывать то обстоятельство, что внешне сходные по степени развития общественно опасные деяния могут быть квалифицированы по-разному ввиду неодинаковой конструкции соответствующих составов преступлений. Весьма наглядно это может быть показано на примере квалификации преступных действий Л. и Р., осужденных областным судом от 10 апреля 1956 г. по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», а также по ст. 22 УК БССР и ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Будучи в нетрезвом состоянии, Л. и Р. встретили на ул. Коласа станции Орша гражданку К. и решили ее ограбить. Л. схватил потерпевшую и приставил нож, после чего он вместе с Р. обыскал К. с целью обнаружения денег и часов. Денег и часов у потерпевшей не оказалось. После неудавшейся попытки ограбления преступники решили изнасиловать К. С этой целью Р. повалил ее на землю, а Л. стоял рядом, наблюдая, чтобы никто не подошел к ним. Лишь приближение машины заставило Р. и Л. отказаться от изнасилования.

¹ Приведя этот пример, Н. Ф. Кузнецова пишет: „В известной мере подобному неверному толкованию разбоя способствует существующая в теории точка зрения, будто разбой это усеченный состав кражи. Вопреки закону утверждается, что разбой не нападение с целью завладения имуществом, а насильственная кража чужого имущества, где самое нападение— лишь стадия кражи“ (Н. Ф. Кузнецова, О квалификации разбойного нападения, „Советское государство и право“ 1957 г. № 9, стр. 109).

И в первом и во втором случае виновные не достигли намеченной цели, однако ввиду разной конструкции составов разбоя и изнасилования первое действие представляло собой оконченное преступление (разбой), второе же являлось лишь покушением (на изнасилование). Правда Л. и Р. совершили и другие разбойные нападения, сопровождавшиеся завладением имуществом потерпевших, но если бы их разбойная деятельность ограничилась только нападением на К., налицо также был бы оконченный разбой, и квалификация преступной деятельности виновных не изменилась бы.

Возможно и такое положение, когда одинаковые действия, направленные на совершение одного и того же преступления, по уголовным кодексам одних союзных республик могут быть квалифицированы как покушение, а по уголовным кодексам других республик — как оконченное преступление. Так, скупка товаров с целью наживы при последующей перепродаже по повышенным ценам по уголовным кодексам большинства союзных республик квалифицируется как покушение на спекуляцию, а по уголовным кодексам Белорусской ССР (ст. 155) и Таджикской ССР (ст. 129) — как оконченная спекуляция¹. Это обстоятельство должно учитываться судебно-прокурорскими органами при применении в условиях той или иной союзной республики руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР по отдельным категориям уголовных дел. Эти постановления обычно ограничиваются ссылками на статьи Уголовного кодекса РСФСР и лишь делается оговорка, что имеются в виду и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик. Так, в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о спекуляции» сказано: «В тех случаях, когда по делу не установлена перепродажа скупленных товаров, но суд, исходя из всех доказательств по делу, придет к обоснованному выводу, что скупка товаров была произведена для перепродажи с

¹ В статье 107 УК спекуляция определена как „скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы... продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления“. В Уголовном кодексе СССР определение спекуляции начинается словами: „Скупка для перепродажи, а равно перепродажа...“ (ст. 155), а в Уголовном кодексе Таджикской ССР — „Скупка или перепродажа...“ (ст. 129).

целью наживы, такие действия должны квалифицироваться по ст. ст. 19 и 107 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»¹. По указанной выше причине это разъяснение не распространяется на случаи совершения скупки товаров на территории БССР и Таджикской ССР. К сожалению, соответствующей оговорки в постановлении Пленума нет, что приводит иногда к ошибочной квалификации спекулятивных действий, связанной с неправильным определением стадии преступления. Так, прокуратура квалифицировала по ст. 22 и ст. 155 УК БССР действия Ш. выразившиеся в том, что он 26 октября 1954 г. купил для перепродажи в целях наживы 1850 кг. яблоки и повез их на автомашине, принадлежащей колхозу «Свободная Белорусь», в г. Минск, но по дороге был задержан (дело впоследствии было прекращено ввиду преклонного возраста Ш. и его болезненного состояния в соответствии со ст. 4-а УПК БССР). Органы прокуратуры не учли, что согласно ст. 155 УК БССР действия Ш. представляют собой оконченное преступление. Поэтому осылку на ст. 22 не следовало делать.

В результате неправильного толкования диспозиции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса допускаются ошибки и другого рода, когда покушение квалифицируется как оконченное преступление. Такую ошибку допустили, например, органы расследования по делу Л. и Г., которые были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» за совершение следующих действий.

В 12 час. ночи Л. и Г. проникли через окно в дом Б. с целью ее изнасилования, зная при этом, что в доме кроме Б. и ее малолетнего родственника никого нет. Проникнув в дом, преступники набросили на голову спящей Б. телогрейку и стащили ее с койки на пол. Г. держал потерпевшую за голову, а Л. пытался ее изнасиловать. На поднятый шум прибежали родственники Б. В связи с этим виновные скрылись. Попытка изнасилования Б. в ее доме была предпринята Л. и накануне.

---

¹ „Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1957 гг.“, М., 1958, стр. 29.

Рассматривая данное дело в качестве суда первой инстанции, областной суд признал квалификацию действий Л. и П. неправильной и усмотрел в них лишь признаки покушения на изнасилование (приговор от 19 октября 1955 г.).

Некоторые особенности имеет разграничение покушения и оконченного преступления при совершении деяния в соучастии.

При совершении преступления несколькими лицами—исполнителями—причинение результата хотя бы одним из них достаточно для признания виновными в оконченном преступлении и остальных соучастников. По сути дела результат в этих случаях достигается благодаря совместной деятельности всех соучастников, действующих в качестве непосредственных исполнителей и стремящихся к достижению одного и того же результата. Так, все совиновники отвечают как за оконченное убийство, если они совместно совершили действия, направленные на причинение смерти другому лицу, хотя бы этот результат наступил вследствие смертельного ранения, нанесенного одним из них. Такой характер, в частности, имело преступление, совершенное сообща А. С., А. А. и С. Указанные лица по предварительномуговору и заранее обдуманному плану решили убить гр-на А-ко за то, что он в 1953 году дал в суде изобличающие показания в отношении их родственника А. Д., осужденного за убийство к десяти годам лишения свободы.

В восьмом часу вечера, вблизи дороги Буда-Кошелево-Демидовка, в кустарнике, преступники устроили засаду, набросились на проходившего по дороге А-ко и с особой жестокостью убили его, нанеся 28 колото-режущих ран и выколов глаза. Каждый из виновных был вооружен ножом и наносил ранения.

По приговору областного суда от 22 мая 1956 г. все трое были осуждены по ч. 1 ст. 214 УК БССР, то есть за оконченное убийство.

В подобных случаях трудно установить, кто же именно нанес смертельные ранения потерпевшему (отдельные ранения могли быть и не смертельными). Но в этом и нет необходимости, так как результат причиняется действиями нескольких лиц, направленными к достижению одной и той же преступной цели. Это не

означает, конечно, что причинение смерти в драке одним из дерущихся должно быть вменено в вину остальным участникам драки, избивавшим потерпевшего. Для такого вменения необходимо установить наличие у них умысла на причинение смерти и предварительной договоренности о совершении убийства. Если умысел на убийство установлен, но сговора совершить это преступление не было, каждый отвечает за свои действия самостоятельно: причинивший смерть—за оконченное умышленное убийство, нанесшие ранения с целью лишения жизни—за покушение на убийство.

✓ При групповом изнасиловании для признания преступления оконченным (в отношении всех участников) достаточно, чтобы половой акт с потерпевшей был совершен хотя бы одним из насильников. Остальные же лица, принимавшие участие в насилии над женщиной, например, преодолевавшие сопротивление последней, отвечают за оконченное преступление, хотя бы они сами полового акта и не совершили. Преступление, совершенное в соучастии, рассматривается как одно деяние, а не как несколько по количеству соучастников преступлений. Причинение результата одним из соисполнителей при изнасиловании должно быть вменено в вину всем участникам преступления, так как результат достигается при их непосредственном содействии в момент совершения преступления, поэтому в качестве соисполнителей при изнасиловании могут участвовать и женщины и мужчины, не способные к совокуплению.

В этом отношении представляет интерес дело М., С. и других, совершивших групповое изнасилование К. Один из соучастников этого преступления заманил К. обманным путем в баню, куда впоследствии ворвались и остальные преступники. Путем применения физического насилия они совершили с потерпевшей по очереди половое сношение, и, когда она отбивалась, помогали друг другу, держа ее за голову и за ноги.

Будучи привлечены к уголовной ответственности за групповое изнасилование, некоторые осужденные в кассационных жалобах ссылались на то, что они непосредственно не имели полового сношения с потерпевшей, и просили переqualифицировать их действия, признав их виновными в покушении на изнасилование и в соответствии со ст. 19 УК снизить меру наказания. Верховный

суд РСФСР признал доводы кассаторов неосновательными и указал, что для наличия состава группового изнасилования «безразлично, все ли обвиняемые имели половое сношение с потерпевшей или часть из них, а остальные только содействовали».

Особо следует остановиться на квалификации такого покушения, которое является лишь одним из эпизодов в ряду других однородных и притом оконченных преступлений. В этих случаях все совершенные одноименные преступления, если хотя бы одно из них достигло стадии оконченного преступления, должны квалифицироваться как одно оконченное повторное или неоднократное преступление. При этом не имеет значения, когда было совершено неоконченное преступление—в начале, середине или в конце преступной деятельности. Факт недоведения до конца одного из преступлений, конечно, будет учтен при определении наказания (два однородных оконченных преступления опаснее, чем те же преступления в случае недоведения одного из них до конца). Однако для этого нет необходимости выделять неоконченное преступление и давать ему отдельную квалификацию.

Указанное относится прежде всего к случаям, когда повторность предусмотрена в законе в качестве отягчающего (квалифицирующего) признака, наличие которого превращает совершенное преступление в более тяжкое, караемое более сурово. В качестве примера можно привести повторное хищение государственного и общественного имущества. Хищение является повторным (и оконченным) преступлением независимо от того, что одно из совершенных хищений оказалось недоконченным до конца по не зависящим от виновного причинам. Статья 19 УК в этих случаях указывает в квалификации лишь тогда, когда ни одно из совершенных хищений не было доведено до конца. Такой подход к решению этого вопроса объясняется тем, что ответственность за два и более однородных хищений наступает как за одно повторное хищение по ст. 2 или 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государст-

венного и общественного имущества». Аналогично должен решаться вопрос и в отношении повторной кражи личного имущества. Так, действия С., совершившей несколько квартирных краж, последняя из которых не была доведена до конца (покушение), правильно были квалифицированы органами расследования и народным судом по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Если же совершены два неоднородных преступления, то независимо от того, какой стадии они достигли, каждое из них должно получить отдельную квалификацию по правилам о совокупности преступлений. В качестве примера можно привести дело Б., рассмотренное 31 июля 1952 г. С декабря 1951 года по апрель 1952 года Б., работая киномехаником, совершил растрату 1477 руб. государственных денег и с целью уклонения от уголовной ответственности скрылся. В мае-июне того же года он совершил три квартирных кражи. Кроме того, 11 июня 1952 г. Б. с целью хищения проник на чердак закусочной. Во время взлома потолка для проникновения в помещение буфета закусочной Б. был задержан, и по этой причине задуманное им преступление не было доведено до конца.

Действия Б. были правильно квалифицированы органами расследования и народным судом по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», ст. 22 УК БССР и ст. 4 названного Указа и по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Изложенные выше правила должны применяться и при повторном совершении такого преступления, в состав которого повторность какотягчающее вину обстоятельство не включена. И в этом случае совершение нескольких однородных преступлений должно рассматриваться как одно оконченное повторное преступное деяние, хотя бы часть этих преступлений не была доведена до конца. Ссылка на ст. 19 УК делается лишь тогда, когда ни одно из этих преступлений не было окончено. Но и в этом последнем случае все содеянное рассматривается как одно повторное (неоконченное)

преступление. Наличие повторности должно быть учтено при определении наказания.

При квалификации совершенных субъектом нескольких преступлений следует руководствоваться следующим правилом: повторность будет тогда, когда преступления являются однородными (одинаковыми), совокупность—при разнородности совершенных преступлений. Именно ввиду разнородности и возникает необходимость отразить в квалификации характер каждого из преступных деяний.

Отдельные составы преступлений сконструированы так, что определение момента, когда эти преступления достигают стадии оконченного преступления, вызывает некоторые затруднения, что приводит нередко к различным мнениям по этому вопросу как в уголовно-правовой литературе, так и в судебно-прокурорской практике. В связи с этим представляется необходимым остановиться на возникающих в практике вопросах отграничения покушения от оконченного преступления в отношении некоторых преступных посягательств.

Большое теоретическое и практическое значение имеет разграничение покушения и оконченного преступления при хищениях социалистической собственности и краже личного имущества граждан. На этом вопросе мы считаем необходимым остановиться подробно.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» этот вопрос своего разрешения не нашел. Лишь в некоторых постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР по отдельным уголовным делам содержатся указания о том, когда должна считаться оконченной кража государственного и общественного имущества.

Общепризнано, что кража является результатным преступлением, так как для наличия оконченного состава этого преступления необходимо наступление определенного преступного результата. Однако в отличие от

---

¹ См. А. М. Яковлев, Совокупность преступлений, повторность и рецидив по советскому уголовному праву, „Советское государство и право“ 1956 г. № 10, стр. 51.

других результатных преступлений (убийства, телесных повреждений и т. д.) установление момента наступления преступного последствия при краже представляет известные трудности, так как само понятие этого последствия допускает различные толкования.

В Комментарий Уголовного кодекса РСФСР указывается, что кража может быть признана оконченным преступлением лишь тогда, когда изъятое имущество перешло во владение или ведение похитителя; «в тех же случаях, когда ... изъятое имущество еще не перешло во владение или ведение похитителя, имеется покушение на кражу»¹.

✓ Более подробно на этом вопросе останавливается В. Д. Меньшагин, который указывает, что для оконченого состава кражи «необходимо, чтобы не только потерпевший утратил обладание имуществом, но чтобы виновный стал обладать этим имуществом»². По мнению В. Д. Меньшагина, при похищении чужого имущества возможны случаи, когда «имущество уже изъято из обладания потерпевшего, но не перешло еще по тем или иным причинам во владение виновного». В качестве примера приводится случай, когда «вор, проникший в чужую квартиру и изъявший там ценные вещи, был задержан при этом дворником дома или другими лицами». В этом случае В. Д. Меньшагин усматривает не оконченную кражу, а покушение на нее ввиду того, что «виновный, хотя и изъял чужую вещь, но еще не начал ею владеть».

Аналогичное решение вопроса о грани между покушением и оконченным преступлением при краже дано в учебнике уголовного права для юридических школ, изданном в 1950 году³, и в работе Б. А. Куринова «Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества»⁴.

Таким образом, сторонники изложенной точки зре-

¹ А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий изд. 2-е, М., 1946, стр. 208.

² В. Д. Меньшагин, Усиление охраны личной собственности граждан, М., 1948, стр. 19.

³ См. В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 275, 340—341.

⁴ См. Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, М., 1954, стр. 56.

ния (так называемой теории завладения) разделяют похищение чужого имущества, составляющее объективную сторону кражи, на две составные части, якобы разделенные во времени: а) изъятие имущества, в результате которого потерпевший утрачивает обладание имуществом, и б) завладение имуществом, в результате которого виновный становится его обладателем. Для наличия оконченной кражи, по мнению сторонников этой теории, необходимо, чтобы за изъятием последовало завладение.

С подобным пониманием оконченной кражи нельзя согласиться. Законодатель определяет кражу как тайное или открытое похищение чужого имущества (ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»). Под похищением же понимается умышленное незаконное изъятие имущества из чужого владения с целью обращения с ним, как со своим собственным. Из определения кражи, таким образом, следует, что она признается оконченным преступлением с момента изъятия чужого имущества. Как правильно указывается в учебнике Особенной части советского уголовного права, «факт изъятия чужого имущества ... означает и переход чужого имущества во владение виновного»¹. Это вынуждены признать и некоторые сторонники теории завладения. В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская в своем учебнике уголовного права для юридических школ указывают, что при краже объективная сторона преступления «состоит в противоправном изъятии виновным имущества, находящегося во владении другого лица. При этом происходит противоправный переход имущества из владения потерпевшего путем изъятия этого имущества»² (разрядка наша.—И. Т.).

Сторонники теории завладения обычно ссылаются в подтверждение своего взгляда на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 февраля 1948 г. по делу М. Однако ссылка эта является неосновательной. Как видно из обстоятельств дела, М. по договоренности

¹ „Советское уголовное право, часть Особенная“, М., 1951, стр. 244.

² В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 340.

с С. совершил кражу государственного имущества из общежития, спрятал его за перегородку в коридоре и стал дожидаться здесь прихода С., который должен был в условленное время прийти за похищенным для его реализации. Обнаруженный сторожем М. успел уйти из общежития, а явившийся затем С. был задержан с поличным. По приговору военного трибунала М. был осужден за совершение оконченной кражи. Этот приговор был отменен Верховным Судом СССР, который усмотрел в действиях М. лишь покушение на кражу и на этом основании прекратил дело производством в порядке ст. 8 УК за нецелесообразностью привлечения М. к уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда СССР признал это неправильным. «То обстоятельство,—указал Пленум,—что по независящим от них причинам М. и С. оказались не в состоянии реализовать похищенное имущество, не наделяет их действия признаками покушения, так как кража должна считаться законченной в момент перехода изымаемого имущества во владение виновного, а не в момент реализации похищенного имущества»¹. Никакого различия, как мы видим, между изъятием имущества и завладением этим имуществом Пленум Верховного Суда СССР не приводит. М. изъясил имущество из общежития и вынес его в коридор, это и означает, что он завладел этим имуществом.

Вряд ли можно также согласиться с так называемой «теорией уноса», согласно которой для признания кражи оконченной изъятое имущество должно быть удалено из сферы владения потерпевшего. Этой теории придерживается Я. М. Брайнин. Правильно указав на то, что «юридическая конструкция теории завладения создает на практике ряд затруднений при решении вопроса о моменте окончания кражи в связи с полной неопределенностью самого понятия „владения“ похищенным имуществом» (трудно определить момент, когда похититель получает фактическую возможность воспользоваться похищенным имуществом в своих интересах), Я. М. Брайнин пишет: «Такое положение неизбежно приводит к тому, что на практике моментом окончания кражи признается момент изъятия похищенного имущества из сферы владения его

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ за 1948 г. вып. III, стр. 10

обладателя, и такое решение вопроса во многих случаях является наиболее жизненным. Оно соответствует и самой природе похищения, основными чертами которого являются два условия: корыстное намерение изъять имущество из чужого владения и осуществление этого намерения путем изъятия этого имущества для обращения его в свою или чужую собственность». Определение же внешних границ чужого законного владения, то есть того расстояния, на которое похищенная вещь должна быть удалена из места, в котором она находилась к моменту ее похищения, является, по мнению Я. М. Брайнина, вопросом факта, разрешаемым в каждом отдельном случае судом. В качестве примера изъятия вещи из чужого владения Я. М. Браинин приводит такой факт, когда вещь выносится за пределы территории предприятия, хотя бы похититель был задержан сразу же по выходе из ворот предприятия¹.

Такое понимание оконченной кражи не основано на законе и находится в явном противоречии со сложившейся судебной-прокурорской практикой, которая правильно исходит из того, что для наличия оконченной кражи личного имущества или хищения социалистической собственности вовсе не требуется, чтобы виновный унес изъятое имущество с места совершения хищения (с территории специально охраняемого объекта: завода, фабрики склада и т. д.). Необходимо лишь, чтобы имущество было уже изъято и преступнику оставалось лишь унести или увезти его с собой.

Для подтверждения того, что практика стоит именно на этой позиции, приведем несколько наиболее типичных примеров.

Т. был признан виновным в совершении оконченного хищения, выразившегося в том, что им было похищено с завода 262 м шифона, который был обнаружен у Т. спрятанным в автомашине и изъят охраной при выезде с территории завода. В своем определении по данному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР специально указала, что отобрание по-

¹ См. Я. М. Браинин, Вопросы применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. „Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества“ в практике Верховного Суда СССР, „Ученые записки КГУ“, т. XI, вып. III, № 5, стр. 130—131.

хищенного охраной завода не должно влиять на квалификацию, ибо последняя не зависит от того, воспользовался ли преступник результатом совершенного преступления или нет¹

Во всех случаях задержания виновных с похищенным при попытке выйти за пределы завода, фабрики, склада и т. д. судебно-прокурорские органы усматривают не покушение на хищение, а оконченное преступление². С точки же зрения Я. М. Брайнина, как мы видели, оконченой кража является лишь тогда, когда похититель задержан «по выходе из ворот предприятия».

В практике встречаются случаи, когда преступники, имеющие доступ к охраняемым объектам государственной и общественной собственности, изымают имущество и прячут его тут же на территории объекта с тем, чтобы впоследствии при более удобном случае забрать его и унести к себе домой. И в этих случаях судебно-прокурорские органы, вопреки „теории уноса“, усматривают не покушение, а оконченное преступление против социалистической собственности. Так, виновным в совершении оконченного хищения был признан С., который, будучи сторожем склада, похитил оттуда рис, масло и другие продукты и спрятал их под диван в сторожевой будке, где они и были обнаружены³.

Судебно-прокурорские органы в этом случае нашли, что преступление было оконченным. Верховный Суд СССР усмотрел также оконченную кражу в действиях Г., Г. А. и С., похитивших во время нахождения на постах по охране грузов рыбу на сумму 7478 руб. Разбив бочки с рыбой, преступники переложили рыбу в мешки, спрятали в яму и прикрыли ее бумагой⁴.

Кража должна считаться оконченной и в тех случаях, когда виновного задерживают на месте преступления не-

¹ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.“, М., 1948, стр. 163—64.

² См. также „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 144; „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1947 г. вып. VIII (XLII), стр. 11; „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1948 г., вып. III, стр. 25—26.

³ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.“, М., 1948, стр. 163—164.

⁴ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 83.

посредственно после изъятия имущества. Так, В. днем с целью совершения кражи путем взлома навесного замка проникла в кухню квартиры гражданки Ф., продела-ла дыру в перегородке квартиры и, забравшись в комна-ту квартирантки Л., собрала и связала в узел для выно-са 13 носильных вещей общей стоимостью около 4 тыс. руб. В это время домой вернулась хозяйка квартиры Ф. и подняла крик. Прибежавший на место происшествия сосед задержал В. По вступившему в законную силу при-говору народного суда В. была правильно осуждена за оконченную кражу по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Вер-ховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Проводимое выше разграничение покушения и окон-ченного преступления неприменимо к хищению государ-ственного и общественного имущества, совершаемому посредством разбойного или бандитского нападения.

Согласно ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Со-вета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны лич-ной собственности граждан» разбой признается окончен-ным преступлением с момента совершения нападения с целью завладения имуществом потерпевшего, независи-мо от того, удалось ли преступнику достигнуть этой це-ли. Вследствие этого с момента совершения нападения исключается возможность добровольного отказа от пре-ступления. Кроме того, факт незавладения имуществом потерпевшего не наделяет действия разбойника призна-ками покушения, и следовательно, не может служить ос-нованием для снижения наказания в порядке ст. 19 УК. Это, безусловно, усиливает репрессивный характер нака-зания, установленного за разбой.

Поскольку охрана социалистической собственности не может быть меньшей, чем охрана личной собствен-ности, следует прийти к выводу, что хищение государствен-ного и общественного имущества путем разбойного на-падения на лиц, ведающих имуществом или охраняю-щих его, должно считаться оконченным преступлением с момента нападения на указанных лиц независимо от то-го, удалось ли преступнику завладеть имуществом. Ска-занное вполне применимо и к бандитскому нападению, совершенному с целью завладения государственным или общественным имуществом. Как известно, бандитизм, преследующий достижение указанной цели, отличается

от разбойного нападения, совершенного вооруженной шайкой, только наличием у банды признака устойчивости и тем, что она посягает на сами основы государственного управления. Поэтому все, что было сказано о понятии оконченного хищения путем разбойного нападения, относится и к хищению, совершаемому бандой. Подобную позицию по данному вопросу занял Верховный Суд СССР при рассмотрении дела С. и А. Последние, вступив в банду, на следующий день в ее составе приняли участие в вооруженном нападении на сторожей промартели «Объединенная жизнь» с целью завладения кассой артели, но в связи с тем, что сторожа стали кричать о помощи, скрылись, не доведя задуманное преступление до конца из-за боязни быть задержанными. С. А. и остальные участники банды были осуждены по ст. 59^а УК и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении по данному делу от 28 июля 1950 г. признал квалификацию действий осужденных правильной¹.

В практике работы судебно-прокурорских органов приходится нередко сталкиваться с вопросами разграничения покушения и оконченного преступления при взяточничестве. В частности, возник вопрос о том, как следует квалифицировать случаи, когда взятка передана, но не принята должностным лицом. Н. Д. Дурманов и Н. П. Кучерявый считают, что такие действия необходимо рассматривать как покушение на дачу взятки.

Н. Д. Дурманов мотивирует это свое мнение тем, что «ущерб работе государственного аппарата в этом случае не может быть причинен»². Главный же довод, на который ссылаются указанные криминалисты, сводится к тому, что дача и получение взятки представляют собой не два, а одно преступление. Н. Д. Дурманов считает дачу и получение взятки «двуединным преступлением», слагающимся «из одновременных, частью

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 10, стр. 10—11.

² Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 169.

разнородных действий двух лиц, связанных единством преступного намерения»¹. Более подробно та же мысль развита Н. П. Кучерявым в его монографической работе о взяточничестве. В этой работе указывается: «Дача и получение взятки . . . являются необходимыми элементами единого сложного состава взяточничества, не имеющими один без другого самостоятельного значения, а поэтому и момент окончания следует определять для всего состава взяточничества в целом, а не отдельно для дачи и получения взятки. Действие в составе взяточничества является двуединым действием дачи и получения взятки, причем дача взятки предшествует получению взятки и создает реальную возможность для осуществления последней. Таким образом, с объективной стороны действие в составе взяточничества начинается с действия дачи взятки и заканчивается действием получения взятки . . . Поскольку дачей взятки лишь начинается действие состава взяточничества, оканчиваясь получением взятки, постольку и момент окончания этого состава следует искать в получении взятки. Иными словами, момент окончания получения взятки будет являться и моментом окончания взяточничества в целом. Оконченная дача взятки будет иметь место лишь в случае наличия оконченного состава взяточничества»².

С таким пониманием оконченного преступления дачи взятки нельзя согласиться. Н. Д. Дурманов, как нам кажется, не учитывает того, что причинение ущерба работе государственного аппарата не является обязательным признаком состава дачи взятки. Такая конструкция ответственности за дачу (и получение) взятки объясняется, по нашему мнению, тем, что причиненный этими преступлениями ущерб часто не поддается определению, особенно если взятка дается за совершение должностным лицом правомерных действий по службе.

Точка зрения Н. Д. Дурманова и Н. П. Кучерявого по рассматриваемому вопросу находится в противоречии со сложившейся практикой судебных и прокурорских органов, которые в соответствии с законом считают дачу и

¹ Н. Д. Дурманов, указанная работа, стр. 169.

² Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество, М., 1957, стр. 101.

получение взятки самостоятельными преступлениями (не случайно они предусмотрены разными статьями уголовного кодекса). В связи с этим практика считает дачу взятки окончанным преступлением независимо от того, принята ли переданная ценность должностным лицом.

Так, например, Е. совершил хищение общественного имущества на складе, где он работал сторожем. Возвращаясь домой с ночного дежурства с похищенным, он был задержан милиционером А., которому предложил взятку в сумме 75 руб. и обещал сшить хромовые сапоги. Милиционер взял деньги в качестве вещественного доказательства. Действия Е. были правильно квалифицированы по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и п. „а“ ст. 208 УК БССР.

Такое понимание момента окончания дачи взятки мы считаем правильным. Нельзя ставить определение стадии совершения этого преступления в зависимость от того, было ли совершено связанное с ним преступление должностного лица, то есть принята последним взятка или нет. Дача и получение взятки хотя и являются тесно связанными между собою преступлениями, но все же это разные деликты. Первый является преступлением против порядка управления, второй—должностным преступлением. Различны их объекты и субъекты, различна объективная сторона. Вполне возможны, как мы видели, случаи, когда имеется дача взятки, но нет состава получения последней—в случае, когда взятка вручена, но не принята.

Что касается предложения и обещания взятки, а равно требования взятки со стороны должностного лица, изъявления последним согласия получить взятку, то они, разумеется, не являются окончанным преступлением и должны квалифицироваться по ст. 19 УК и соответственно по ст. 117 или 118 УК как приготовление к даче или получению взятки¹. В случае неудавшейся попытки не-

¹ Н. Д. Дурманов, усматривает в этих случаях не приготовление, а покушение, мотивируя это тем, что „получение-дача в ятки тесно связаны со служебным действием должностного лица“ (Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 169—170). Такая связь действи-

редачи взятки через посредника, когда врученная последнему ценность по той или иной причине не была отдана должностному лицу, действия субъекта, передавшего ценность посреднику, должны рассматриваться как покушение на дачу взятки. Частный случай такого покушения (передача денег или иных ценностей мнимому посреднику, присваивающему их) предусмотрен в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» (п. 3)¹.

Несколько слов следует сказать о разграничении начатого и оконченного самогонварения. Одним из преступлений, караемых по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона», является изготовление самогона с целью сбыта (ст. 1) или без цели сбыта (ст. 2). В судебной практике возник вопрос о том, как следует квалифицировать приготовление браги, установку самогонного аппарата и сам факт начала изготовления самогона, если виновные были задержаны до того, как самогон был изготовлен. Прямого ответа на этот вопрос в диспозиции Указа мы не находим. В ней говорится об изготовлении самогона, под изготовлением же можно понимать и сам процесс и его результат. Поскольку истолкование понятия оконченного самогонварения может быть двояким, а в законе на этот счет нет точных указаний, следует, по нашему мнению, предпочесть такое определение момента окончания данного преступления, которое не отягчало бы ответственности привлекаемых по Указу лиц. Исходя из этих соображений, следует прийти к выводу, что самогонварение является оконченным преступлением только тогда, когда самогон хотя бы частично уже изготовлен. Установка же самогонного аппарата и начало изготовления самогона должны рассматриваться как покушение на преступление. Что же касается одного лишь изготовления самогонного ап-

---

тельно имеется. Но все дело в том, что названные нами действия еще не направлены непосредственно на совершение преступления, что признает и Н. Д. Дурмаюв (см. там же).

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1949 г. № 8, стр. 2—3.

парата и приготовления браги, при отсутствии действий, непосредственно направленных на изготовление самогона, то такие действия являются приготовлением. Однако некоторые судебные и прокурорские органы рассматривают все перечисленные нами действия как оконченное преступление и квалифицируют их по Указу от 7 апреля 1948 г. без ссылки на ст. 19 УК.

Так, по приговору народного суда были осуждены по ст. 2 Указа от 7 апреля 1948 г. С.-й и др. Суд признал их виновными в том, что они в сентябре 1949 года с целью изготовления самогона заделали брагу, 8 сентября привезли ее к самогонному аппарату и приступили к изготовлению самогона. С. успел изготовить три литра самогона, а остальные преступники своего намерения не осуществили, так как работниками милиции аппарат был обнаружен и уничтожен. По нашему мнению, суд, а также органы расследования, допустили неправильную квалификацию преступления. Только действия С. достигли стадии оконченного преступления, остальные же осужденные не довели преступления до конца, и поэтому их действия образуют приготовление (если они не приступили к непосредственному изготовлению самогона) или покушение (если изготовление самогона уже начато). Рассматривать действия виновных как одно преступление, совершенное организованной группой, нет оснований: каждый из них действовал обособленно и лишь ввиду пользования одним самогонным аппаратом, находившимся в лесу, преступные действия обвиняемых совпали по месту и времени их совершения.

Для того чтобы органы расследования, прокуратуры и суда не допускали ошибок при разграничении покушения и оконченного преступления в диспозициях статей Особенной части уголовных кодексов союзных республик должны быть даны более четкие указания о том, какими признаками характеризуется объективная сторона соответствующих преступных деяний. К сожалению, в действующем советском уголовном законодательстве составы некоторых преступлений сконструированы неудачно, в результате чего возникают затруднения и неясности при определении стадии совершения преступления. В законе нет четкого указания момента, по достижении которого мошенничество является оконченным преступлением. Поэтому в литературе и на практике нет единооб-

разного понимания этого вопроса, что недопустимо, поскольку разграничение покушения и оконченного преступления при мошенничестве—это вопрос, от решения которого зависит квалификация соответствующей категории преступлений и определение за них меры наказания.

Большинство советских криминалистов считает, что мошенничество должно считаться оконченным преступлением с момента совершения виновным обмана или злоупотребления доверием с целью получения за счет потерпевшего имущества или материальной выгоды независимо от того, достиг ли преступник этой своей цели или не достиг. При этом ссылаются на то, что в ч. 1 ст. 169 УК мошенничество определяется как злоупотребление доверием или обман с целью получения имущественной выгоды. Сравнивая определение мошенничества с конструкцией этого преступления в уголовных кодексах некоторых союзных республик (Украинской, Азербайджанской, Грузинской, Узбекской и Таджикской), где мошенничество определяется как получение с корыстной целью имущества или имущественной выгоды посредством обмана или злоупотребления доверием, делается вывод, что в уголовных кодексах этих республик в отличие от уголовных кодексов других союзных республик момент окончания мошенничества связывается с получением в результате обмана или злоупотребления доверием имущественной выгоды за счет потерпевшего¹.

С таким толкованием законодательства об ответственности за мошенничество нельзя согласиться. По нашему мнению, по всем уголовным кодексам союзных республик мошенничество должно рассматриваться как результатное преступление и признаваться оконченным лишь в случаях причинения действиями виновного общественно опасного последствия—материального ущерба потерпевшему. Такое решение вопроса вытекает из следующих соображений.

---

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 302—303; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, *Курс советского уголовного права*, т. 1, М., 1955, стр. 746—747; Н. В. Лясс, *Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения*, „Ученые записки ЛГУ“ № 202, вып. 8, „Вопросы уголовного права и процесса“, 1956, стр. 55—56.

Между чч. 1 и 2 ст. 169 УК и соответствующих статей Уголовных кодексов БССР (ст. 250), Армянской (ст. 200) и Туркменской (ст. 181) ССР нет внутренней согласованности. Согласно ч. 1 ст. 169 УК мошенничество, имеющее своим объектом личную собственность, должно считаться оконченным независимо от того, удалось ли виновному в результате предпринятого им обмана или злоупотребления доверием незаконно получить имущество или нет. Согласно же ч. 2 ст. 169 УК мошенничество, объектом которого была государственная или общественная собственность, должно считаться оконченным лишь в случае, если оно действительно причинило ущерб государственному учреждению либо предприятию или общественной организации.

Чтобы устранить это противоречие, необходимо признать мошенничество во всех случаях результатным преступлением.

Если тот или иной закон допускает двойное истолкование и каждое из них имеет под собой веские основания, так что приходится решать вопрос о выборе одного из них, следует, как уже указывалось выше, отдать предпочтение тому, которое не ставит в худшее положение лиц, привлекаемых по данному закону к уголовной ответственности. Противоположное толкование может быть дано, по нашему мнению, лишь в порядке легального толкования.

Кроме того, нельзя не учесть и следующее. Не может быть признано обоснованным и правильным создание «усеченного» состава мошенничества, имеющего объектом личную собственность, если одноименное посягательство на социалистическую собственность признано в законе результатным преступлением. Преступление против личной собственности не может преследоваться строже, чем такое же преступление против государственной и общественной собственности. Наконец, признание мошенничества оконченным преступлением уже с момента обмана или злоупотребления доверием независимо от причинения материального ущерба привело бы к тому, что и хищение социалистического имущества, совершенное посредством мошенничества, пришлось бы квалифицировать как оконченное преступление независимо от того, удалось ли преступнику изъять государственное или общественное имущество. А это находилось бы в явном

противоречии с обрисовкой в законе объективной стороны хищения.

Для выяснения позиции судебнно-прокурорских органов по этому вопросу представляет интерес дело Г. По приговору областного суда Г. была осуждена по п. «а» ст. 105, ст. 22 УК БССР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности преступлений к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Верховным судом БССР приговор был оставлен в силе.

Г. была признана виновной в том, что 27 июля 1948 г. она обманным путем получила от работников районного пункта «Заготзерно» шесть ордеров на 2606 кг ржи, сделала на них подписи от имени заведующего складом заготпункта, свидетельствующие о приеме зерна, и на основании этих фиктивных документов пыталась получить квитанции о сдаче зерна ее отцом и другими гражданами в счет государственных поставок.

24 сентября 1952 г. Генеральный Прокурор СССР принес протест на приговор и определение по данному делу. В протесте указывалось, что преступные действия Г. должны быть переклассифицированы на ст. 22 и п. «б» ст. 250 УК БССР (ст. 19 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР). Верховный Суд СССР своим определением от 8 октября 1952 г. протест удовлетворил¹.

Таким образом, Верховный Суд СССР, как и Генеральный Прокурор СССР, исходили из того, что мошенничество является оконченным преступлением с момента причинения в результате обманных действий материального ущерба (в данном случае заготпункту).

Из сказанного выше видно, что большое значение для правильного разграничения покушения и оконченного преступления имеет четкое изложение в диспозициях статей Особенной части уголовного кодекса признаков объективной стороны преступления. Это обстоятельство должно быть учтено при разработке новых уголовных кодексов союзных республик.

¹ См. „Социалистическая законность“ 1953 г. № 1, стр. 89—90.

Рассмотрение возникающих на практике вопросов разграничения покушения и оконченного преступления показывает, что правильное решение этих вопросов возможно лишь на основе общего учения о стадиях преступной деятельности и обязательного учета при этом конструкции составов конкретных преступных деяний, т. е. есть описания признаков оконченного преступления в соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса.

§ 4. Разграничение покушения и сходных с ним оконченных преступных посягательств на другой объект

Для правильного определения стадии преступной деятельности необходимо учитывать, что покушение на выполнение одного преступления по своим внешним чертам может быть сходно с другим оконченным преступлением, и наоборот, возможны случаи, когда оконченное преступное деяние весьма напоминает покушение на иное преступление. Так, могут совпасть по своим внешним признакам покушение на убийство и умышленное телесное повреждение. Однако нанесение телесного повреждения с целью убийства, если смерть не наступила, рассматривается как покушение на убийство, а не как оконченное телесное повреждение.

При разграничении покушения и сходных с ним оконченных преступных деяний необходимо во всех случаях принимать во внимание как объективные признаки деяния, так и направленность умысла виновного на совершение определенного преступления. Осуждение за покушение может быть признано правильным лишь в том случае, если с несомненностью установлен умысел на совершение именно того преступления, в попытке совершить которое данное лицо обвиняется. Невнимание к этому вопросу может породить ошибки в практической работе судебно-прокурорских органов, что повлечет неправильную квалификацию преступления и назначение в связи с этим несообразного деянию наказания.

Подобные ошибки еще имеют место при рассмотрении дел о причинении телесных повреждений из хулиганских и иных побуждений и о покушении на убийство. Это объясняется тем, что разграничение указанных сходных преступных деяний представляет некоторую сложность, так как нередко бывает, что трудно определить

направленность умысла лица, причинившего телесные повреждения.

О содержании умысла субъекта следует судить по объективным обстоятельствам в их совокупности и взаимной связи. К числу этих обстоятельств должны быть отнесены: характер взаимоотношений между виновным и потерпевшим, наличие угроз убийством, предшествовавших совершению преступления, и другие подобные обстоятельства, на основании которых могут быть выяснены мотивы преступления; обстановка в которой были нанесены телесные повреждения; характер примененных средств и орудий преступления и причиненных ими повреждений (в какую часть тела и какие ранения были нанесены, степень их тяжести, с точки зрения возможности причинения в результате их нанесения смерти потерпевшему, количество ранений); наличие неиспользованной преступником возможности беспрепятственно причинения смерти потерпевшему и т. д.

Характер действий преступника нередко уже сам по себе свидетельствует о наличии у него намерения на убийство потерпевшего. Такой вывод, например, был сделан по делу С., привлеченного к уголовной ответственности за покушение на убийство из хулиганских побуждений.

Находясь среди молодежи на танцах, С. на почве хулиганских побуждений, будучи пьяным, нанес перочинным ножом ранения П. якобы за то, что тот избил С. Когда П. не оказывая сопротивления, стал убегать, С. догнал его и нанес ему в область грудной клетки еще несколько ножевых ранений, которые были отнесены судебно-медицинским экспертом к категории тяжких телесных повреждений, проникающих в грудную клетку и опасных для жизни в момент их нанесения.

Действия С. были правильно квалифицированы как покушение на убийство, так как настойчивое преследование потерпевшего со стороны С., нанесение потерпевшему в область груди ножом нескольких опасных для жизни ранений неопровержимо свидетельствовали о наличии у виновного умысла именно на убийство.

В самом характере действий преступника нередко настолько проявляется направленность умысла на причинение смерти потерпевшему, что попытки субъекта доказать отсутствие такого умысла не могут поколебать

уверенности суда в наличии намерения совершить убийство. В этом отношении представляет интерес дело К., признанного судом виновным в покушении на убийство своей жены А.

К. и А., находившиеся в неприязненных отношениях между собой, работали на шпалорезном заводе станции Хойники. Зная о намерении мужа расправиться с ней, А. избегала встречи с ним.

Однажды К., придя в цех шпалорезного завода, увидел на станке топор, принадлежащий одному из рабочих завода. Пользуясь временным отсутствием последнего, К. спрятал топор себе под пальто и направился разыскивать А. с целью ее убийства. Когда заметивший отсутствие топора рабочий подошел к К. и спросил у него, не брал ли он топор, К. ответил: «Обожди!», выхватил топор из-под полы пальто, поднял его над головой и побежал по направлению к А., выходящей в это время из конторы завода. А. пыталась убежать, но К. нагнал ее и нанес топором несколько тяжелых ран в области шеи, левого плеча, предплечья и локтя.

Во время нанесения ударов острием топора А. защищалась и схватила топор, но К. вырвал топор и продолжал наносить удары. Преступление не было доведено до конца, так как подбежавшие рабочие вырвали у К. топор.

Потерпевшей были нанесены серьезные рубленые раны, вызвавшие сильное кровотечение. Благодаря своевременно оказанной медицинской помощи потерпевшая осталась жива.

К. был осужден по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР, так как наличие у него умысла на убийство не вызвало сомнений, хотя сам виновный отрицал намерение причинить смерть. В своей жалобе К. утверждал, что он не собирался убивать А. и просил переквалифицировать его действия на ст. 220 УК БССР.

Однако вышестоящий суд оставил приговор в силе, так как обстоятельства дела не оставляли никаких сомнений, что К. хотел причинить потерпевшей смерть, но не достиг этой цели по не зависящим от него причинам.

В случаях же, когда телесные повреждения причинены потерпевшему посредством таких действий виновного, которые сами по себе не выявляют направленности умысла и допускают разное их истолкование, исключи-

тельно большое значение имеют выяснение взаимоотношений между потерпевшим и преступником, а также учет поведения последнего до и после причинения телесных повреждений. Именно таким путем был установлен умысел на убийство в действиях К-го, осужденного 31 января 1957 г. областным судом по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР за покушение на убийство С.

К-й долгое время добивался от С. согласия вступить с ним в брак. Не добившись этого, он стал угрожать С. убийством, если последняя отвергнет его предложение. Когда и это не подействовало, К-й, имея, видимо, намерение осуществить свою угрозу, купил в магазине столовый нож, но последний был обнаружен и отобран знакомыми. После этого К-й ушел в общежитие, в котором проживала С., схватил лежащий на тумбочке нож и, ничего не говоря, нанес С. удар этим ножом по голове. Когда после этого удара С. упала, К-й нанес ей второе ранение в левую лопаточную область. Нанесение дальнейших ударов было предотвращено вбежавшим в комнату милиционером, который отобрал у К-го нож. Потерпевшая была доставлена каретой скорой помощи в больницу.

В судебном заседании подсудимый признал себя виновным лишь в нанесении С. тяжких телесных повреждений, наличие же умысла на убийство отрицал. Между тем показаниями свидетелей и потерпевшей было установлено, что накануне совершения преступления К-й неоднократно угрожал С. убийством, а после неудавшейся попытки убийства заявил, что он хотел «зарезать» С. так как «она его разлюбила». Будучи доставленным после задержания в дежурную комнату отделения милиции и узнав, что С. осталась жива, К-й выразил сожаление, что ему не удалось ее убить. Эти сопутствующие преступлению обстоятельства в их совокупности и позволили установить намерение виновного причинить смерти потерпевшей.

В практике имеют место еще случаи, когда суды в покушении на убийство усматривают наличие состава телесного повреждения или хулиганства, и в связи с этим лицо, виновное в совершении тяжкого преступления, приговаривается к мягкому наказанию, не соответствующему тяжести содеянного.

Такая ошибка была, например, допущена Верховным судом Казахской ССР по делу Ж., правильно осужден-

ного областным судом по ст. 19 и п. «а» ч 1 ст. 136 УК к семи годам лишения свободы. Неосновательно пере-квалифицировав преступление Ж. на ч. 1 ст. 143 УК, Верховный суд Казахской ССР назначил Ж. по этой статье наказание в виде лишения свободы сроком на один год. Прокурор республики принес протест, в котором ставился вопрос об отмене определения, однако Президиум Верховного суда Казахской ССР отклонил протест. Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение коллеги и постановление Президиума Верховного суда Казахской ССР.

Ж., работая плотником строительного участка зерно совхоза, решил отомстить десятнику К. за то, что тот отказался оформить наряд на произведенные работы с завышением расценок. С этой целью Ж. нанес К. два удара топором по голове и пытался нанести третий удар, но в этот момент был задержан работниками строительного участка. Из имеющихся в деле врачебных документов видно, что в результате полученных телесных повреждений К. находился на излечении в больнице в течение полутора месяцев, а после выписки из больницы продолжительное время не мог работать и получал освобождение от работы по больничному листу. Телесное повреждение было отнесено к числу легких, причинивших расстройство здоровья.

Изменение квалификации преступных действий Ж. было мотивировано Верховным судом Казахской ССР тем, что, если бы Ж. действительно намеревался убить К., то он нанес бы ему удары острием топора, а не обухом, который нельзя признать средством, пригодным для совершения убийства. Этот вывод является принципиально неправильным и не основан на материалах дела, из которых видно, что за день до совершения преступления Ж., имея обиду на К. за занижение расценок на произведенные Ж. работы, явился в контору с топором и стал угрожать К. Угроза не была осуществлена благодаря вмешательству находившихся в конторе граждан, которые вывели Ж. из конторы. После этого Ж. с топором в руках стал ожидать К. в коридоре, о чем последний был предупрежден сотрудницами конторы.

2 июня 1955 г. Ж., будучи в нетрезвом состоянии, опять явился с топором в контору участка и нанес К. два удара обухом топора по голове. Когда при попытке на-

несения третьего удара Ж. был схвачен присутствующими, он требовал отпустить его и дать возможность «зарубить» К.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что умысел Ж. был направлен на убийство К., которое не было им совершено по не зависящим от него причинам. Утверждение Верховного суда Казахской ССР, будто примененное Ж. средство было непригодно для причинения смерти, является принципиально неправильным, так как орудие, при помощи которого Ж. пытался убить К., вполне соответствовало его замыслу.

Согласившись с протестом, Верховный Суд СССР отменял определение Судебной коллегии по уголовным делам и постановление Президиума Верховного суда Казахской ССР и направил дело на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию, но в другом составе¹.

При разграничении телесных повреждений и покушения на убийство органы расследования, прокуратуры и суда нередко допускают ошибки и другого рода. В частности, встречаются случаи, когда хулиганство, сопряженное с причинением телесных повреждений, ошибочно квалифицируется как покушение на убийство, хотя умысел на причинение смерти установлен не был.

Таковую ошибку допустил суд при рассмотрении дела Г., который был неосновательно осужден по ст. 19 и п. «а» ч. 1 ст. 136 УК.

Г. причинил телесные повреждения своей бывшей жене И. и ее подруге П. Суд признал установленным, что телесные повреждения были нанесены с целью убийства. Между тем обстоятельства дела не давали оснований для такого вывода.

Г. после демобилизации из армии фактически разошелся со своей женой И. и стал сожительствовать с Р. На этой почве И. часто устраивала Г. скандалы и угрожала ему убийством. В январе 1953 года она обратилась с жалобой на Г. в общественные организации по месту его работы. После заседания, на котором рассматривалась жалоба, Г. зашел к И., чтобы выяснить и упорядочить с нею взаимоотношения, но она стала его ругать. Рассердившись, Г. ударил И. кулаком по голове, схватил

¹ См. «Социалистическая законность» 1956 г. № 7, стр. 92—93.

ее за горло, а затем, бросив потерпевшую на пол, вышел из комнаты и направился к Р.

И. была в комнате одна, никто не помешал бы Г. совершить убийство, если бы такое намерение у него было. Однако он ограничился только нанесением побоев.

На кухне квартиры Р., встретив П. и считая последней виновницей тех скандалов, которые устраивала ему И., Г. нанес П. перочинным ножом легкие телесные повреждения, не повлекшие расстройства здоровья. И на этот раз Г. не продолжил своих преступных действий, а ушел, считая, что он достаточно отомстил и П.

Учитывая обстановку совершения преступления, характер причиненных повреждений и направленность умысла, Верховный Суд СССР по протесту председателя этого суда переквалифицировал преступление Г. на ч. 2 ст. 143 УК.

В приведенном примере в результате неправильного определения направленности умысла виновного телесное повреждение было ошибочно квалифицировано судом первой инстанции как покушение на убийство, что повлекло за собой необоснованное назначение более сурового наказания.

При разграничении покушения на убийство и телесных повреждений следует иметь в виду случаи, когда умысел виновного имеет неопределенный характер и в одинаковой мере направлен на причинение любого вреда здоровью потерпевшего—смерти, тяжких или легких телесных повреждений. В этих случаях преступление должно квалифицироваться как умышленное причинение того вреда, который фактически наступил. Если, например, при подобной направленности умысла причиняются телесные повреждения, налицо умышленное причинение последних. Усматривать в таких действиях покушение на убийство было бы неправильно, так как преступнику было безразлично, какой именно результат наступит—смерть или телесное повреждение. Он не стремился совершить именно убийство—его желанием охватывалось причинение потерпевшему того или иного вреда. Такой характер может иметь, в частности, субъективная сторона преступлений против личности, совершаемых из хули-

¹ См. Судебная практика Верховного Суда СССР* 1955 г. № 3, стр. 12—14.

ганских побуждений. В этом отношении представляет интерес дело А-ва, осужденного по приговору народного суда от 30 января 1957 г. по п. «б» ст. 107 и п. «а» ст. 219 УК БССР к восьми годам лишения свободы с последующим поражением в правах по пп. «а» и «б» ст. 34 УК на пять лет.

А-в совершил следующие преступные действия. Днем 1 января 1957 г. он, будучи в нетрезвом состоянии, пришел в клуб совхоза и учинил там ряд хулиганских действий. В связи с этим присутствующие предложили А-ву оставить помещение клуба. В ответ на это А-в ворвался в дом Е., схватил там охотничье ружье, прибежал к клубу и произвел несколько выстрелов в находившихся там граждан. В результате этих выстрелов были легко ранены два подростка и причинены тяжкие телесные повреждения А-ко.

Суд правильно учел неопределенный характер умысла А-ва, желавшего причинения любого вреда призвавшим его к порядку гражданам, и квалифицировал его действия как оконченное преступление против здоровья.

Определением областного суда от 13 февраля 1957 г. приговор народного суда был оставлен в силе.

Весьма важно правильно отграничить покушение на убийство от поставления другого лица в опасное для жизни состояние. Так, подкидывание детей, если оно совершается с целью переложения обязанности по уходу за ними на других лиц или на государство (подкладывание новорожденных на пороге детских учреждений, в городских скверах, на вокзалах и т. п.), должно квалифицироваться по ст. 156 УК. В этих случаях мать или другое лицо, оставляя ребенка в таком месте, где он будет подобран другими лицами, не имеет намерения лишить ребенка жизни. Если же такое намерение установлено—налицо покушение на убийство (или оконченное убийство, если в результате этих действий причинена смерть ребенку). Так, имел место случай, когда мать женщины, родившей ребенка от внебрачной связи, с согласия и по договоренности с роженицей положила новорожденного, но обмытого, с неотрезанной пуповиной, в корзину с лохмотьями и отнесла его в глухой лес. Ребенок был найден и доставлен в больницу. Жизнь его была спасена благодаря счастливой случайности. Вскоре удалось уста-

новить виновных. Ясно, что у них было намерение избавиться от ребенка путем причинения ему смерти, а не путем переложения обязанности ухода за ним на государство или других лиц. Данное преступление было квалифицировано по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР (покушение на убийство)¹.

В судебно-прокурорской практике нередко приходится сталкиваться с вопросами разграничения покушения на изнасилование и хулиганства. К сожалению, эти вопросы не всегда правильно разрешаются. Иногда озорные действия в отношении женщины, совершаемые из хулиганских побуждений, по внешним чертам напоминают покушение на изнасилование. С другой стороны, в практике встречаются также случаи, когда лицо, предпринявшее неудачную попытку изнасилования, пытается для избежания наказания за изнасилование представить свои действия в качестве хулиганства, наказуемого гораздо мягче. Поэтому следственные, прокурорские и судебные работники при расследовании и рассмотрении подобных дел должны уделять большое внимание раскрытию действительной направленности умысла виновного; не допускать смешения этих преступлений. Такая ошибка, например, была допущена при квалификации действий К., который был привлечен в качестве обвиняемого и предан суду по ст. 22 УК БССР и ч. 2 Указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» за то, что 12 августа 1956 г., поздно вечером, возле танцевальной площадки начал беспричинно приставать к Еве С., 1940 года рождения, и причинил ей легкие телесные повреждения, в результате чего потерпевшая находилась в течение девяти дней на лечении в больнице.

К. объяснил свое поведение стремлением учинить в отношении С. озорные хулиганские действия, наличие же умысла на изнасилование категорически отрицал, его объяснения подтверждаются характером совершенных преступных действий. Поэтому областной суд рассмотрев данное дело в судебном заседании 22 октября

---

¹ В связи с обстоятельствами военного времени (необходимость эвакуации прокуратуры и других государственных органов в связи с временной оккупацией района немецкими захватчиками) дело производством было прекращено.

1956 г., переквалифицировал действия К. на п. «б» ст. 107 УК БССР и определил ему по этой статье наказание в виде трех лет лишения свободы без поражения в правах.

Таким образом, смещение хулиганства и покушения на изнасилование привело к назначению виновному наказания, явно не соразмерного тяжести совершенного преступления, не говоря уже о неправильной социально-политической оценке действий виновного.

В судебно-прокурорской практике встречаются также случаи неосновательного осуждения за покушение на хищение государственного и общественного имущества при наличии в действиях виновного лишь состава злоупотребления служебным положением. В качестве примера такой ошибочной квалификации можно привести ту оценку, которая была дана судом действиям С. и Ц.

По приговору народного суда С. и Ц. были осуждены по ст. 19 УК и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к восьми годам лишения свободы каждый без поражения в правах, с конфискацией имущества.

Ц. и С. были признаны виновными в том, что, работая в артели «Дерматин-фурнитурное объединение», Ц.—начальником цеха, а С.—закройщиком в том же цехе, они при проведении инвентаризации, в цехе скрыли от учета неоприходованный материал как экономию от раскроя: 61,8 м шорвинилового лака, 6 м подкладки и 196 дм галантерейной кожи. Суд пришел к выводу, что эти материалы были скрыты от учета с целью их хищения.

Определением Московского городского суда приговор был оставлен в силе. Протест Председателя Верховного Суда СССР, полагавшего необходимым дело в отношении С. и Ц. прекратить, был отклонен определением Верховного Суда СССР. В связи с этим Председатель Верховного Суда СССР внес аналогичный протест в Пленум Верховного Суда СССР.

Рассмотрев данный протест, Пленум пришел к выводу о необходимости переквалификации действий Ц. и С. по следующим основаниям.

Указывая на наличие у виновных цели хищения скрытых от учета материалов, народный суд исходил только

из предположений, не нашедших подтверждения в материалах дела. По делу установлено, что осужденные во время инвентаризации пытались сдать скрытые от учета материалы кладовщику. Когда же последний отказался принять материал, они сложили его в комнате отдела технического контроля. Никаких данных о том, что С. и Ц. намеревались присвоить скрытые ими от инвентаризации материалы, по делу не установлено. Наоборот, обстоятельства дела свидетельствуют о том, что виновные имели намерение использовать сэкономленные материалы в своей дальнейшей работе, чтобы таким путем добиться получения премиального вознаграждения.

По указанным соображениям Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу, что в действиях С. и Ц. неправильно усмотрено покушение на хищение общественного имущества. Действия начальника цеха Ц. представляют собой злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК), а действия закройщика С., не являющегося должностным лицом, — соучастие в этом преступлении (ст. ст. 17 и 109 УК). Соответственно переквалифицировав действия Ц. и С., Пленум определил каждому из них наказание в один год и шесть месяцев лишения свободы без поражения в правах и без конфискации имущества и за отбытием наказания освободил их из под стражи (постановление Пленума от 9 февраля 1951 г.)¹. Допущенная судом серьезная ошибка (неправильная квалификация преступления и назначение в связи с этим чрезмерно сурового наказания) была исправлена лишь благодаря вмешательству Пленума Верховного Суда СССР.

Наличие в судебно-прокурорской практике подобного рода ошибок наглядно показывает, насколько важно не только правильно разграничить покушение от оконченного преступления, но и не допускать смешения покушения на одно преступление с другим внешне сходным общественно опасным действием, наказуемым по другой статье Особенной части уголовного кодекса. При решении и того и другого вопроса могут встретиться известные трудности, ибо понятие покушения отличается значительной сложностью. Поэтому нельзя, по нашему

¹ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1951 г. № 4, стр. 4—5.

мнению, согласиться с утверждением Т. В. Церетели, что «эта стадия совершения преступления с непосредственностью свидетельствует о преступном характере действий субъекта, следовательно, легко распознаваема, и не может создать оснований для необоснованных обвинений». Это верно лишь в отношении некоторых, но не всех случаев покушения, подтверждением чему являются приведенные нами выше примеры.

Конечно, покушение легче распознаваемо, чем приготовление, подобно тому, как оконченное преступление несомненно имеет более выраженный преступный характер, чем покушение. Однако ошибки возможны при оценке преступной деятельности на любой стадии ее развития, в том числе и в отношении оконченных преступлений. Теория советского уголовного права должна показать сущность этих ошибок и помочь работникам органов расследования, прокуратуры и суда более правильно решать вопросы отграничения преступной деятельности от непроступной, оконченного преступления от неоконченного, покушения от приготовления.

§ 5. Виды покушения на преступление

Советское уголовное законодательство и теория советского уголовного права различают два вида покушения—неоконченное и оконченное¹.

В советском уголовном законодательстве это деление впервые было проведено в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Руководящие начала такого деления еще не знали. Более того, они, как уже указывалось, определяли покушение таким образом, что к этой стадии преступ-

---

¹ Т. В. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, „Социалистическая законность“ 1954 г., № 12, стр. 12.

² Иногда оконченное покушение называют неудавшимся преступлением или даже неудавшимся покушением (Уголовное право, учебник для юридических школ, М., 1947, стр. 89, 92). Такую терминологию нельзя признать удачной, ибо всякое покушение является неудавшимся для виновного преступлением. О неудавшихся покушениях можно было бы говорить лишь в том случае, если в жизни встречались удавшиеся покушения. А таковых, как известно, не существует.

ления были отнесены лишь случаи оконченного покушения (ст. 18).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, определяя в ст. 13 понятие покушения, различал два его вида:

а) «действие, направленное на совершение преступления, когда совершающий таковое не выполнил всего того, что было необходимо для приведения его намерения в исполнение» (этот вид покушения получил в теории уголовного права название неоконченного покушения);

б) такие действия покушавшегося, «когда, несмотря на выполнение им всего, что он считал необходимым, преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим» (оконченное покушение).

Таким образом, в определении покушения в Уголовном кодексе 1922 года была допущена внутренняя несогласованность. Отличительным признаком неоконченного покушения в этом определении признается невыполнение субъектом всего того, что объективно было необходимо для полного выполнения состава преступления (объективный критерий). Что касается определения оконченного покушения, то здесь во внимание принимается уже не объективный, а субъективный момент—выполнения всего того, что преступник считал необходимым для достижения преступного результата¹.

Уголовный кодекс УССР, восприняв деление покушения на оконченное и неоконченное, устранил имевшееся в Уголовном кодексе 1922 года противоречие и применил для оценки действий, образующих как неоконченное, так и оконченное покушение, единый субъективный критерий. Вопрос о том, совершены ли преступником действия, необходимые для выполнения состава оконченного преступления, в ст. 16 УК УССР решается с точки зрения того, каким было субъективное убеждение покушавшегося: считал ли он свои действия достаточными для осуществления преступного намерения.

Аналогично решен этот вопрос в ст. 18 УК Корейской Народно-Демократической Республики.

¹ Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н. Д. Лурманова о том, что «ст. 13 УК 1922 года дала четкое определение как оконченного, так и неоконченного покушения» („История советского уголовного права 1917—1947 гг.“, М., 1948, стр. 265).

Субъективного критерия при разграничении видов покушения (неоконченного и оконченного) придерживаются и некоторые теоретики советского уголовного права¹.

Однако на практике субъективный критерий, если его не сочетать с учетом объективных данных, довольно часто оказывается неприемлемым. Весьма трудно, а порой и невозможно, доказать, что преступник считал свои действия достаточными для причинения общественно опасного результата; к тому же виновный, как правило, сам отрицает это.

Между неоконченным и оконченным покушением имеются, и это главное, существенные различия по их объективным признакам, по степени выполнения объективной стороны состава преступления.

В оконченном покушении отсутствует только один элемент состава преступления — общественно опасный результат, указанный в диспозиции соответствующей статьи Особенной части уголовного кодекса. Субъектом уже совершено действие, достаточное для причинения результата, но последний не наступает лишь потому, что этому помешали не зависящие от виновного обстоятельства. При неоконченном же покушении не только отсутствует преступный результат, но и само действие, могущее его причинить, еще не окончено совершением. Общим, родовым признаком обоих видов покушения является непосредственная направленность действия на совершение преступления так, что оно могло бы, при отсутствии препятствующих обстоятельств, образовать состав оконченного преступления. Отличие состоит в том, что при оконченном покушении такое действие совершается полностью, а при неоконченном лишь частично.

Иными словами, при неоконченном покушении преступный результат, к которому стремился виновный, не только не наступает, но и вообще не может наступить, так как виновным не окончено совершение

¹ См., например, В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 137—138; Б. С. Утевский, Уголовное право, изд. 2-е, М., 1950, стр. 61; В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 90—91; Юридический словарь, М., 1953, стр. 652.

действия, необходимого для причинения этого результата¹. При оконченном же покушении наступление преступного результата хотя и не имело места, но он мог наступить в результате совершенных с этой целью действий, если бы этому не помешали не зависящие от виновного обстоятельства

Сказанное можно пояснить на следующих примерах.

Преступники ночью пробрались к магазину, погасили фонарь, подкатили к тамбуру магазина бревно, встали на него и начали отрывать рейки от крыши тамбура, имея намерение проникнуть в магазин и совершить хищение находящихся там товаров. В это время злоумышленников заметил сторож, охранявший магазин, и из имевшегося у него ружья произвел выстрел в направлении тамбура. В результате был легко ранен один из покушавшихся. После выстрела преступники скрылись, но впоследствии были задержаны в скирде соломы в поле колхоза². В данном случае виновные еще не совершили всех действий, необходимых для причинения преступного результата, хотя попытка причинить последний ими уже была предпринята. Результат не только не наступил, но еще и не мог наступить. Именно поэтому данное покушение являлось неоконченным.

Иной характер имели действия П., которая вечером обманным путем зavela свою мачеху Г. к берегу канала и с целью убийства толкнула ее в воду. Подоспевшими на крик гражданами Г. была спасена³.

¹ Признание отличительной особенностью неоконченного покушения того обстоятельства, что „преступный результат не только не наступает, но и не может наступить“, критикуется как неправильное Н. Д. Дурмановым (см. его, Стадий совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 150). Однако, в другом месте той же работы (стр. 145) Н. Д. Дурманов сам пишет буквально следующее: „При оконченном покушении все действия для достижения результата были выполнены, и, следовательно, в большинстве случаев результат мог наступить. В случае неоконченного покушения результат вообще не мог наступить, так как еще не все действия были совершены“. Непонятно, зачем понадобилось опровергать эти бесспорные, им самим признаваемые положения?

² См. „Следственная практика“, вып. 20, М., 1955, стр. 143.

³ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1951 г. № 4, стр. 19.

Преступница сделала все необходимое для наступления преступного результата. Совершенное ею действие могло причинить смерть потерпевшей. Однако этот преступный результат не наступил благодаря своевременному вмешательству граждан, случайно оказавшихся на месте преступления и услыжавших крики утопающей. Поэтому действия П. должны рассматриваться как оконченное покушение.

Говоря о том, что неоконченное и оконченное покушения представляют собой соответственно начало совершения или полное совершение такого действия, которое могло бы вызвать наступление преступного результата, мы имеем в виду предполагаемую причинную связь, возможность развития которой могла бы превратиться в действительность, если бы совершению оконченного преступления не воспрепятствовали не зависящие от виновного обстоятельства. О подобного рода случаях, когда действие не вызывает наступления того результата, ради достижения которого оно совершено, Ф. Энгельс в своей работе «Диалектика природы» писал: «Если мы вложим в ружье капсюль, заряд и пулю и затем выстрелим, то мы рассчитываем на заранее известный по опыту эффект, так как мы в состоянии проследить во всех деталях весь процесс воспламенения, сгорания, взрыва, вызванного внезапным превращением в газ, давление газа на пулю»¹. Однако, указывал Ф. Энгельс, «...иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсюль или порох отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т. д. Но именно это доказывает причинность, а не опровергает ее, ибо для каждого подобного отклонения от правила мы можем, произведя соответствующее исследование, найти его причину: химическое разложение капсюльного ударного состава, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д., так что здесь производится, так сказать, двойная проверка причинности»².

Приведенные указания Ф. Энгельса имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу. Постановка вопроса о возможном развитии

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1955, стр. 182—183. Там же, стр. 183.

причинной связи при покушении необходима. Только таким путем, как мы видели, можно установить действительное, наиболее существенное отличие оконченного покушения от неоконченного. Возражения Н. Д. Дурманова против такого подхода к решению этого вопроса нельзя признать убедительными и методологически правильными. Они сводятся к тому, что при покушении вообще, «поскольку результат не наступил, не может быть верного критерия для определения того, были ли эти действия необходимы или не были необходимы для совершения данного преступления»¹. Такой верный критерий имеется; о нем говорится в приведенных выше высказываниях Ф. Энгельса. Поэтому не имеют под собой почвы опасения Н. Д. Дурманова, что «принятие объективного критерия для разграничения оконченного и неоконченного покушения повело бы к бесконечным схоластическим спорам по вопросу о том, были ли или не были необходимы для совершения преступления действия, фактически осуществленные виновным»².

Решительно высказавшись против применения объективного критерия, Н. Д. Дурманов все же вынужден косвенно признать значение этого критерия, заявляя, что «выделение оконченного покушения базируется на наличии существенных объективных моментов в процессе исполнения преступления, характерных только для этого вида покушения»³.

Необходимость учета как субъективных, так и объективных признаков покушения при разграничении его видов вытекает из того, что эти признаки могут быть разъединены лишь мысленно, для удобства теоретического анализа, в действительности же они представляют одно целое. Не случайно Н. Д. Дурманов считал необходимым подчеркнуть, что «объективный и субъективный моменты действия неразделимы» и что поэтому «противопоставление этих признаков при определении покушения недопустимо»⁴.

---

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 146.

² Там же.

³ Там же, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 111.

Н. Д. Дурманов не прав и в другом отношении. По справедливому замечанию Н. Ф. Кузнецовой, его точка зрения привела бы к ряду других принципиально ошибочных выводов. «Если мы примем,—пишет Н. Ф. Кузнецова,—субъективный критерий в одном случае оценки объективной стороны покушения, то мы должны будем, чтобы быть последовательными, исходить из субъективного критерия и при отграничении покушения от приготовления, а равно при отграничении покушения от оконченного преступления. А это недопустимо. Реакционную сущность субъективного критерия Н. Дурманов хорошо показал, проанализировав буржуазное уголовное право»¹.

Разграничение оконченного и неоконченного покушения возможно лишь при совершении результатных преступлений. Покушение на факультативно-результатное преступление может выразиться лишь в неполном выполнении самого действия, необходимого для приведения преступного намерения в исполнение.

Оконченное покушение при прочих равных условиях является, как правило, более опасным, чем неоконченное. Повышенная опасность самого действия при оконченном покушении заключается в том, что оно могло повлечь за собой наступление преступного последствия уже в результате совершенных действий, если бы этому не помешали обстоятельства, не зависящие от преступника. Кроме того, оконченное покушение во многих случаях сопровождается причинением других, не включенных в объективную сторону данного преступления вредных последствий, которые нередко могут быть весьма тяжелыми. Так, при покушении на убийство, выразившемся в нанесении огнестрельных или ножевых ранений, введении в организм потерпевшего яда и т. п. действиях, могут быть причинены тяжкие телесные повреждения, длительное расстройство здоровья или иной ущерб функционированию организма потерпевшего. Повышенная общественная опасность самого субъекта, совершившего оконченное покушение, состоит в том, что он, не останавливаясь ни

¹ Н. Кузнецова, Рецензия на книгу Н. Д. Дурманова „Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву“, „Социалистическая законность“ 1956 г. № 11, стр. 88.

перед какими препятствиями, настойчиво пытался выполнить состав оконченного преступления.

При неоконченном покушении не исключена возможность, что виновный добровольно откажется от совершения дальнейших преступных действий, необходимых для достижения преступного результата.

Разная степень общественной опасности неоконченного и оконченного покушения учитывается при решении вопроса о возможности добровольного отказа от совершения преступления, а также при определении меры наказания за покушение. Поэтому нельзя согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, которая считает, что деление покушения на неоконченное и оконченное «не имеет существенного практического значения»¹. Приведенная ею в обоснование этой точки зрения аргументация является неубедительной и местами противоречивой. Субъект действительно «оказывается в конце или начале исполнения»² не по своей воле, а по не зависящим от него причинам. Но на этом основании, будучи последовательной, Н. Ф. Кузнецова должна была прийти к выводу о несобходимости упразднения также деления преступления на оконченное и неоконченное. Известно ведь, что достижение или недостижение стадии оконченного преступления также не зависит от воли преступника, которая в обоих случаях направлена на доведение задуманного деяния до конца. Далее Н. Ф. Кузнецова указывает, что «действия исполнения практически весьма кратковременны, так что разорвать исполнение где-то посередине часто не представляется возможным»³. Но такие затруднения возникают лишь в отношении тех преступлений, покушение на которые или совсем невозможно, или возможно в каком-либо одном виде и поэтому не может быть подразделено на неоконченное и оконченное. Если «действие исполнения» не делится на звенья, то вообще исключается возможность покушения в целом (при факультативно-результатных преступлениях)

¹ Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 117.

² Приготовление, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, исполнением преступления не является (см. указанную статью, стр. 118—119).

³ Н. Ф. Кузнецова, указанная статья, стр. 119.

или неоконченного покушения (при результатных преступлениях); при всяком факультативно-результатном преступлении немыслимо оконченное покушение, так как полное совершение самого преступного действия независимо от наступления или ненаступления последствия уже образует окончанный состав такого рода преступлений; еще большие трудности возникают при разграничении приготовления и покушения, однако Н. Ф. Кузнецова не требует на этом основании упразднения деления неоконченного преступления на эти две стадии.

Вызывает возражения и то утверждение Н. Ф. Кузнецовой, что «действия исполнения во всех своих частях одинаково относятся к преступному результату и составу преступления»¹. Как мы уже указывали, действия, образующие оконченное покушение, хотя и не причиняют результат, но могут его причинить и тем самым выполнить состав оконченного преступления уже благодаря совершенным действиям, если бы этому не помешали обстоятельства, не зависящие от виновного. При неоконченном же покушении причинение преступного результата и выполнение состава оконченного преступления без совершения последующих действий (или части действия) вообще невозможно.

Н. Ф. Кузнецова неправильно считает, что «ни республиканские уголовные кодексы, ни Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик не знают понятий оконченного и неоконченного покушений»². Действительно термины оконченное и неоконченное покушение в советском уголовном законодательстве не употребляются, однако Уголовный кодекс УССР в ст. 16 вполне определенно различает два вида покушения, которые и получили в теории уголовного права указанные названия. Кроме того, закон требует учитывать при определении наказания

¹ Н. Ф. Кузнецова, указанная статья, стр. 119.

² Н. Ф. Кузнецова, рецензия на книгу Н. Д. Дугманова «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», «Социалистическая законность» 1956 г. № 11, стр. 88. Такое же утверждение содержится в рецензии Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, Б. М. Леонтьева и В. С. Орлова на вузовский учебник Общей части советского уголовного права («Вестник Московского университета», вып. 1, 1954, № 1, стр. 143).

за неоконченное преступление в числе других обстоятельств степень близости наступления преступного результата. Конкретизируя это указание закона, теория уголовного права и различает по степени выполнения преступником действий, образующих определенный состав преступления, два вида покушения. К тому же следует отметить, что в ст. 11 Основных начал не упоминаются и такие понятия, как покушение и приготовление, однако на этом основании нельзя отказываться от их разграничения, нельзя считать, что ст. 11 исключает возможность такого разграничения.

Характерно, что Н. Ф. Кузнецова, вопреки сделанному ею выводу, что деление покушения на неоконченное и оконченное «не имеет существенного практического значения», сама страницей ниже пользуется этим делением: «покушение,—пишет она,—это начавшееся или (в оконченном покушении) уже завершающееся исполнение состава преступления».

В своей статье о добровольном отказе Н. Ф. Кузнецова также пользуется понятиями неоконченного и оконченного покушения, порой называя их соответственно «стадией начала исполнения» и «стадией окончания самих действий исполнения»². Отсюда можно сделать вывод, что нет необходимости отказываться от деления покушения на неоконченное и оконченное, так как их разграничение имеет немалое теоретическое и практическое значение.

Подводя итог обсуждению вопроса о делении покушения на неоконченное и оконченное, можно дать определение этих видов покушения.

Под неоконченным покушением, по нашему мнению, следует понимать неполное выполнение покушавшимся по причинам, от него не зависящим, действия, могущего выполнить состав оконченного преступления и предпринятого с этой целью.

Оконченное покушение может быть определено как

¹ Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, „Советское государство и право“ 1955 г. № 5, стр. 118.

² Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, „Вестник Московского университета“, вып. 1, 1955, № 1, стр. 96, 98, 99, 100, 102, 103.

выполнение покушавшимся такого действия, которое имело непосредственной целью причинение преступного результата и могло само по себе вызвать его наступление, если бы этому не помешали обстоятельства, от преступника не зависящие. Д

В науке уголовного права Германской Демократической Республики проводится также неизвестное теории советского права деление покушения на не квалифицированное и квалифицированное. Под последним понимается покушение, содержащее одновременно признаки другого оконченного преступления.

Такое деление, применимое и в отношении приготовительных действий, заслуживает внимания. Действительно встречаются (и довольно часто) такие неоконченные преступные деяния, которые с объективной стороны выражаются в действиях, образующих другое самостоятельное преступление. Таковы покушение на хищение государственного и общественного имущества путем подлога документов, незаконное приобретение и использование огнестрельного оружия с целью причинения кому-либо смерти и т. д.

Наличие подобных неоконченных преступлений (мы бы назвали их сложными в отличие от остальных простых) должно учитываться при квалификации покушения и при решении вопроса о правовых последствиях добровольного отказа от продолжения начатого преступления.

Сложное покушение должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений и в тех случаях, когда по достижении виновным стадии оконченного преступления совокупность имеется налицо. Например, покушение на хищение социалистического имущества путем должностного подлога влечет ответственность по ст. 19 УК и соответствующей статье Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ч. 1 ст. 120 УК. Напротив, причинение телесных повреждений при покушении на умышленное убийство, повреждение имущества при неудавшейся попытке совершения кражи со взломом не должно отражаться в квалификации, как не делается это и в случаях вы-

полнения виновными состава оконченного убийства или доведенной до конца кражи¹.

Квалификация сложных покушений в надлежащих случаях по правилам о совокупности преступлений имеет большое значение для правильной юридической оценки содеянного и определения наказания виновному в соответствии со степенью его общественной опасности и тяжестью совершенного преступления. Несоблюдение этого может повлечь за собой серьезные судебные ошибки.

Такую ошибку допустили, по нашему мнению, органы расследования и суд по делу Т. и Д.

Т. и Д. после освобождения из мест заключения, где они отбывали наказание за ранее совершенные преступления, по договоренности между собой стали на путь совершения новых преступлений.

21 сентября 1956 г с целью ограбления они познакомились с И., у которого во время совместного пребывания в столовой заметили находившуюся в кармане пачку денег. Заведя И. обманным путем в уединенное место, Т. и Д. предложили ему отдать деньги. Последний стал просить грабителей не отнимать денег и отпустить его. В ответ на это Т. схватил И. за шею и начал его душить, кусать зубами, ругаться, спрашивая при этом, не охранял ли потерпевший заключенных в местах лишения свободы. В это время Д., также избивавший И., оторвал у него карман гимнастерки и забрал находившиеся там 300 руб. денег.

Несмотря на просьбы И. прекратить избиение, разбойники продолжали наносить ему руками и ногами удары по голове, угрожая при этом убийством. Когда И. потерял сознание, Т. и Д. взяли его за руки

---

¹ Сказанное распространяется и на случаи, когда при покушении на убийство в результате так называемого отклонения действия причиняются телесные повреждения другому лицу. В этих случаях имеется одно преступление—покушение на убийство способом, опасным для жизни многих людей (ст. 19 и п. „в“ ст. 126 УК). Поэтому нельзя согласиться с теми криминалистами, которые предлагают квалифицировать рассматриваемые случаи как покушение на убийство и неосторожное нанесение телесных повреждений лицу, пострадавшему в результате отклонения действия (подобное предложение содержится, например, в Юридическом словаре—1956, т. 2, стр. 91).

и ноги и перебросили через забор. Через некоторое время И. пришел в сознание и попытался подняться. Заметив это, грабители перелезли через забор, взяли потерпевшего за руки и ноги и стали ударять его головой о забор, до тех пор, пока И. опять не потерял сознание.

Оставив И. лежащим на земле, Т. и Д. ушли на квартиру Т., купили на похищенные у И. деньги спиртные напитки и стали пьянствовать.

Спустя некоторое время потерпевший пришел в сознание и с трудом дошел до квартиры одного из жителей городского поселка. При содействии этого гражданина И. был направлен в районную больницу, где ему была оказана необходимая медицинская помощь.

По приговору суда от 7 декабря 1956 г. Т. и Д. были осуждены только по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Между тем характер действий осужденных не оставляет никаких сомнений, что они, боясь разоблачения совершенного ими ограбления, имели намерение убить потерпевшего. Они прекратили избиение лишь после того, как И. вторично потерял сознание и в их присутствии больше не поднимался.

Поэтому действия Т. и Д. следовало квалифицировать также и по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР (покушение на убийство). Органы расследования и суд не обратили внимания на то, что разбойное нападение на И. выразилось в таких действиях, которые одновременно содержат в себе признаки покушения на совершение другого более тяжкого преступления—умышленного убийства.

Неправильно было бы также усматривать в действиях Т. и Д. лишь покушение на убийство, не отражая в квалификации то обстоятельство, что виновные совершили это покушение в процессе разбойного нападения.

Многие советские криминалисты наряду с рассмотренным выше делением покушения на оконченное и неоконченное проводят также деление покушения на годное и негодное. Последнее, в свою очередь, подразделяется на покушение на годный объект (или предмет посяга-

тельства) и Покушение с негодными средствами¹. Такое деление, на наш взгляд, вызывает ряд серьезных возражений и представляется теоретически и практически неоправданным.

Конструкция покушения на негодный объект основана на неправильном понимании объекта преступления. Покушение подобного рода усматривают в действиях покушавшегося, направленных на такой объект, который является непригодным для совершения над ним преступления или отсутствует в момент покушения. В качестве примеров приводят выстрел в чучело, ошибочно принятое за сторожа, или в пустую постель, где, по мнению преступника, должен был находиться потерпевший, покушение на убийство умершего, по ошибке принятого за живого человека, попытку украсть из кармана, который был пуст, и т. д. При этом допускаются следующие ошибки: а) смешивают объект преступления с предметом посягательства, ибо объектами преступления по советскому уголовному праву признаются не вещи, предметы, а социалистические общественные отношения, участники этих отношений, их права и охраняемые законом интересы; б) не учитывают того, что при определении объекта преступления нельзя абстрагироваться от направленности умысла субъекта, так как в противном случае объектом может быть признано не то, что в действительности им является (подобно тому, как при покушении на убийство объектом является не здоровье, которому фактически причинен ущерб, а жизнь человека, так и в случае выстрела в труп объектом должна быть признана жизнь только что умершего человека: именно на нее, а не на мертвое тело покушался преступник); в) не замечают того, что покушение на отсутствующий объект ничем по сути дела не отличается от промаха при выстреле и других подобных случаев покушения, признаваемого годным; г) в качестве примеров приводят явно надуманные, нежизненные «учебные» примеры, а не случаи из судебной практики; д) не учитывают того, что если бы даже действительно существовали «негодные объекты», пося-

¹ Такое деление проводится, в частности, в учебниках по советскому уголовному праву и в Юридическом словаре.

гательства на них следовало бы признать ненаказуемыми ввиду их неуязвимости для преступлений. 7/

Указывая на несостоятельность понятия «покушение на негодный объект», В. Ф. Кириченко правильно обращает внимание на то, что «негодным является не объект, а предмет посягательства, вследствие чего оно не может причинить действительного ущерба общественным отношениям. Негодность предмета не может, конечно, вызвать негодность объекта, каковыми являются общественные отношения»¹. Однако вряд ли можно говорить и о покушении на негодный предмет посягательства (такое уточнение рассматриваемого вида негодного покушения проводит Н. В. Лясс)². Нельзя забывать, что преступник покушается не на вещи, предметы, а на социалистические общественные отношения, не предметам, а этим отношениям он стремится причинить ущерб. К тому же объект и предмет посягательства можно различать лишь в отношении части преступных деяний (имущественные преступления, спекуляция, контрабанда и некоторые другие). При посягательствах же на жизнь и при совершении ряда других преступлений о предмете преступления говорить не приходится. Н. Д. Дурманов, например, правильно указывает, что при посягательстве на жизнь человека нельзя рассматривать как предмет посягательства³. Ничем не оправданной была бы попытка установить предмет посягательства и при других преступлениях против личности (телесные повреждения, преступный аборт, изнасилование, незаконное лишение свободы, оскорбление, клевета и т. д.).

Н. Д. Дурманов предложил пользоваться вместо понятия покушения на негодный объект понятием покушения на нереальный объект⁴. Однако такая замена терминов не делает критикуемый нами взгляд более убедительным. Если объекты преступлений не могут

¹ В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 47.

² См. Н. В. Лясс, Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения, „Ученые записки ЛГУ“, 1956, „Вопросы уголовного права и процесса“, вып. 8, № 202, стр. 55.

³ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 153.

⁴ См. там же, стр. 153—157.

быть негодными, то тем более они не могут быть не-реальными. Это признает по сути дела и Н. Д. Дурманов. Он пишет: «Под покушением на нереальный объект понимаются такие случаи, когда по умыслу виновного его посягательство направлено на реальный непосредственный объект (каковы правильная работа учреждения, жизнь, здоровье людей, социалистическая собственность, личная собственность граждан и т. д.), но совершаемые виновным в объективном мире действия фактически не посягают на эти объекты и не могут причинить им ущерб». В качестве примеров покушения на нереальный объект Н. Д. Дурманов приводит выстрел в труп, принятый за живого человека, дачу взятки мнимому должностному лицу, а также дачу взятки мнимому посреднику, а в действительности лицу, присваивающему сумму взятки¹. Из этих разъяснений Н. Д. Дурманова видно, что объекты, на которые направлено посягательство в подобных случаях, существуют в действительности или во всяком случае существовали непосредственно перед его совершением, то есть являются реальными, но по не зависящим от виновного причинам не терпят ущерба.

Покушение с негодными средствами сторонники этого понятия усматривают в случаях, когда преступник применяет средства, не способные вызвать преступный результат, ошибочно считая их годными для этой цели. В этих случаях обычно приводятся следующие примеры: попытка отравить человека сахаром или безвредным порошком, ошибочно принятыми за яд, выстрел с целью убийства из ружья, имевшего холостой заряд или вовсе не заряженного, и т. д. Большинство этих примеров является надуманными и нереальными. Трудно представить себе случай, чтобы вмняемый, достигший определенного возраста человек (а уголовную ответственность могут нести только такие лица) спутал сахар с ядом и пытался бы отравить намеченную жертву, угощая ее стаканом чая. Только недоумение у работников суда и прокуратуры могут вызвать такие примеры покушения с негодными средствами, как выстрел в жертву из пугача², молитва о смерти.

¹ См. Н. Д. Дурманов, указанная работа, стр. 153, 154

² См. „Краткий юридический словарь“, М., 1945, стр. 325.

проклятие или заклинание} Не могут принести пользы для практики и рассуждения Н. Д. Дурманова о ненаказуемости «так называемого покушения с негодными средствами, избранными по крайнему невежеству, не связанному с суеверием», и «так называемого покушения с суеверными средствами». В качестве «яркого примера» первого вида «покушения» приводится «попытка отравления сушеным мясом гадюки», а в качестве примеров покушения с суеверными средствами названы «заклинание, магические действия над портретом, изображениями, частями одежды человека и т. п.»². Вопросы наказуемости такого рода действий в качестве покушения в советской судебной практике не возникают, и нет никакой надобности в их теоретическом рассмотрении.

То же следует сказать и о рассуждениях В. Ф. Кириченко о негодном покушении. По-видимому, он и сам чувствует абстрактный характер этих рассуждений, когда пишет, что случаи покушения с негодными средствами, избранными вследствие крайнего невежества и суеверия (молитвы и заклинания о смерти и т. д.), «приобрели исключительно теоретическое значение и не встречаются в нашей жизни»³. Сама постановка вопроса в таком плане ведет к отрыву теории от практики судебно-прокурорских органов. Разве может представлять теоретический интерес то, что практически не имеет и не может иметь никакого значения? Думается, что теоретические рассуждения, совершенно бесполезные для практики, не только излишни, но и недопустимы, особенно в области уголовного права.

От негодности средств покушения некоторые советские криминалисты отличают недостаточность этих средств и в первом случае усматривают негодное покушение, а во втором—годное. В качестве примера подобного «годного» покушения указывают на осечку

---

¹ См. М. Д. Шаргородский, *Правовая связь в уголовном праве*, Ученые труды ВЮОН*, вып. X, М., 1947, стр. 198; В. Ф. Кириченко, *Значение ошибки по советскому уголовному праву*, М., 1952, стр. 53.

² Н. Д. Дурманов, *Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву*, М., 1955, стр. 160—161.

³ В. Ф. Кириченко, *Значение ошибки по советскому уголовному праву*, М., 1952, стр. 55.

при выстреле¹. Но, спрашивается, какую практическую разницу можно усмотреть между попыткой выстрела из незаряженного ружья («негодное покушение») и из ружья, хотя и заряженного, но негодного для производства выстрела патроном («годное покушение»? Никакой разницы между этими случаями покушения нет.

В. Ф. Кириченко делит негодные средства на два вида:

а) средства, негодные в силу объективных особенностей конкретного случая, но в других случаях вполне годные для причинения результата (пример: огнестрельное оружие не может поразить цель на большом расстоянии, когда пуля теряет свою убийную силу, но вполне годно для причинения результата на близком расстоянии);

б) средства, негодные в силу объективной неспособности их при любых условиях причинить преступный результат (в качестве примера приводится поваренная соль, применяемая в качестве средства для отравления, молитва и заклинание как средство причинения смерти).

По мнению В. Ф. Кириченко, лишь средства второго вида являются негодными в собственном смысле слова. «В широком смысле слова,—пишет он,—можно утверждать, что в большинстве случаев ненаступление результата, после того, как субъект сделал все, по его мнению, необходимое для его наступления, вызывается негодностью избранных средств»².

Всякое средство, применяя которое преступник не причинил результат, одинаково является негодным для данного конкретного случая. Но оно было бы годным, если бы преступник не допустил ошибки при выборе средств или в способе их применения, то есть если бы средство преступления было таким, каким его себе представляло лицо, применившее это средство.

Провести грань между годными и негодными средствами преступления практически невозможно. Одно и то же средство может быть в одних случаях негодным.

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая. М., 1948, стр. 354.

² В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 53.

а в других—годным. Так, одна и та же доля яда может одному причинить смерть, а другому—лишь легкое расстройство здоровья. И вообще, как отличить средство годное от негодного, если и то и другое оказалось непригодным для причинения результата?

Деление покушения на годное и негодное неизвестно ни советскому уголовному законодательству, ни советской судебной практике. Советские суды обходились и обходятся без подобного деления. Не случайно сторонники деления покушения на годное и негодное оперируют надуманными, нежизненными примерами и не могут привести ни одного случая из судебной практики, когда бы советский суд проводил это деление и пользовался терминами «негодное покушение», «покушение на негодный объект» или «покушение с негодными средствами».

Советские суды в состоянии учесть и учитывают характер причин недоведения преступления до конца и соответственно индивидуализируют наказание и без определения «годности» или «негодности» покушения.

Деление покушения на годное и негодное, как правило, неизвестно и уголовным кодексам зарубежных социалистических стран.

Своеобразно отнеслись к этому делению составители Уголовных кодексов Румынской и Венгерской Народных Республик.

Покушение в Уголовном кодексе Румынской Народной Республики определяется как «решимость совершить преступление или проступок, выраженная в действиях, направленных к совершению преступления или проступка, если эти действия были прерваны или не привели к наступлению результата». Наряду с этим общим определением покушения, данным в ст. 96, в ч. 1 ст. 99 УК Румынии особо указывается, что «покушением считается и тот случай, когда исполнение преступного деяния стало невозможным из-за порчи или недостаточности примененных средств или из-за непредусмотрительности правонарушителя относительно времени и места, где должно было быть совершено деяние». За такое покушение устанавливается более мягкая мера наказания, чем за обычное покушение. В последней части ст. 99 говорится, что не считаются покушением случаи,

«когда невозможность совершить деяние произошла благодаря способу осуществления деяния». По-видимому, в ч. 1 ст. 99 УК Румынии имеются в виду так называемые покушения с относительно негодными средствами и на отсутствующий объект, а в ч. 2 — покушения с абсолютно негодными средствами.

В параграфе 18 УК Венгерской Народной Республики устанавливается, что «в случае покушения на совершение преступления наказание может быть неограниченно смягчено . . . и даже признание виновности и назначение наказания могут не применяться в отношении такого исполнителя преступления . . . , который пытался совершить посягательство на негодный объект или негодными и вместе с тем не представляющими опасности средствами . . . ». При этом негодность покушения приравнена в смысле ее влияния на наказуемость деяния к добровольному отказу и деятельному раскаянию, в результате которого предотвращено наступление вредных последствий преступного деяния.

§ 6. Наказуемость покушения на преступление

Впервые наказуемость покушения в качестве стадии совершения преступления по отношению ко всем преступным деяниям, при выполнении которых эта стадия возможна, была установлена в Руководящих началах. Отказавшись от обязательного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность, Руководящие начала устанавливали, что стадия совершения преступления «сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника» (ст. 20). Устанавливая такой принцип, уголовное законодательство указанного периода отнюдь не запрещало судам учитывать при назначении наказания в числе других обстоятельств также и степень осуществления преступного намерения. Подтверждением этого является последующее создание «усеченных» составов отдельных преступлений, направленное на усиление борьбы с этими преступными деяниями путем признания покушения на них оконченным преступлением и недопущения, таким образом, смягчения наказания по мотивам неполного осуществления преступ-

ного намерения. Так, декрет СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством»¹ признал оконченным преступлением не только получение взятки должностным лицом, но и попытку ее получить. Этим законодатель, безусловно, хотел усилить наказуемость покушения на получение взятки, иначе не было никакого смысла вносить подобное изменение в состав получения взятки (по Декрету о взяточничестве от 8 мая 1918 г. попытка получения взятки рассматривалась как покушение).

✓ Принцип факультативного смягчения наказания за покушение получил свое дальнейшее развитие в первом советском Уголовном кодексе 1922 года. В ст. 14 этого кодекса тоже указывалось, что покушение карается так же, как и совершенное преступление. Вместе с тем, в отличие от предыдущих законодательных актов, специально оговаривалось право суда учитывать при определении наказания отсутствие или незначительность вредных последствий покушения.

«Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 года и действующие уголовные кодексы союзных республик предлагают учитывать при избрании меры наказания за неоконченное преступление ряд обстоятельств, связанных с недоведением преступления до конца, но также не обязывают суд снижать наказание за покушение.

Этот же принцип установлен и в уголовном законодательстве зарубежных социалистических стран. Так, в п. 2 § 5 УК Чехословацкой Республики указывается, что «покушение наказуемо как само преступное деяние, однако при определении наказания учитываются обстоятельства и причины, в силу которых последствия, предусмотренные законом, не наступили, а также близость наступления последствий». Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, устанавливая, что «покушение подлежит наказанию, предусмотренному за совершенное преступление» (ст. 16), вместе с тем (ст. 37) оговаривает право суда смягчать наказание за покушение. Характерно, что по этому кодексу суд не обязан смягчать даже наказание смертной казнью («...суд может...

---

¹ СУ РСФСР 1921 г. № 60 ст. 425.

наказание смертной казнью заменить лишением свободы на срок не ниже чем 15 лет»¹.

Такого же мнения по вопросу о применении смертной казни за покушение придерживается в соответствии с законом и советская судебная практика. В своем постановлении от 21 мая 1957 г. по делу С. Президиум Верховного суда РСФСР пришел к выводу, что за покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах может быть назначено в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» высшая мера наказания—расстрел.

По данному делу на основании названного Указа к такой мере наказания был приговорен областным судом С., совершивший следующие преступные действия.

3 сентября 1956 г. в лесу, угрожая ножом, С. изнасиловал шедшую с ним А. После этого при помощи той же угрозы он отобрал у А. 732 руб. денег, полученных ею, как многодетной матерью, в районном отделе социального обеспечения, продукты, фуфайку и 5 м полотна. С целью сокрытия этих преступлений С. решил убить А. Он связал потерпевшей руки, завязал глаза, воткнул в рот палку с тряпкой, обнажил А., разрезал ей живот, ударил ножом в грудь и, полагая, что она мертва, скрылся.

А. была обнаружена в лесу посторонними лицами, при их помощи была доставлена в больницу, и благодаря оказанию срочной медицинской помощи жизнь ее была спасена.

---

¹ Н. Ф. Кузнецова, указывает, что „покушение во всех УК народно-демократических республик, исключая УК Румынии, наказуется наравне с оконченным преступлением“ (Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1953, стр. 11). Сделанная здесь сговорка в отношении Румынии нуждается в уточнении. В статьях 97, 98 и 99 УК Румынской Народной Республики установлено обязательное строго регламентированное в этих статьях снижение наказания за покушение. Однако в ряде статей Особой части (193, 202, 209, 236, 401) имелись специальные указания о том, что покушение на перечисленные в этих статьях преступления (их довольно много) „карается так же, как и оконченное преступление“.

Приговор областного суда от 24 ноября 1956 г., которым С. был осужден к расстрелу, Верховный суд РСФСР оставил в силе.

По протесту прокурора РСФСР, в котором ставился вопрос об исключении из приговора ссылки на Указ от 30 апреля 1954 г. и замене расстрела лишением свободы, дело поступило на рассмотрение в порядке надзора в Президиум Верховного суда РСФСР.

Президиум не согласился с протестом и указал в своем постановлении следующее:

«Ссылка в протесте на недопустимость применения наказания—расстрела при покушении на убийство—не основана на законе.

Уголовный кодекс РСФСР вообще не предусматривает ни в одной из санкций статей специальное наказание за покушение на совершение преступления, в том числе не имеет специальной санкции, предусматривающей наказание за покушение на убийство.

Закон в таких случаях отсылает к ст. 19 УК РСФСР, в которой говорится, что покушение на совершение преступления преследуется так же, как и оконченное преступление. При этом закон требует от суда при назначении наказания учитывать степень опасности лица, покушавшегося на преступление; подготовленность преступления; близость наступления последствий; причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

По делу доказано, что С. последовательно совершил три тяжких преступления: угрожая оружием, изнасиловал и ограбил многодетную мать, несмотря на ее просьбы пощадить ее ради детей; при ограблении отобрал деньги, полученные ею от государства как пособие по многодетности; в целях сокрытия этих двух преступлений он решил убить А.; разрезал ей живот, нанес удар ножом в грудь и, как показал сам в судебном заседании, оставил А. лишь тогда, когда убедился, что она умрет.

Таким образом, умысел С. был направлен на убийство А. Умысел оказался неосуществленным по независящим от осужденного обстоятельствам. При таком положении суд имел все основания применить к осужденному С. Указ Президиума Верховного Совета СССР

от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство»¹.

Таким образом, придерживаясь принципа факультативного смягчения наказания за покушение, социалистическое уголовное законодательство вполне допускает возможность назначения за покушение в соответствующих случаях такого же наказания, как и за оконченное преступление, вплоть до применения высшей меры—смертной казни. Устанавливая такой принцип, социалистическое уголовное право учитывает целый ряд причин, по которым назначение за покушение такого же наказания, как и за оконченное преступление, может стать в отдельных случаях необходимым.

Причины эти, на наш взгляд, следующие.

а) Некоторые преступления (например, контрреволюционные) настолько общественно опасны на всех стадиях их совершения, что покушение на них в ряде случаев близко примыкает по степени своей тяжести к оконченному преступлению.

б) Общественная опасность покушения как последней стадии неоконченного преступления нередко вплотную приближается к опасности оконченного преступного деяния в силу непосредственной близости покушения к стадии окончания преступления. Так, во многих случаях скупка товаров при спекуляции мало чем отличается по степени своей общественной опасности от оконченной спекуляции. Не случайно уголовные кодексы Белорусской и Таджикской союзных республик признают скупку товаров с целью перепродажи по повышенным ценам не покушением (как в уголовных кодексах других союзных республик), а оконченным преступлением. Такая конструкция ответственности за спекуляцию является более правильной, так как уже сам факт сосредоточения товаров в руках спекулянтов нарушает советскую торговлю и интересы покупателей.

в) Отсутствие преступного результата, являющегося необходимым признаком объективной стороны преступления, не означает, что при покушении всегда отсутствуют и другие, не указанные в законе вредные

¹ См. „Бюллетень Верховного Суда СССР“ 1957 г. № 4, стр. 41—42.

последствия, которые могут быть весьма тяжелыми (например, тяжкое телесное повреждение при покушении на убийство).

Уг) ✓ Совершение действий, образующих покушение, может быть сопряжено с такимиотягчающими обстоятельствами, указанными в ст. 47 УК, что снижение наказания за покушение противоречило бы задачам общего и специального предупреждения преступлений.

✓ С учетом указанных обстоятельств законодатель иногда с целью исключения возможности смягчения наказания за покушение по мотиву недоведения преступления до конца прибегает к созданию «усеченных» составов преступлений, в которых в понятие оконченного преступного деяния включается в той или иной степени и деятельность, образующая покушение (таков, например, разбой, определяемый в ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» как «нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия»).

В тех случаях, когда покушение не включено в понятие оконченного преступного деяния, назначение за покушение такого же наказания, что и за доведенное до конца преступление, является сравнительно редким явлением. Равная наказуемость покушения и оконченного преступления во всех случаях противоречила бы принципу индивидуализации наказания в соответствии с тяжестью совершенного преступления и степенью опасности преступника, не соответствовала бы задачам общего и специального предупреждения преступлений.

При выборе мер наказания за покушение суды согласно закону руководствуются пределами санкции статьи Особенной части уголовного кодекса, предусматривающей данный вид преступления. При определении наказания в рамках этой санкции суды учитывают смягчающие и отягчающие обстоятельства, указанные в ст. ст. 47 и 48 УК, и, кроме того, ряд обстоятельств, связанных с недоведением преступления до конца. К числу этих последних наше уголовное законодательство относит степень осуществления преступного намерения; близость наступления преступного результата, степень опасности задуманного, не доведенного

до конца преступления, причины, помешавшие виновному окончить преступление.

Но за покушение должно назначаться более суровое наказание, чем за приготовление, что объясняется несравненно большей общественной опасностью покушения.

Определив стадию совершения преступления и признав действия виновного покушением, суд должен учесть при определении наказания степень осуществления преступного намерения внутри, в рамках этой стадии. Степень близости наступления преступного результата является весьма важным обстоятельством, свидетельствующим о большей или меньшей опасности действий, образующих покушение. Как правильно указывает Т. В. Церетели, «чем дальше расстояние между действием и наступлением последствия, тем большая доля вероятности вмешательства сил, которые могут предотвратить наступление вредного последствия; и, наоборот, чем меньше это расстояние, тем больше смыкается круг способствующих результату условий и тем меньше вероятность вмешательства каких либо сил, могущих отклонить его наступление»¹.

При определении наказания важное значение имеет установление того, было ли покушение оконченным или неоконченным. Это необходимо потому, что оконченное покушение опаснее неоконченного: по степени своей опасности оно приближается к оконченному преступлению и поэтому в ряде случаев, особенно когда вредные последствия покушения являются тяжелыми, должно наказываться так же или почти так же, как и оконченное преступное деяние. Так, К., нанесший с целью убийства несколько ударов острием топора своей жене, с которой он был в неприязненных отношениях, и причинивший в результате этих действий тяжкие телесные повреждения потерпевшей, правильно осужден по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР (покушение на убийство) к восьми годам лишения свободы с последующим поражением в правах по пп. «а», «б» и «в» ст. 34 УК БССР на три года.

¹ Т. В. Церетели, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, „Социалистическая законность“ 1954 г. № 12, стр. 11—12.

✓ Если оконченное покушение не повлекло вредных последствий, наказание, как правило, должно быть смягчено. Серьезную ошибку допускают те суды, которые назначают в таких случаях столь же суровое наказание, что и за оконченное преступное деяние.

Однако бывают случаи, когда, несмотря на отсутствие тяжких последствий, оконченное покушение должно влечь достаточно суровое наказание (равное или почти равное с оконченным преступлением). Так, супруги Г. правильно осуждены по приговору народного суда от 30 января 1953 г., оставленному в силе областным судом, по ст. 22 и ч. 1 ст. 214 УК БССР к десяти годам лишения свободы каждый (Г-я, кроме того, лишена родительских прав сроком на пять лет). Их преступление выразилось в том, что по предварительному сговору между собой они решили убить своего новорожденного ребенка недельного возраста, для чего бросили его в уборную во дворе одного из домов. Смерть ребенка была предотвращена прохожими, услышавшими крик и извлекавшими его из уборной. Ребенок был доставлен в детскую больницу, а преступников удалось задержать. Тяжесть совершенных супругами Г. преступных действий требовала назначения им суровой кары. Учитывая наличие ряда отягчающих вину обстоятельств, суд не считал нужным смягчить наказание по сравнению с оконченным преступлением с учетом стадии покушения и на этом основании применил высший предел санкции ч. 1 ст. 214 УК БССР.

Нельзя признать правильной позицию тех судов, которые за аналогичные случаи покушения на убийство назначают чрезмерно мягкое наказание в виде, например, лишения свободы на один год. В этом отношении характерно дело Т.

По приговору народного суда Т. была осуждена по ст. 19 и пп. «д» и «е» ч. 1 ст. 136 УК к десяти годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на три года и лишением ее родительских прав на дочь Ольгу. Т. было инкриминировано то, что она пыталась умертвить своего новорожденного ребенка и с этой целью засыпала его на кладбище землей. Смерть ребенка была предотвращена только благодаря вмешательству посторонних.

Верховный суд Северо-Осетинской АССР оставил

приговор в силе. 23 июня 1954 г. по протесту Председателя Верховного суда РСФСР Верховный суд РСФСР сократил назначенный Т. срок лишения свободы до одного года и исключил из приговора поражение Т. в избирательных и родительских правах. Данное определение было опротестовано Генеральным Прокурором СССР в части неосновательного исключения из приговора поражения Т. в родительских правах. 29 октября 1954 г. Президиум Верховного суда РСФСР удовлетворил протест¹. Мы полагаем, что были все основания ставить в протесте вопрос и о чрезмерной мягкости наказания, определенного Т. Верховным судом РСФСР.

В отдельных случаях и неоконченное покушение на совершение тяжкого преступления должно наказываться так же или почти так же, как и оконченное преступное деяние, если в действиях покушавшегося проявилась высокая степень общественной опасности самого преступника.

Общественная опасность покушения в значительной степени зависит от тех причин, по которым преступление не было доведено до конца. Эти причины могут быть весьма различными: воспрепятствование продолжению преступления со стороны органов власти, потерпевшего или других граждан, неудачное составление плана совершения преступления или ненадлежащее его выполнение, ненаступление обстоятельств, на которые рассчитывал преступник, или наступление таких обстоятельств, которые препятствуют выполнению преступления, несоответствие избранных преступником средств и орудий преступления возлагаемым на них надеждам, физическая невозможность окончания начатого преступления, опасение задержания, вынуждающее виновного отказаться от продолжения преступления вовсе или перенести его выполнение на другое, более удачное время и т. д. Большая или меньшая предусмотрительность, опытность, упорство преступника, по которым можно судить нередко о причинах недоведения преступления до конца, свидетельствуют в той или иной мере о степени опасности субъекта и совершенных им пре-

¹ См. „Социалистическая законность“ 1955 г. № 1, стр. 94—95.

ступных действий и поэтому не могут быть не приняты во внимание судом при определении меры наказания.

Основные начала и действующие уголовные кодексы союзных республик не уделяют внимания необходимости учета вредных последствий неоконченного преступления. Говоря о ненаступлении преступного результата, о близости наступления вредных последствий преступления, они имеют в виду такие последствия, которые необходимы для наличия состава оконченного преступления. О значении же тех вредных последствий, которые безразличны для квалификации преступного деяния, но не могут не влиять на размер наказания, в действующем советском уголовном законодательстве ничего не говорится. Между тем несомненно, что покушение на убийство должно быть наказано значительно строже в случае причинения потерпевшему тяжкого телесного повреждения по сравнению с покушением, не причинившим ему никакого вреда. Характер и тяжесть вредных последствий неоконченного преступления имеют существенное значение для определения его сравнительной общественной опасности, для установления степени ущерба, причиненного этим преступлением социалистическим общественным отношениям.

Определяя наказание за покушение, суд может при наличии к тому достаточных оснований снизить наказание ниже низшего предела. Следует, однако, иметь в виду, что такое смягчение наказания может иметь место в сравнительно редких случаях, значительно реже, чем при осуждении за приготовление. Статья 51 УК при осуждении за покушение применяется, как правило, при наличии ряда смягчающих вину обстоятельств. Учитываются как обстоятельства, связанные с недоведением преступления до конца так и те, примерный перечень которых дан в ст. 48 УК. Так, Верховный Суд СССР в своем определении по делу К. назначил последней по ст. 19 и ст. 107 УК за покушение на спекуляцию, с применением ст. 51 УК, наказание в три года лишения свободы. Суд учел, что преступление не было доведено до конца и что у К. на иждивении имеется несовершеннолетняя дочь¹.

Однако необходимо иметь в виду, что снижение на-

¹ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 77—78.

казания ниже низшего предела не может иметь места, если виновный совершил покушение на тяжкое преступление и степень опасности такого субъекта для общества является высокой. Назначение мягкого наказания в подобных случаях противоречило бы, как отметил Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 12 апреля 1957 г. по делу Д., указанию закона о том, что при определении меры наказания виновному суды должны учитывать степень и характер общественной опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также все другие конкретные обстоятельства, установленные по делу (ст. 30 Основных начал).

Д. был осужден народным судом по ст. 19 УК Грузинской ССР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам лишения свободы с конфискацией всего имущества и с последующим поражением в избирательных правах сроком на четыре года.

К такой суровой мере наказания Д. был приговорен за то, что, работая экспедитором, по составленной им фиктивной доверенности пытался получить на базе и присвоить табачные изделия на сумму 100 тыс. рублей. Преступление не было доведено до конца, так как благодаря бдительности работников базы Д. вместе с автомашиной, на которой он намеревался вывезти похищенное, был задержан.

Верховный суд Грузинской ССР своим определением от 2 июня 1953 г. оставил приговор в силе, а кассационную жалобу осужденного без удовлетворения.

2 ноября 1956 г. по протесту заместителя прокурора Грузинской ССР дело было пересмотрено в порядке надзора Президиумом Верховного суда республики. Президиум, изменив приговор и определение кассационной инстанции, снизил меру наказания Д. до фактически отбытого им срока и из-под стражи освободил. Президиум исключил также из приговора поражение Д. в правах.

На это постановление Президиума Верховного суда Грузинской ССР, как необоснованное, Председатель Верховного Суда СССР внес протест в Пленум Верховного Суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Пленум указал в своем постановлении, что «мера наказания судом первой инстанции была назначена Д. в соответствии с санкцией закона и с учетом всех обстоятельств совершенного им преступления.

При рассмотрении дела по существу, а также в кассационном и надзорном порядке суду в соответствии со ст. 34 Основных начал предоставлено право определить виновному меру наказания ниже нижнего предела, указанного в соответствующей статье уголовного кодекса или закона, однако не иначе, если это вытекает из обстоятельств конкретного дела, причем с обязательным приведением в приговоре, определении или постановлении соответствующих мотивов».

Пленум отметил, что указанные Президиумом Верховного суда Грузинской ССР мотивы снижения наказания ниже нижнего предела (наличие на иждивении осужденного престарелой матери и отсутствие ущерба) были учтены судом первой инстанции, назначившим Д. меру наказания по наименьшему пределу санкции ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. Для еще большего снижения наказания у Президиума Верховного суда Грузинской ССР не было оснований, так как Д. был в прошлом судим и покушался на совершение хищения в крупных размерах, причем это преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от осужденного, в результате бдительности, проявленной работниками базы, своевременно задержавшими его¹.

К покушающимся может быть применено условное осуждение, если степень их общественной опасности не требует обязательной изоляции от общества. Суды нередко не учитывают этого и приговаривают лиц, совершивших покушения, к чрезмерно суровым наказаниям без учета степени осуществления умысла. Такая ошибка допущена, например, по делу М.

М. через своего сослуживца Т. 5 апреля 1955 г. пытался получить в сберегательной кассе выигрыш в сумме 1000 руб. по сторублевой облигации государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1952 г.), в которой были подделаны номер самой облигации и последняя цифра номера серии.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 3, стр. 11—12.

Признав правильным осуждение М. за подделку облигации государственного займа и попытку получить по ней выигрыш, то есть за преступление, предусмотренное ст. 19 УК и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Верховный Суд СССР, рассматривая дело в порядке надзора по протесту Председателя Верховного Суда СССР, пришел к выводу, что степень общественной опасности М. не требовала обязательной его изоляции от общества. Поэтому суд, принимая во внимание, что М. ранее не был судим, по работе характеризуется положительно, имеет на иждивении трех малолетних детей и своими преступными действиями не причинил материального ущерба государству, применил к М. ст. 53 УК и определенную ему меру наказания заменил условным осуждением¹.

В судебной практике встречаются также случаи и обратного порядка, когда к опасным преступникам применяется условное осуждение только на том основании, что преступление не было доведено до конца. Такая ошибка была допущена народным судом при рассмотрении в судебном заседании дела по обвинению Т. по ст. 19 и п. «а» ч. 1 ст. 136 УК.

Т., будучи в нетрезвом состоянии, обратился к бригадиру колхоза С. с просьбой дать лошадь для поездки за водкой. Получив отказ, Т. решил убить бригадира. С этой целью он вооружился топором и стал разыскивать бригадира по селу. Найдя его в помещении сельского совета, Т. набросился на потерпевшего и ударил его топором по голове. Тяжелые последствия не наступили только благодаря тому, что потерпевший, защищаясь, схватился за топор и этим значительно ослабил силу удара, а также потому, что на голове у него была надета теплая шапка. Несмотря на высокую опасность преступника и совершенного им покушения, народный суд приговорил Т. к условной мере наказания. Прокурором этот явно необоснованный чрезмерно мягкий приговор не был опротестован².

¹ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1956 г. № 4, стр. 28-29.

² См. „Социалистическая законность“ 1957 г. № 3, стр. 75

В связи с разработкой нового уголовного законодательства в советской уголовно-правовой литературе были высказаны некоторые предложения о внесении в наше законодательство о наказуемости покушения отдельных изменений. В частности, предлагалось установить, что при назначении наказания за покушение суд может в зависимости от обстоятельств дела понизить наказание до половины низшего предела санкции, предусмотренной в кодексе за данное преступление. Подобная норма, как нам кажется, является излишней. Покушение по своей наказуемости приближается к окончательному преступлению, и поэтому снижение наказания за покушение ниже низшего предела должно быть не правилом, а исключением. В необходимых случаях суд может снизить наказание за покушение на основании общей нормы о возможности назначения наказания ниже низшего предела, указанного в статье Особенной части уголовного кодекса (ст. 51 УК). Снижение наказания за покушение с выходом за низший предел санкции должно применяться главным образом в тех случаях, когда действия подсудимого, в случае достижения стадии окончательного преступления, подлежали бы наименьшему наказанию, предусмотренному в законе за данный вид преступления.

Уголовные кодексы социалистических государств, как правило, не связывают суд какими-либо указанными в законе рамками при решении вопроса о мере наказания за покушение. Исключение представляет Уголовный кодекс Румынской Народной Республики. Вопросам ответственности за покушение в этом кодексе посвящена целая глава; например, в ст. 97 устанавливается, что «наказание за покушение назначается на одну ступень ниже, чем за окончательное преступление», тяжелое тюремное заключение заменяется исправительным тюремным заключением на срок не ниже двух лет, строгое тюремное заключение—простым тюремным заключением на срок не ниже двух лет. Соответствующие указания содержатся в ст. 98 УК Румынии в отношении покушения на совершение проступков. Отдельно указывается, в какой степени должно быть снижено наказание за покушение на совершение преступлений и проступков в случаях, «когда исполнение преступного деяния стало невозможным из-за порчи или недостаточности применен-

ных средств или из-за непредусмотрительности правонарушителя относительно времени и места, где должно было быть совершено деяние» (ст. 99 УК Румынии).

В заключение следует отметить, что в некоторых случаях покушение не представляет общественной опасности вследствие малозначительности самих действий, образующих покушение, относительной малоценности объекта посягательства или незначительности возможных вредных последствий преступления. В связи с этим возникает вопрос: не следует ли дать в законе перечень преступлений, покушение на которые должно влечь уголовную ответственность? Такой перечень содержится в Уголовных кодексах Румынской Народной Республики и Федеративной Народной Республики Югославии. В ст. 97 УК Румынской Народной республики устанавливается, что «покушение на преступление наказывается в случаях, когда законом не предусмотрено иное». Что касается покушения на совершение проступков, то оно согласно ст. 98 УК Румынии наказывается только в случаях, специально предусмотренных законом. Эти случаи перечислены в Особенной части кодекса путем указания на наказуемость покушения на совершение тех или иных преступлений.

В ст. 16 УК Федеративной Народной Республики Югославии указывается, что наказуемо покушение лишь на те преступления, которые караются строгим заключением на срок не ниже пяти лет. Что касается остальных преступлений, то покушение наказывается лишь при наличии специального указания в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса Югославии (такая оговорка имеется, например, в ст. 289).

Мы полагаем, что в отношении покушения нет надобности точно указывать в законе, в каких случаях оно наказуемо. Исключение уголовной ответственности за малозначительные случаи покушения или за покушение на некоторые незначительные по своей тяжести преступления может быть сделано самим судом (или органами расследования) на основании нормы, содержащейся в примечании к ст. 6 УК. Соответствующее правило должно быть включено и в новые Основные начала уголовного законодательства, а также в разрабатываемые новые уголовные кодексы союзных республик.

Глава четвертая

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОТОРЫХ НЕВОЗМОЖНЫ ПРИГОТОВЛЕНИЕ И ПОКУШЕНИЕ

§ 1. Преступления, при совершении которых приготовление и покушение невозможны в силу особых свойств субъективной стороны преступного деяния

Имеется ряд преступлений, при совершении которых приготовление и покушение невозможны в силу особых свойств субъективной стороны преступного деяния. К их числу относятся прежде всего все неосторожные преступления. Говоря об ответственности за неоконченную преступную деятельность, Основные начала и уголовные кодексы союзных республик указывают на необходимость учитывать во всех случаях степень осуществления преступного намерения, то есть имеют в виду умышленные преступления.

Н. Ф. Кузнецова правильно указывает на то, что «покушение и приготовление не есть логические понятия «начала» преступной деятельности. Начало имеет и неосторожное преступление¹. Не завершенное по каким-либо причинам неосторожное преступление не может быть признано приготовлением или покушением. Как известно, ответственность за неосторожную преступную деятельность в советском уголовном праве устанавливается, как правило, путем создания составов результатных преступлений. Для признания того или иного

¹ Н. Ф. Кузнецова. Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву „Советское государство и право“ 1955 г. № 5, стр. 119.

неосмотрительного поведения уголовно-наказуемым требуется, чтобы оно повлекло за собой наступление определенных, указанных в законе вредных последствий. Так, для наличия состава неосторожного убийства недостаточно самого действия или бездействия, могущего повлечь смерть другого лица, а обязательно наступление этого результата. Если неосторожные действия субъекта не вызвали наступления смерти, ответственность за неосторожное убийство по ст. 139 УК вовсе исключается.

Ответственность за неосторожные действия, не повлекшие, но могущие повлечь вредные последствия, наступает лишь в тех, сравнительно немногих случаях, когда состав соответствующего неосторожного преступления сконструирован таким образом, что уже само неосторожное действие, ставящее в опасность причинения вреда, образует преступление. При обрисовке объективной стороны подобных преступлений законодатель пользуется различными приемами. В одних случаях он прибегает к формуле «повлекло или могло повлечь» наступление вредных последствий. Например, в ч. 3 ст. 133 УК предусмотрена ответственность за «поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность...». Аналогичным образом сформулирована диспозиция ст. 59^{3а} в УК. При подобной конструкции состава преступления в один состав включаются как действия, повлекшие за собой наступление вредных последствий, так и действия, которые могли их повлечь. В других же случаях законодатель, считая преступлением сам факт неосторожного поведения, признает наступление в результате такого поведения соответствующих последствий квалифицирующим (отягчающим ответственность) обстоятельством. В качестве примера может быть указана ст. 108¹ УК. В ч. 1 этой статьи установлена уголовная ответственность за нарушение технического режима, производственно-технической дисциплины или условий работы, обеспечивающих безопасность производства, а также курение, появление в пьяном виде или сон на производстве во взрывоопасных цехах. Те же действия, если они повлекли за собой взрыв или пожар, квалифицируются по ч. 2 ст. 108¹ УК и влекут более строгое наказание. Со-

ответственно сформулированы части 3 и 4 данной статьи, где предусмотрена ответственность за нарушение технического режима или условий работы во взрывоопасных цехах лицами, отвечающими за установленную производственно-техническую дисциплину.

Таким образом, ответственность за неосторожную преступную деятельность, не причинившую вредных последствий, по нашему уголовному законодательству может иметь место в некоторых, специально указанных в законе случаях. Однако в подобных случаях ответственность наступает не за предварительную преступную деятельность, не за приготовление или покушение, а за выполнение состава самостоятельного преступления. Так, Б. был осужден по ч. 1 ст. 56^{3а} УК УССР (ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР) за то, что он, являясь дежурным по станции, по ошибке дал указание стрелочникам принять поезд на путь, занятый шестью вагонами. Действия эти не повлекли крушения поезда благодаря бдительности машиниста, вовремя заметившего стоящие на пути вагоны и успевшего остановить поезд. Б. был привлечен к уголовной ответственности и осужден не на основании постановлений Общей части уголовного кодекса о неоконченном преступлении, а в силу специального указания, содержащегося в диспозиции статьи, предусматривающей ответственность за нарушение трудовой дисциплины на транспорте.

Приготовление и покушение могут быть только умышленными. Нельзя по неосторожности готовиться к совершению преступления или пытаться его совершить. Выполнение действий, образующих неоконченное преступление, предполагает сознание действующим лицом того, что оно готовится или пытается совершить именно преступное действие, что предпринимаемые им действия направлены на подготовку или непосредственное выполнение состава определенного умышленного преступления. Общественная опасность приготовления и покушения именно в том и состоит, что лицо, их выполнившее, сознательно вступает на путь совершения преступного деяния, могущего причинить ущерб социалистическим общественным отношениям.

Приготовление и покушение не могут иметь места до того, как у лица возникло намерение на совершение преступления. Если те или иные действия субъекта

объективно являлись подготовкой к позднее задуманному преступному деянию, они могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности лишь в том случае, когда ими выполнен состав самостоятельного преступного деяния (незаконное хранение оружия, яда и т. п.). Неосторожное приготовление или покушение логически немыслимы.

Поэтому представляется весьма спорным мнение М. Д. Шаргородского, что приготовление и покушение возможны при совершении некоторых неосторожных преступлений. В основе этого взгляда лежит неправильное, как нам кажется, понимание М. Д. Шаргородским сущности неосторожных преступлений, выражающееся в признании в этих преступлениях элементов умышленной вины. Так, говоря о субъективной стороне неосторожного убийства, он пишет следующее:

«Неосторожность возможна как в отношении самого действия, повлекшего за собой причинение смерти, так и только в отношении последствий в то время, как действие виновным совершено умышленно. Виновный может по небрежности, неосмотрительности совершить действие, которое повлечет за собой чью-либо смерть (офицер выронил из рук заряженный револьвер, врач, прописывая лекарство, ошибся в дозировке — *negligentia*), и виновный может умышленно совершать действия, которые повлекут за собой чью-либо смерть, не допуская, что его действия повлекут за собой причинение подобного результата (офицер мажал курок револьвера, думая, что револьвер не заряжен, и убил товарища, мать взяла к себе в кровать грудного ребенка и во сне его придушила, врач, экспериментируя, применил новое лекарство или новый метод лечения и причинил смерть больному и т. д. — *luxuria*)»¹.

Аналогичное утверждение М. Д. Шаргородский делает и по отношению к неосторожным телесным повреждениям².

Не останавливаясь на допущенной М. Д. Шаргородским неточности в разграничении видов неосторож-

¹ М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1947, стр. 197.

² См. там же, стр. 360, 490.

ности—небрежности и преступной самонадеянности¹, укажем, что его точка зрения о субъективной стороне неосторожного убийства и неосторожных телесных повреждений при последовательном развитии этого взгляда может привести, как нам кажется, к смешению умышленных и неосторожных преступлений, к стиранию между ними четкой грани. К какой категории можно отнести телесное повреждение, совершенное умышленно по отношению к действию и неосторожно по отношению к последствиям? Почему оно должно быть отнесено к неосторожным преступлениям? Не назвать ли его лучше умышленно-неосторожным? Сама возможность постановки таких вопросов говорит против предлагаемого М. Д. Шаргородским подхода к анализу субъективной стороны неосторожных преступлений. Что же касается практических выводов, которые делаются и могут быть сделаны при таком подходе к вопросу, то вряд ли можно признать их приемлемыми. М. Д. Шаргородский считает правильной весьма спорную точку зрения А. Н. Трайнина о возможности соучастия в неосторожном преступлении². «Признав теоретическую возможность неосторожного соучастия,— пишет М. Д. Шаргородский,—приходится признать теоретическую возможность покушения и приготовления на неосторожное преступление, ...все дело заключается в том, что как соучастие, так и покушение и приготовление возможны только в отношении тех случаев неосторожных преступлений, когда действие совершается умышленно, а результат наступает по неосторожности. А к умышленному действию с неосторожным по-

¹ Действия офицера, спустившего курок револьвера при ошибочном предположении, что он не заряжен, и убившего своего товарища, являются, по нашему мнению, следствием не преступной самонадеянности, а небрежности. Необходимыми признаками самонадеянности являются сознание возможности наступления преступного результата и основанная на конкретных обстоятельствах надежда на ненаступление такого результата. В приведенном же случае ни того, ни другого не было. Офицер не предвидел возможности причинения его действиями смерти другому лицу, но по обстоятельствам дела должен был и мог это предвидеть.

² См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941, стр. 109—118. Возможность соучастия в неосторожных преступлениях из советских криминалистов признал также А. Васильев в рецензии на учебник Общей части советского уголовного права 1952 года. («Социалистическая законность» 1953 г. № 8, стр. 91).

следствием вполне возможно и приготовление и покушение»¹.

М. Д. Шаргородский допускает, по нашему мнению, смешение двух совершенно различных понятий: сознательного совершения действия — понятия не уголовно-правового и умышленного совершения преступного действия — понятия, обозначающего одну из форм вины в уголовном праве. Разумеется, лицо, считающее револьвер незаряженным и нажимающее курок с целью напугать товарища, в которого оно в шутку прицелилось, действует сознательно, преднамеренно совершает определенное действие (спуск курка), но оно не действует умышленно в уголовно-правовом смысле, то есть не совершает сознательно именно преступного действия.

Следует вообще отметить, что рассмотрение вины отдельно в отношении действий и их последствий теоретически оправдано лишь в некоторых, сравнительно немногих случаях.

Отдельное рассмотрение психического отношения субъекта к самому действию и его общественно опасному результату возможно, по нашему мнению, в следующих двух случаях:

а) когда само действие независимо от наступления вредных последствий является преступным, запрещенным уголовным законом (нарушение трудовой дисциплины на транспорте, повлекшее или могущее повлечь последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК, разглашение государственной тайны, предусмотренное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. и т. д.);

б) когда наступление определенного результата является квалифицирующим признаком (наступление смерти потерпевшего при умышленном нанесении тяжких телесных повреждений — ч. 2 ст. 142 УК, умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам, путем поджога или иным общеопасным способом, повлекшее за собой человеческие жертвы или общественное бедствие — ч. 3 ст. 175

---

¹ М. Д. Шаргородский, Рецензия на книгу А. Н. Трайнина „Учение о составе преступления“, „Советская книга“ 1947 г. № 5, стр. 72.

УК, и некоторые другие). Применительно к подобным преступлениям можно говорить об умысле в отношении самого преступного действия и неосторожности к последствиям и относить подобные преступления к категории умышленных или могущих быть совершенными как умышленно, так и по неосторожности¹. Говорить же об умышленном совершении действия, выполняющего состав неосторожного преступления, значит смешивать уголовно-правовое понятие умысла, являющегося формой вины, с неправовым понятием умысла, под которым понимается обдуманное заранее намерение совершить что-нибудь (преимущественно дурное, предосудительное)². Такое смешение понятий может привести в конце концов к тому, что большинство неосторожных преступлений будет отнесено к «умышленно совершаемым»³.

Об умышленном (в уголовно-правовом смысле) совершении действия можно говорить лишь в том случае, когда субъект сознает преступный характер своих действий и, несмотря на это, сознательно идет на совершение преступления. При неосторожном же совершении преступления виновный не сознает общественно опасного характера своих действий. Приведенное здесь понимание умысла разделяется Пленумом Верховного Суда СССР⁴.

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что при совершении неосторожных преступлений пригото-

¹ Субъективная сторона умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 142 УК), характеризуется, как известно, наличием умысла по отношению к тяжкому телесному повреждению и неосторожности по отношению к наступившей смерти. Если же по отношению к смерти будет установлен умысел (прямой или косвенный), действия виновного должны рассматриваться как убийство. Аналогично разграничиваются поджог, повлекший смерть (ч. 3 ст. 175 УК), и умышленное убийство. Таким образом, раздельное рассмотрение вины отдельно к действию и к его последствиям в подобного рода случаях имеет большое практическое значение.

² См. „Толковый словарь русского языка“, под ред. Д. Н. Ушакова; т. IV, М., 1940, стр. 948.

³ Аналогичное смешение понятий допущено Б. С. Утевским, признающим наличие мотива при неосторожных преступлениях (Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 147—150).

⁴ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1956 г. № 6, стр. 6, 8; „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1950 г. № 8, стр. 2.

ление и покушение немыслимы. Они невозможны и теоретически и практически. Однако указанием на эту особенность неосторожных преступлений не исчерпывается вопрос об отграничении области применения понятий приготовления и покушения по субъективным свойствам преступления. Если неоконченное преступление может иметь место лишь при совершении умышленных преступлений, то возникает вопрос, при всяком ли умышленном выполнении преступных деяний возможна предварительная преступная деятельность, в частности, возможна ли она при косвенном (эventуальном) умысле.]

Лицо действует с косвенным умыслом в тех случаях, когда оно предвидит общественно опасный характер последствий своих действий и, не желая этих последствий, сознательно допускает их наступление (п. «а» ст. 10 УК).

Преступник не желает причиняемых с косвенным умыслом вредных последствий своего деяния, потому что они ему не нужны, не они являются целью его действий. Более того, преступнику выгоднее было бы наступление этих последствий, так как оно устранило бы основания для привлечения его к ответственности или уменьшило бы общественную опасность содеянного им, а следовательно, и тяжесть грозящего наказания. Не желая наступления преступного результата, нельзя готовиться к его причинению или покушаться на таковое.]

Как правильно отмечает Н. Ф. Кузнецова¹, только при преступной деятельности с прямым умыслом можно утверждать, что, если бы не случайные для субъекта обстоятельства, преступление могло бы быть совершено. Только в этом случае можно говорить, что виновный стремился к причинению преступного результата и с этой целью предпринял совершение приготовительных действий или действий, образующих покушение.

В изученной нами судебно-прокурорской практике мы не нашли ни одного случая привлечения к уголов-

---

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, „Советское государство и право“ 1955 г. № 5, стр. 120.

ной ответственности за приготовление или покушение при наличии у виновного косвенного умысла. Наоборот, в своем определении по делу В. и В-ка от 29 декабря 1954 г. Верховный Суд СССР пришел к выводу, что лицо, причинившее тяжкое телесное повреждение, не может нести ответственности за покушение на убийство при отсутствии прямого умысла на лишение жизни. В. и В-к были осуждены народным судом по ст. 16 и ст. 139 УК УССР (покушение на убийство) к восьми годам лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на пять лет каждый. Суд признал их виновными в том, что 17 июля 1949 г. они, находясь в состоянии сильного опьянения, поссорились с Х., вывели его на улицу и избили его, чем причинили ему тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой длительное расстройство здоровья. По протесту Генерального Прокурора СССР Верховный Суд СССР признал осуждение В. и В-ка за покушение на убийство неправильным, так как в деле отсутствуют доказательства того, что они действовали с целью убийства потерпевшего. Последний по собственной инициативе пришел в гости к В-ку и, выпив у него большое количество водки, опьянел до такой степени, что не помнил о происшествии с ним. Преступление, совершенное В. и В-ком, было переклассифицировано на ч. 2 ст. 146 УК УССР¹.

Вопреки судебной практике, не знающей случаев привлечения к уголовной ответственности за приготовление и покушение при совершении преступлений с косвенным умыслом, В. Я. Лившиц в статье о косвенном уме́сле, опубликованной в журнале «Советское государство и право», допускает возможность покушения при выполнении и этих преступлений. Надуманность и нежизненность подобных утверждений видна уже из того, что В. Я. Лившиц, не имея возможности привести пример покушения с косвенным умыслом из советской судебной практики, использует пример из учебника по уголовному праву Э. Я. Немировского издания 1917 года².

¹ См. «Социалистическая законность» 1955 г. № 3, стр. 90.

² См. В. Я. Лившиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право» 1947 г. № 7, стр. 43.

Невозможность приготовления и покушения при совершении преступления с косвенным умыслом не означает, конечно, что действия виновного, ставящие в опасность причинения вреда, не являются преступными. В случаях ненаступления преступного результата при косвенном умысле в действиях субъекта может быть налицо состав самостоятельного оконченного преступления—умышленного поставления в опасность жизни или здоровья другого лица либо иных объектов, находящихся под уголовно-правовой охраной. К числу таких составов можно отнести преступления, предусмотренные ст. 133, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 150, ст. ст. 156, 156¹, 157, 158, 158¹ и некоторыми другими статьями УК. Включение в уголовный кодекс составов этих преступлений продиктовано, по-видимому, главным образом невозможностью рассматривать соответствующие действия как покушение на причинение того или иного результата. Мы не согласны с теми советскими криминалистами, которые склонны усматривать в составах умышленного поставления в опасность некий суррогат конструкции покушения. Признавая «логическую» («теоретическую») возможность приготовления и покушения и при совершении преступления с косвенным умыслом, они указывают, что практически доказать наличие этих стадий при реализации косвенного умысла или трудно или невозможно, так как преступник может с успехом отрицать сознательное допущение возможности причинения ненаступившего результата¹. Поэтому делается вывод, что вместо конструкции покушения в подобных случаях более целесообразно использовать конструкцию умышленного поставления в опасность, которая якобы соответствует неоконченному покушению на причинение преступного результата с косвенным умыслом². Такая трактовка составов поставления в опасность нам представляется неосновательной. Известные действующему

¹ См., например, „Советское уголовное право, часть Общая“, М., 1952, стр. 280; М. М. Исаев и А. А. Пионтковский и Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1947, стр. 38—39.

² См. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни здоровья, М., 1947, стр. 383.

советскому уголовному законодательству составы постановления в опасность жизни, здоровья и других объектов не исключают по отношению к возможному общественно опасному последствию и неосторожной вины. Но если нет умысла по отношению к последствиям, как можно говорить о приготовлении или покушении на их причинение? Усматривать и в этом случае покушение, как это делает М. Д. Шаргородский¹, было бы неправильно. Как уже указывалось в предыдущей главе, постановление в опасность может быть квалифицировано как покушение на причинение соответствующего результата лишь в том случае, когда по отношению к этому результату имеется прямой умысел².

Указывая, что приготовление и покушение невозможны при совершении преступления с косвенным умыслом, мы исходим из того, что в этих случаях виновный предвидит вероятность наступления преступного результата. Невозможно представить, чтобы лицо, действующее с косвенным умыслом, предвидело неизбежность причинения своими действиями преступного результата и, не желая наступления последнего, все же совершило эти действия. Если виновный действительно не желает наступления преступного результата, он не станет совершать того действия, которое с неизбежностью влечет этот результат. «Эвентуальный умысел...—как правильно указывал А. Н. Трайнин,—предполагает, что результат, который, не желая, сознательно допускает виновный, именно эвентуален, то есть может наступить, но может и не наступить»³.

Известный интерес представляет вопрос о том, возможны ли приготовление и покушение при реализа-

¹ См. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1947, стр. 382—384.

² На необходимость разграничения покушения на убийство и постановления в опасность по целенаправленности совершенных субъектом действий обращают внимание ряд авторов (Н. Ф. Кузнецов, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, „Советское государство и право“ 1955 г. № 5, стр. 104—105, а также Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили в рецензии на книгу Н. Д. Дурманова „Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву“, „Советское государство и право“ 1957 г. № 1, стр. 130—131).

³ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 200—201.

ции внезапно возникшего прямого умысла, который тотчас же приводится в исполнение. Покушение на такое преступление вполне возможно. Так, судебной практике известны случаи осуждения за покушение на убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, по ст. 19 и ст. 138 УК¹. Возможность такого покушения не отрицает и теория советского уголовного права². Но приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 138 УК, практически невозможно. Наличие в действиях виновного стадии приготовления превращает содеянное в обычное (оконченное или неоконченное) умышленное убийство, которое должно квалифицироваться по ст. ст. 136 или 137 УК. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 1 апреля 1944 г. по делу У. указывается, что убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения предполагает отсутствие разрыва во времени между обстоятельствами, возбудившими душевное волнение, и последовавшим убийством³. Аналогично должен быть решен вопрос и о возможности приготовления и покушения на такое преступление, как телесное повреждение, нанесенное под влиянием внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего (ст. 144 УК).

§ 2. Преступления, исключаяющие возможность неоконченной преступной деятельности в силу их объективных признаков

Область совершения приготовления и покушения ограничивается также определенными объективными

¹ См. определение Верховного суда РСФСР по делу В. („Судебная практика РСФСР“ 1931 г. № 7, стр. 17) и определение Верховного Суда СССР по делу Г. (М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1947, стр. 51—52).

² См., например, М. Д. Шаргородский, Преступление против жизни и здоровья, М., 1947, стр. 217; Н. В. Лясс, Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, Л., 1952, стр. 14.

³ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.“, М., 1948, стр. 106.

признаками преступления. Прежде всего следует отметить, что неоконченное преступление немислимо при совершении большинства факультативно-результатных преступлений. Мы не согласны как с теми советскими криминалистами, которые признают возможность разграничения стадий преступного деяния во всех факультативно-результатных преступлениях¹, так и с теми, которые, наоборот, впадают в противоположную крайность и вообще отрицают возможность приготовления и покушения при совершении преступлений этой группы².

Сторонники последней точки зрения обычно ссылаются на то, что для наличия оконченого факультативно-результатного преступления достаточно одного факта совершения преступного действия или преступного бездействия, поэтому такого рода преступления с самого начала их выполнения становятся оконченными преступными деяниями. Подобную аргументацию нельзя признать убедительной. При совершении факультативно-результатных преступлений невозможно оконченое покушение, ибо выполнение самого преступного действия, даже в случае ненаступления вредных последствий, уже образует состав оконченого преступления, иными словами, момент, с наступлением которого эти деяния признаются оконченными преступлениями, переносится на стадию оконченого покушения. Однако это вовсе не означает, что при совершении факультативно-результатных преступлений исключается возможность каких бы то ни было стадий развития преступления. Неоконченное покушение и приготовление вполне возможны и в тех случаях, когда для признания преступления оконченным наступления вредных последствий не требуется. Для того чтобы выполнить состав такого преступления, субъект в некоторых случаях нуждается в совершении определенных подготовительных действий: приступив к непосредственному выполнению задуманного преступления, виновный может его не окончить по

---

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 303—305.

² См. А. А. Герцензон, *Уголовное право, часть Общая*, М., 1948, стр. 346; В. М. Чхиквадзе, *Советское военно-уголовное право*, М., 1948, стр. 211.

причинам, от его воли не зависящим. Правда, приготовление и покушение возможны лишь при совершении некоторых, сравнительно немногочисленных факультативно-результатных преступлений.

Судебная практика знает ряд случаев такого рода. В своем определении от 29 августа 1942 г. по делу В. Верховный Суд СССР пришел к выводу о возможности приготовления к уклонению от призыва в Советскую Армию по мобилизации. По мнению коллегии, в соответствии со ст. 19 УК преступным является не только противоправное устранение в личных интересах обстоятельств, наступивших для обвиняемого в силу закона (в частности—уклонение от мобилизации), но и подготовительные действия к устранению обстоятельств, которые должны нормально наступить. «Уклонение от призыва,— говорится в определении,—должно караться не только в том случае, когда призыв имел место, но и в тех случаях, когда приняты подготовительные меры к устранению необходимости явки по призыву, который должен обязательно через некоторое время иметь место.

В.—призывного возраста, и поскольку единственным обстоятельством, препятствовавшим его призыву по мобилизации, являлось содержание под стражей, он после освобождения подлежал бы призыву. Поэтому, если бы по делу было установлено, что, совершая преступление (побег из места заключения—И. Т.) с целью быть осужденным к лишению свободы, В. рассчитывал таким путем устранить для себя необходимость явки по призыву, который неминуемо должен был для него иметь место после освобождения, эти его действия надлежало бы рассматривать как подготовительные действия к уклонению от призыва и квалифицировать их по совокупности как побег и по ст. 19—193¹⁰ УК РСФСР»¹.

Вполне возможны приготовление и покушение при совершении таких преступлений, как уклонение от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 59⁴ УК), уклонение от обязанностей военной

---

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1942 г., М., 1947, стр. 96—97.

службы (ст. 193¹² УК). Так; подлог документов с целью их последующего использования для совершения указанных преступлений должен квалифицироваться как приготовление к этим преступлениям, а неудавшаяся попытка использования поддельных документов, подкупа должностных лиц и иного обмана для уклонения от призыва или от несения обязанностей военной службы — как покушение (ст. 19 и ч. 2 ст. 59⁴ или ст. 19 и ст. 193¹² УК).

Не исключена возможность приготовления и покушения и при совершении такого преступления, как дезертирство (сговор совершить дезертирство, подделка документов с целью легализации своего нахождения вне части после совершения дезертирства, неудавшаяся попытка незаметно оставить часть с целью уклонения от военной службы и т. д.)¹.

Ученые, отрицающие возможность разграничения стадий в факультативно-результатных преступлениях, приводят в качестве примеров такие из этих преступлений (главным образом выражающиеся в преступном бездействии), которые действительно не могут быть неоконченными, не могут вылиться в форму приготовления или покушения.

Если факультативно-результатное преступление с объективной стороны выражается в преступном бездействии, то приготовление к такому преступлению и покушение на него невозможны. Пока у субъекта еще есть время для выполнения тех действий, которые он обязан выполнить, его деятельность не может рассматриваться в качестве преступной; если же время для выполнения обязанности истекло — налицо состав оконченного преступления. Например, сам факт несообщения органам власти при наличии к тому возможности достоверно известном готовящемся или совершенном

---

¹ Согласно новой редакции ст. 7 Положения о воинских преступлениях дезертирством признается «оставление воинской части или места службы с целью уклониться от военной службы, а равно неявка с той же целью в часть или к месту службы при назначении, переводе, из командировки, из отпуска или из лечебного заведения...». (См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 1, стр. 15).

преступлении, недонесение о котором уголовно-наказуемо, уже образует состав оконченного преступления¹.

Приготовление и покушение невозможны также при совершении некоторых факультативно-результатных преступлений, выполняемых путем активных действий. К числу таких преступлений должны быть отнесены те, в которых уже первый акт преступной деятельности образует состав оконченного преступления².

Путем невыполнения определенной обязанности, или как принято говорить, путем бездействия, могут быть совершены и некоторые результатные преступления (например, мать не кормит своего ребенка, и он умирает от голода). В этих случаях неоконченное преступление вполне возможно. В этом отношении представляет интерес определение Верховного Суда СССР от 15 марта 1944 г. по делу Г.

Г., будучи достаточно материально обеспеченной, не проявляла никакой заботы о находящейся на ее иждивении шестилетней дочери, не кормила, не одевала и не стирала ее белья. В результате девочка от истощения заболела дистрофией второй степени, все ее тело покрылось ранами от укусов насекомых. Постоянно голодная, она стала побираться. По заявлению жильцов дома отдел народного образования отобрал девочку у Г. и поместил ее в больницу на излечение.

В определении по этому делу Верховный Суд СССР указал: «Если бы можно было признать правильным вывод суда о том, что Г. намеренно создавала своему ребенку такие условия жизни, которые привели бы к его смерти, то действия ее следовало бы квалифицировать как покушение на убийство, т. е. по ст. ст. 19 и 136 УК РСФСР»³. Таким образом, если для состава оконченного умышленного преступления требуется не только бездействие, но и наступление определенного

¹ На невозможность приготовления и покушения при совершении факультативно-результатных преступлений, выполняемых путем бездействия, указывают авторы учебника. «Советское уголовное право, часть Общая», (М., 1952, стр. 280—281), В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 133.

² См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 281.

³ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», М., 1948, стр. 104—105.

преступного результата, покушение на это преступление может иметь место. Что же касается приготовления, то, очевидно, готовиться к совершению преступления путем бездействия невозможно.

Большой интерес представляет вопрос о возможности приготовления и покушения при совершении преступлений с «усеченным» составом. На этот вопрос должен быть дан положительный ответ. В частности, вполне возможны приготовление и покушение при разбое.

Состав разбоя сформулирован таким образом, что оконченным это преступление признается уже тогда, когда имело место одно только нападение, не приведшее к завладению имуществом (ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»). Таким образом, закон включает в понятие оконченного разбоя не только случаи насильственного завладения имуществом потерпевшего, но и сам факт применения физического или психического насилия, преследующего цель изъятия имущества у потерпевшего.

Однако и при такой формулировке состава разбоя часть предварительной преступной деятельности не входит в понятие оконченного разбоя и должна рассматриваться как приготовление или покушение на него. Так, приготовлением к разбою являются создание разбойничьей шайки, приобретение оружия, необходимого для совершения разбойничьего нападения, собирание нужных сведений о лицах, имеющих большие суммы денег или ценное имущество, отслеживание жертвы и отправление в засаду, устранение препятствий, которые могут помешать осуществлению нападения, и т. д.

Случаи покушения на разбой могут встретиться редко, так как почти все действия, непосредственно направленные на завладение имуществом путем насилия, отнесены законодателем к оконченному разбою. Все же, как нам кажется, случаи покушения на разбой практически могут иметь место. Об этом свидетельствует следующий пример из судебной практики. Х. и А. Г-вы, будучи вооружены охотничьим ружьем, зашли во двор К. с целью похищения лошади и коровы. Когда хозяева, услышав скрип открываемой двери хлева, вышли во двор, преступники, застрелив находившуюся во дворе

собаку, убежали. Народный суд осудил виновных по ст. 21 и ст. 211 УК Азербайджанской ССР (покушение на разбой). Верховный Суд СССР своим определением от 28 октября 1939 г. переквалифицировал действия осужденных на ст. 21 и ст. 210 УК Азербайджанской ССР (покушение на хищение скота). Тезис к этому определению коллегии гласит: «Наличие оружия у лица, покушавшегося на хищение чужого имущества, может служить основанием для обвинения его в разбое только в том случае, если по делу установлено, что это лицо применило или намерено было применить оружие для завладения имуществом»¹. Следовательно, если бы было доказано, что Х. и А. Г-вы, покушаясь на похищение чужого имущества, имели намерение применить оружие для завладения имуществом, квалификация их действий как покушения на разбой была бы правильной. Рассматривать подобные действия как покушение на кражу значило бы недооценивать их общественной опасности.

В некоторых случаях законодатель переносит момент окончания преступления еще на более раннюю стадию преступления и признает окончанным преступным деянием не только покушение, но и значительную часть приготовительных действий. Так сформулирован, например, состав бандитизма (ст. 59³ УК). Уже один факт организации банды или вступления в нее образует состав окончанного бандитизма. В своем постановлении от 29 июля 1955 г. по делу А. и Ю. Пленум Верховного Суда СССР указал, что по ст. 59³ УК должна квалифицироваться и организационная деятельность по созданию банды. В постановлении Пленума говорится, что «если признать установленным, что

---

¹ „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.)“, М., 1941, стр. 83.

² К такому выводу пришли А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин. „Следует считать,—пишут они,—что в тех случаях, когда лицо, отправляясь на совершение похищения, специально взяло оружие для использования его в целях разбойного нападения, но не использовало оружие, потому что удалось совершить хищение имущества и без применения насилия, имеется налицо покушение на совершение разбойного нападения“ (А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, т. 1, М., 1957, стр. 713).

по предварительной договоренности осужденные совершили убийство работника милиции с целью завладения оружием для последующего совершения вооруженных нападений, то эти действия содержат признаки ст. 59³ УК РСФСР, поскольку эта статья предусматривает ответственность не только за участие в банде, но и за самый процесс организации вооруженных банд¹. Данное указание Пленума Верховного Суда СССР может быть истолковано в том смысле, что всякая приготовления к созданию банды деятельность уже является оконченным бандитизмом, иными словами, что приготовления к этому преступлению, как стадия развития преступной деятельности, вообще невозможно. Однако для такого понимания состава бандитизма нет никаких оснований.

Из обстоятельств дела по обвинению А. и Ю. видно, что они сговорились совместно совершать вооруженные нападения и приобрели для этой цели оружие, то есть уже организовались в вооруженную банду. Что же касается неудавшейся попытки создания банды и приобретения оружия с целью последующего вступления в банду, то эти действия, как нам кажется, должны быть квалифицированы как приготовления к бандитизму по ст. 19 и ст. 59³ УК. Интересные соображения в этом отношении были высказаны в определении Верховного Суда УССР от 28 августа 1924 г. по делу П. и др. Суд указал, что «действия П. ни в чем ином, кроме переговоров с Б. и др., убеждения их организовать банду, не проявились и остановились на той стадии, когда П... приглашал лиц, но самой банды еще не организовал, так как никто из приглашенных не дал своего согласия, другими словами, действия П. вылились лишь в форму приготовления к бандитизму»².

Возможна неоконченная преступная деятельность и при шпионаже, который также предусмотрен в законе в виде «усеченного» состава (ст. 58⁶ УК). Приготовлением к этому преступлению являются действия иностранцев, выразившиеся в обучении в специальных шпионских

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1955 г. № 5, стр. 2.

² „Вестник советской юстиции“ 1924 г. № 20(30), стр. 686.

школах, в подготовке к переходу нашей границы с целью собирания сведений, составляющих государственную тайну, а равно сама попытка проникновения на территорию СССР в шпионских целях. В качестве примера покушения на шпионаж можно указать неудавшуюся попытку похищения документов, содержащих государственную тайну.

Поскольку объективная сторона «усеченных» составов преступлений характеризуется тем, что в них момент окончания преступления переносится на ту или иную стадию предварительной преступной деятельности, возникает вопрос о том, не передвигаются ли соответственно все стадии преступления. А. А. Герцензон отвечает на этот вопрос утвердительно. «Если закон,—пишет он,—считает оконченным преступлением не наступление преступного результата, а само действие субъекта¹, то соответствующим образом передвигаются и все стадии преступления; в качестве покушения на преступление фигурирует в этом случае приготовление к нему и т. д.»². К сожалению, А. А. Герцензон ничем не аргументирует своего утверждения и не приводит ни одного примера из судебной практики, который подтверждал бы высказанную им мысль. Нам такие примеры неизвестны. Возможно, подобная передвижка стадий преступления при создании «усеченных» составов иногда имеет место, но несомненно то, что чаще всего ее не бывает. При перенесении момента окончания преступления на стадию покушения не всякое приготовление занимает место покушения. Приобретение оружия, например, может служить приготовлением и к убийству (результатное преступление) и к разбойному нападению («усеченный» состав). А. А. Герцензон в предлагаемую им схему стадий преступления включает возникновение умысла, обнаружение его ввне, приготовление, покушение и оконченное преступление³. Вряд ли, однако, он станет настаивать, что примени-

¹ Здесь А. А. Герцензон допускает неточность: и в случае наступления преступного результата преступление является оконченным.

² «Уголовное право», учебник для юридических школ, М., 1947, стр. 94.

³ См. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 346.

тельно к «усеченным» составам преступлений «соответствующим образом передвигаются... все стадии преступления», то есть что в качестве приготовления фигурирует обнаружение умысла и т. д.

Спорным представляется вопрос о том, применимы ли постановления уголовного кодекса о приготовлении и покушении к подстрекательству, пособничеству и укрывательству.

Пункт 4 § 7 УК Чехословацкой Республики указывает, что «постановления об ответственности за покушение применяются в отношении покушения на подстрекательство и пособничество».

Советское уголовное законодательство не содержит такого указания. Судебная же практика исходит из того, что для наличия пособничества и укрывательства достаточно совершения тех или иных действий, направленных на оказание содействия исполнителю преступления или на сокрытие преступника или следов преступления.

Случаи квалификации действий соучастников в качестве приготовления или покушения на подстрекательство, пособничество или укрывательство советской судебной практике неизвестны. К незавершенному пособничеству и укрывательству положения ст. 19 УК не применяются. В качестве примера сошлемся на дело по обвинению Ш.

Охраняя грузы, Т. похитил ведро растительного масла и принес его к себе на квартиру. На следующий день Т. передал завернутое в мешок ведро с маслом Ш. для реализации. Ш. намерен был продать масло на станции, но по дороге был задержан. На вопросы задержавших Ш. ответил, что несет воду, а на предложение развернуть мешок и показать содержимое ведра ответил отказом и лишь после настойчивого повторного требования сделал это. Хотя Ш. не удалось ни реализовать заведомо для него похищенное масло, ни скрыть следы преступления при задержании, его действия представляют собой соучастие в хищении¹.

Говоря о соотношении соучастия и неоконченного преступления, следует остановиться на вопросе о том,

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. по делу Ш., «Судебная практика Верховного Суда СССР» за 1948 г., вып. III, стр. 9.

как следует квалифицировать соучастие (подстрекательство, пособничество и укрывательство) в неоконченном преступлении.

Н. Д. Дурманов предлагает квалифицировать такое соучастие по ст. 17 и ст. 19 УК и соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса¹. Н. Д. Дурманов считает, что «отказ от квалификации действий подстрекателя или пособника по ст. 19 УК РСФСР в то время, когда действия исполнителя квалифицируются по этой статье, означал бы, что в отношении подстрекателя и пособника совершенно игнорируется объективный момент и все значение придается только их умыслу»². Н. Д. Дурманов, как нам кажется, не учитывает того, что меры наказания «определяются для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности этого преступления и участвовавшего в нем лица» (ч. 1 ст. 18 УК). Зачем же действия соучастников квалифицировать еще и по ст. 19, если степень опасности совершенного исполнителем преступления, зависящая, в частности, и от стадии развития преступной деятельности, должна быть учтена уже на основании статьи о соучастии? Н. Д. Дурманов не привел ни одного примера, когда отсутствие ст. 19 УК при квалификации действий соучастников повлекло бы за собой «игнорирование объективного момента». Вряд ли такой пример можно привести. Н. Д. Дурманов не учитывает также и того обстоятельства, что подстрекатель склоняет не к приготовлению или покушению, а к совершению окончательного преступления. Умысел пособника также направлен на оказание содействия в совершении окончательного преступного деяния, хотя содействие и оказывается в стадии приготовления (оказание помощи преступнику при непосредственной попытке причинения им преступного результата является не пособничеством, а соисполнительством).

Приготовление и покушение, как наказуемые в уголовном порядке действия, невозможны при совершении таких преступлений, общественная опасность которых

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 136—138.

² Там же, стр. 136—137.

сравнительно невелика. Неоконченная деятельность субъекта в этих случаях еще менее опасна, и поэтому признание ее неоконченным преступлением не может иметь места в соответствии с примечанием к ст. 6 УК. К таким преступлениям должны быть отнесены оскорбление (ст. ст. 159, 160 УК), клевета (ст. 161 УК), самоуправство (ст. 90 УК) и некоторые другие.

Таким образом, приготовление и покушение возможны лишь в отношении определенных категорий преступлений, совершаемых с прямым умыслом. Поэтому неправы те авторы, которые считают, что закон допускает ответственность за приготовление и покушение по отношению ко всем без исключения преступлениям¹.

---

¹ А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, М., 1946, стр. 27; „Юридический словарь“, М., 1953, стр. 651.

Глава пятая

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ

§ 1. Добровольный отказ от продолжения начатого преступления

В уголовных кодексах союзных республик содержится специальное постановление о том, что уголовная ответственность за приготовление и покушение исключается в случаях, когда преступление не доводится до конца по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление (ч. 2 ст. 19 УК).

В теории советского уголовного права добровольный отказ определяется как отказ от доведения начатой преступной деятельности до конца при наличии у субъекта сознания возможности ее окончания.

При наличии добровольного отказа лицо согласно ч. 2 ст. 19 УК может быть подвергнуто наказанию лишь в том случае, если в уже совершенных им действиях содержатся признаки какого-либо самостоятельного преступления. Только за это субъект и может быть привлечен к уголовной ответственности. В приведенном ранее примере В. и Л., договорившись и подготовившись к побегу из места заключения вместе с совершившим побег П., добровольно отказались от своего намерения и побега не совершили. Поскольку в фактически выполненных В. и Л. действиях не было признаков какого-либо самостоятельного уголовно-наказуемого деяния, областной суд вынес в отношении этих двух подсудимых оправдательный приговор. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем опре-

делении по данному делу от 18 ноября 1944 г. признала приговор областного суда правильным¹.

Если же в действиях лица, добровольно отказавшегося от продолжения начатого преступления, имеется состав какого-либо самостоятельного преступного деяния, то ответственность наступает за это последнее. Так, Ф. и П., работая на железнодорожном транспорте в военное время, договорились самовольно уйти с работы и с этой целью решили изъять свои личные документы. Будучи откомандированными в распоряжение начальника ремонтно-сварочного поезда, стоявшего на станции Магнитогорск, они в пути следования к месту назначения украли у старшего откомандированной группы рабочих чемодан с документами, но своих документов в этом чемодане не нашли. В связи с этим они от своего намерения совершить дезертирство отказались. Дело по обвинению Ф. и П. в приготовлении к дезертирству было прекращено, и они в соответствии с ч. 2 ст. 19 УК были осуждены лишь за хищение документов, предусмотренное ч. 1 ст. 78 УК².

Следует, однако, отметить, что соответствующая норма в ст. 19 УК, как уже указывалось в литературе³, сформулирована явно неудачно. В части 2 ст. 19 УК говорится, что в случаях добровольного отказа от преступления суд устанавливает соответствующую меру наказания «за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся». Примерно так же сформулировано соответствующее положение в уголовных кодексах других союзных республик (кроме Белорусской и Туркменской союзных республик).

Приведенное нечеткое указание закона можно понять в том смысле, что и при добровольном отказе ответственность за неоконченное преступление не исключается. Н. Ф. Кузнецова приводит следующий характерный пример такого неправильного понимания ч. 2 ст. 19 УК. М., Т. и др. договорились о совершении разбойного

¹ См. „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.“, М., 1948, стр. 154—155.

² Там же стр. 155.

³ См. Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, „Вестник Московского университета“ 1955 г., № 1, вып. 1, стр. 101.

нападения, для чего, в частности, приобрели непригодный для стрельбы пистолет. Преступление не было доведено до конца вследствие задержания одного из членов шайки, что привело к изобличению и остальных участников преступления. В суде подсудимые ссылались на то, что они якобы добровольно отказались от продолжения начатой преступной деятельности. Судебная коллегия Московского городского суда правильно осудила виновных за приготовление к разбою по ст. 19 УК и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Однако коллегия допустила грубую ошибку в мотивировке своего вывода об отсутствии в действиях подсудимых добровольного отказа от разбоя. Она указала: «Доводы о том, что они добровольно отказались от совершения ограбления квартиры Р., объективно по делу ничем не подтверждены, и независимо от этого они по смыслу закона должны нести ответственность за совершенное» (разрядка Н. К.—И. Т.). Под «совершенным» суд имел в виду, очевидно, приготовление к разбою, так как в связи с непригодностью пистолета участникам шайки не вменялось в вину незаконное хранение огнестрельного оружия¹.

По нашему мнению, правильно решен вопрос о добровольном отказе в уголовных кодексах Белорусской и Туркменской союзных республик, в которых он рассматривается как обстоятельство, вовсе исключающее уголовную ответственность за приготовление и покушение, и допускается применение наказания к добровольно отказавшимся лишь за те действия, которые содержат в себе признаки какого-либо самостоятельного (оконченного) преступления. Весьма четко это правило сформулировано в ст. 23 УК БССР. В этой статье указывается, что при добровольном отказе субъект отвечает «только за фактически совершенное деяние, если оно само по себе является преступлением».

Аналогичные положения содержатся и в уголовных кодексах Народной Республики Албании и Народной Республики Болгарии.

Такое решение вопроса об юридических последствиях добровольного отказа является правильным и должно

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, указанная статья, стр. 101.

быть принято в новых уголовных кодексах союзных республик.

Признание добровольного отказа обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за неоконченную преступную деятельность, обусловлено следующими причинами.

Необходимым признаком всякого преступления, в том числе и неоконченного, является его общественная опасность. Общественная опасность приготовления и покушения состоит в возможности совершения того преступления, к осуществлению которого субъект уже приступил. Неоконченное преступление всегда характеризуется наличием тенденции к дальнейшему развитию, оно является совершаемым преступлением, прерванным в процессе его осуществления вопреки желанию виновного.

В случаях же добровольного отказа лицо, уже совершившее некоторые действия, направленные на осуществление преступного намерения, по собственному побуждению отказывается от продолжения начатого преступления. Совершенные действия поэтому теряют характер приготовления или покушения и уже не могут быть признаны начатым, неоконченным преступлением. Субъект отвечает лишь за те действия, которые им совершены, если они сами по себе содержат состав какого-либо самостоятельного преступления. Деяние, бывшее преступным до добровольного отказа, становится непроступным после добровольного отказа. В случаях добровольного отказа намерение совершить преступление, а следовательно, и опасность продолжения начатой преступной деятельности и причинения ею ущерба правоохранным объектам отпадают. Не только сам субъект перестает быть общественно опасным, но и совершенные им действия перестают быть общественно опасными, теряют характер покушения или приготовления. Изменился человек, изменилось его поведение. Должна измениться и общественная, юридическая оценка этого поведения. Поведение лица в случаях добровольного отказа от продолжения начатой преступной деятельности нужно рассматривать не как механическую сумму приготовления или покушения и добровольного отказа, а как одно явление, как единый поступок человека.]

Указание на то, что добровольный отказ исключает

уголовную ответственность за начатую преступную деятельность именно потому, что эта деятельность теряет характер неоконченного преступления (приготовления или покушения), содержится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 2 сентября 1943 г. по делу С. и К. Пленум указал в этом постановлении, что действия обвиняемых «не могут квалифицироваться как покушение на побег, поскольку они сами отказались от своего первоначального намерения и никаких данных в деле не имеется, что побег не был ими осуществлен по причинам, от них не зависящим». Тезис к этому постановлению Пленума сформулирован следующим образом: «Покушение предполагает, что преступное намерение не было осуществлено по обстоятельствам, не зависящим от обвиняемого»¹. Прекращая дело по обвинению В., добровольно отказавшейся от совершения хищения в стадии приготовления к нему, Пленум Верховного Суда СССР указал, что в действиях В. отсутствует состав преступления².

Некоторые советские криминалисты, признавая правильными приведенные указания Пленума Верховного Суда СССР, вместе с тем усматривают неоконченное преступление (приготовление и покушение) и в случаях прекращения начатой преступной деятельности по добровольному отказу. Так М. Д. Шаргородский, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу С. и К., признает, что покушение предполагает, что преступное намерение не было осуществлено вследствие действия причин, не зависящих от обвиняемого. Однако вопреки этому правильному положению проф. Шаргородский дает следующее определение неоконченного покушения: «Неоконченным покушение признается тогда, когда субъект не сделал еще всего необходимого для наступления результата и деятельность его была прервана по причинам, от него не зависящим, или в следствие добровольного отказа»³ (разрядка на-

¹ „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 19.

² См. М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 104.

³ М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 130.

ща.—И. Т.). М. Д. Шаргородский допускает непоследовательность, ибо в случаях добровольного отказа результат не наступает по причинам, зависящим от субъекта, по его воле, поэтому в его действиях нет признаков неоконченного преступления.

По этим соображениям мы не согласны с теми советскими криминалистами, которые выделяют в качестве самостоятельного вида покушения добровольно оставленное покушение¹. Часть 2 ст. 19 УК, как нам кажется, не дает оснований для такого вывода. Во всех случаях добровольного отказа она исключает уголовную ответственность за приготовление и покушение. Кроме того, ст. 16 УК УССР, как мы уже указывали, понимает под покушением не всякую попытку совершения преступления, а лишь такую, которая оказалась неудачной для преступника по причинам, от него не зависящим. Если вслед за этим (ч. 2 ст. 18 УК УССР) лицо, добровольно отказавшееся от продолжения начатого преступления, названо «покушавшимся или приготовлявшимся», то это не значит, что законодатель, вопреки определению покушения, данному в ст. 16, считает покушением и деятельность лица, добровольно прекратившего начатое им преступление. Подобная деятельность лишь внешне напоминает неоконченное преступление, но не содержит его необходимых признаков. Законодатель лишь для удобства изложения называет лицо, добровольно отказавшееся от совершения преступления, «покушавшимся или приготовлявшимся», подобно тому, как в примечании к ст. 6 УК действия, не являющиеся преступлением в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий, названы формально подпадающими под признаки какой-либо статьи Особенной части уголовного кодекса.

Главной причиной ненаказуемости лица, добровольно отказавшегося от продолжения начатой преступной деятельности, является именно то, что эта деятельность перестает быть общественно опасной и вследствие этого теряет характер неоконченного преступления. Применение наказания за действия, завершившиеся добровольным отказом и поэтому потерявшие характер пре-

¹ См., например, А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 346, 353, 354.

ступных, противоречило бы основным принципам социалистического уголовного права, задачам специального и общего предупреждения преступлений. Субъект не намерен продолжать преступное деяние и поэтому перестает быть опасным для социалистического общества. Отпадает необходимость предупреждения совершения им новых преступлений. Что касается задач общего предупреждения, то они требуют не наказуемости действий субъекта, добровольно отказавшегося от продолжения начатой преступной деятельности, а, наоборот, освобождения этого лица от наказания. Возможность избежать привлечения к уголовной ответственности путем добровольного отказа является стимулом прекращения преступных посягательств на их ранних стадиях.

Было бы ошибкой, однако, считать, что институт добровольного отказа введен только или главным образом по той причине, что он стимулирует прекращение преступной деятельности лицами, уже приступившими к совершению преступления. Нельзя согласиться с утверждением Т. Л. Сергеевой, что «наиболее существенным основанием для освобождения от наказания лица при его добровольном отказе является создание таким путем возможности предотвращения совершения преступления. При помощи этого института у лиц, ставших на путь преступной деятельности, создается стимул для того, чтобы своевременно отказаться от ее продолжения»¹. Если бы главной причиной создания института добровольного отказа было стремление законодателя к предотвращению начатых преступлений, то одной этой целью нельзя было бы объяснить полное освобождение от наказания: эта цель могла бы быть достигнута и путем значительного снижения наказания. С точки зрения Т. Л. Сергеевой невозможно объяснить, почему в одних случаях отказ от продолжения преступной деятельности рассматривается как добровольный отказ и влечет полное освобождение от наказания за приготовление и покушение, а в других случаях — как деятельное раскаяние, лишь смягчающее вину покушавшегося. Институт деятельного раскаяния тоже преследует цель предотвращения совершения преступлений. Однако суды усматривают ос-

---

¹ Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, М.—Л., 1950, стр. 154.

нования для полного освобождения от наказания не во всех случаях деятельного раскаяния.

Вывод о том, что в случаях добровольного отказа нет состава преступления (приготовления или покушения), подтверждается анализом условий, необходимых для признания отказа от продолжения преступления обстоятельством, исключающим уголовную ответственность.

Прежде всего отказ от продолжения и доведения до конца преступления должен быть добровольным, а не вынужденным. Признак добровольности прямо указывается в ч. 2 ст. 19 УК, п. 3 § 5 УК Чехословацкой Республики, ст. ст. 15 и 16 УК Народной Республики Болгарии и в соответствующих статьях уголовных кодексов других социалистических государств. Это и понятно. Только в случае добровольного прекращения преступной деятельности можно говорить об отпадении общественной опасности субъекта и об отсутствии в его действиях признаков неоконченного преступления.

Отказ от продолжения преступления признается добровольным в тех случаях, когда субъект отказывается от окончания преступления по собственному внутреннему побуждению, сознавая при этом, что продолжение начатой преступной деятельности объективно возможно. Нет добровольного отказа, если преступнику воспрепятствовали совершить оконченное преступление или если он сам прекратил дальнейшее совершение преступления, убедившись в невозможности или невыгодности его продолжения и доведения до конца. Так, не было добровольного отказа в действиях Б., который 7 июля 1953 г. поздно вечером напал на К., стоявшую у калитки дома, свалил ее на землю и пытался изнасиловать, но, испугавшись крика К., не довел преступления до конца и скрылся. Не было добровольного отказа и со стороны С. и М., которые по предварительному сговору открыли на полметра дверь товарного вагона с целью хищения продовольствия, но прекратили совершение преступления в связи с тем, что в вагоне продуктов питания не оказалось.

---

¹ См. М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 106.

2. Характер мотивов, которыми руководствовался субъект, отказываясь от продолжения начатой преступной деятельности, не имеет значения для наличия добровольного отказа. Важно лишь, чтобы субъект добровольно и окончательно отказался от совершения преступления, имея возможность его окончить.

Мотивами добровольного отказа могут являться раскаяние субъекта, осознавшего свою вину, жалость к назначенной жертве, страх перед наказанием и т. п.

Хотя мотивы отказа от продолжения начатой преступной деятельности не имеют самостоятельного значения для решения вопроса о наличии или отсутствии добровольного отказа, однако они, конечно, не безразличны для судебно-прокурорских органов. По характеру мотивов можно нередко судить о добровольности или вынужденности отказа от совершения преступления. Так, не имеет места добровольный отказ, если мотивами прекращения преступной деятельности является осознание фактической невозможности совершить преступление, сознание невыгодности продолжения начатого преступления при сложившихся обстоятельствах (в квартире, в которую проник вор, не оказалось ценного имущества и т. д.), опасение задержания или раскрытия преступления, возникшее в связи с конкретными обстоятельствами, препятствующими выполнению задуманного преступного деяния (например, прекращение покушения на кражу в связи с появлением сторожа, приближением рассвета и т. д.). С. П. Мокринский правильно указывал, что «не следует смешивать двух вещей: страха перед наказанием—вообще... и страха перед тем же наказанием, ставшего в глазах преступника не только юридически, но и фактически необходимым последствием преступления»¹. Опасение задержания или раскрытия преступления, появившееся в связи с уже возникшей, реально существующей угрозой провала, не следует смешивать с опасением задержания, лишь предполагаемого в будущем, возможного при всяком совершении преступления. В первом случае нет добровольного отказа, а во втором—он вполне возможен. В уже приводившемся нами примере Ф. и П. отказались от своего намерения со-

¹ С. П. Мокринский, Наказание, его цели и предположения, ч. II, Томск, 1902, стр. 273.

вершить дезертирство в связи с тем, что не нашли в похищенном чемодане своих документов, но это не лишало их отказа от продолжения начатого преступления признака добровольности. Неудачная попытка похитить документы не делала совершение дезертирства физически невозможным, непосредственной угрозы задержания и раскрытия преступления в момент отказа от намерения дезертировать еще не существовало. Поэтому вряд ли можно признать убедительным утверждение М. Д. Шаргородского, что Верховный Суд СССР неправильно усмотрел в данном случае наличие добровольного отказа.

Нет добровольного отказа и в тех случаях, когда преступник лишь на время отказался от совершения преступления и решил перенести выполнение задуманного деяния на другое, более удобное время. Уголовная ответственность за предварительную преступную деятельность исключается лишь в случаях, когда субъект окончательно отказался от совершения данного преступления. В случаях же, когда лицо прерывает совершение преступления и переносит его на другое более благоприятное время, нет по сути дела отказа от совершения преступления, лицо намерено довести преступную деятельность до конца.

Добровольный отказ от совершения преступления возможен лишь до выполнения состава оконченного преступления. Прямое указание о том, что добровольный отказ может иметь место лишь в стадии приготовления или покушения, содержит ст. 19 УК. Здесь говорится об отказе от совершения преступления со стороны приготавливавшегося или покушавшегося, о недоведении до конца преступления лицом, намеревавшимся совершить это преступление. Аналогичные указания содержатся в уголовных кодексах зарубежных социалистических стран (см., например, § 5 УК Чехословацкой Республики; ст. ст. 15 и 16 УК Народной Республики Болгарии).

В соответствии с указаниями закона судебная практика не усматривает добровольного отказа в случаях, когда лицо отказалось от продолжения преступления

---

¹ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы Общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 130—131.

уже после того, как им был выполнен состав оконченного преступления. Верховный Суд СССР в своем определении от 3 мая 1949 г. по делу С. отменил оправдательный приговор суда первой инстанции, который мотивировал вынесение оправдательного приговора тем, что С. добровольно отказался от совершения преступления. На самом деле добровольного отказа не было. С. похитил со станции Переездная из открытого полувагона один мешок соды, спрятал его на пути и стал ожидать отправления товарного поезда в сторону станции Попасная; чтобы на этом поезде увезти похищенный им мешок соды, но в это время был задержан сотрудником охраны¹. Хищение уже было совершено, и то обстоятельство, что виновный по не зависящим от него причинам не смог воспользоваться похищенным, не может рассматриваться как добровольный отказ от преступления и не может устранить уголовную ответственность за совершение хищения. Добровольный отказ после достижения преступником стадии оконченного преступления невозможен.

Из смысла ст. 19 УК следует и другой вывод: добровольный отказ исключается также в случаях, когда приготовление и покушение предусмотрены в законе в качестве самостоятельных оконченных преступлений («усеченные» составы). Нельзя согласиться с мнением С. П. Мокринского, что ст. 19 УК допускает добровольный отказ и в подобного рода случаях. «Едва ли кто согласится,—пишет С. П. Мокринский,—признать нормальным, чтобы решение вопроса о применении или неприменении уголовных санкций было поставлено в зависимость от совершенно случайного обстоятельства, от редактирования состава преступления как полного или как «усеченного» деликта.

...Ст. 14 УК изд. 1922 г. и 2 ч. ст. 19 УК 1926 г. освобождают от уголовной ответственности всех, кто добровольно остановился на пути к нарушению охраняемого правом интереса, к действительному причинению вреда, без внимания к тому, вышел он или нет за пределы формально определяемого состава преступления»²

¹ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1949 г. № 9, стр. 19.

² С. П. Мокринский, Покушение и приготовление в советском праве, „Советское право“ 1927 г. № 1 (25), стр. 67, 68.

Законодатель сознательно пользуется конструкцией «усеченного» состава для усиления охраны тех или иных общественных отношений, учитывая, что уже само по себе приготовление или покушение в этих случаях настолько общественно опасно, что его следует признать самостоятельным оконченным преступлением. Таковы, например, организация банды, организационная контрреволюционная деятельность и т. д. Законодатель для этого и объявляет подобные действия самостоятельными преступлениями, чтобы, во-первых, устранить смягчение наказания по мотиву недоведения преступления до конца и, во-вторых, исключить возможность ссылки преступника на добровольный отказ как на обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности. Это усиливает репрессивный характер закона, его общепредупредительное значение, заставляет преступника остановить совершение преступления на более ранней стадии.

Уголовные кодексы союзных республик не содержат указаний о том, во всякой ли стадии неоконченного преступления возможен добровольный отказ от продолжения начатой преступной деятельности. Возможность такого отказа в стадии приготовления и при неоконченном покушении сомнений не вызывает. Что же касается возможности добровольного отказа при оконченом покушении, то этот вопрос представляет значительную сложность. Нельзя не согласиться с Н. Ф. Кузнецовой в том, что «по столь важному вопросу, как вопрос о том, подлежит или не подлежит лицо уголовной ответственности, в нашей уголовно-правовой, а тем более в учебной литературе не может быть двух мнений»¹. Однако в действительности это не так. По вопросу о возможности добровольного отказа при оконченом покушении между советскими криминалистами до сих пор нет единства мнений.

Многие советские криминалисты считают, что в случаях оконченого покушения добровольный отказ исключается. Противоположную точку зрения отстаивают А. А. Пионтковский, Н. Д. Дурманов и некоторые другие авторы.]

¹ Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, „Вестник Московского университета“, вып. 1, 1955, № 1, стр. 96.

А. А. Пионтковский признает возможность добровольного отказа в тех случаях оконченного покушения. «Когда между совершением всех действий, необходимых для наступления преступления, и действительным его наступлением имеется некоторый более или менее значительный промежуток времени в развитии причинной связи. В этих случаях добровольный отказ должен выражаться в активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата, например, отравитель дает противоядие своей жертве или приглашает своевременно врача... Деятельность, направленная на предотвращение наступления преступного результата, не увенчавшаяся успехом, не исключает уголовной ответственности»¹.

Подобная трактовка сущности добровольного отказа вызывает серьезные возражения. Она ставит применение наказания в зависимость не от субъективной вины, а от чисто случайного иногда обстоятельства—удалось ли покушавшемуся предотвратить наступление преступного результата. Советскому же уголовному праву, как известно, чуждо объективное вменение².

В случаях оконченного покушения добровольный отказ исключается, так как виновным уже совершены все действия, которые он считал необходимыми для приведения своего намерения в исполнение. Эти действия уже сами по себе могли причинить преступный результат, если бы этому не помешали обстоятельства, не зависящие от преступника. Добровольный отказ—это отказ от продолжения начатого преступления. Он выражается в том, что субъект по собственной инициативе прекращает дальнейшее совершение преступного деяния. Такой отказ возможен, разумеется, лишь тогда, когда уже выполненные субъектом действия еще не могут причинить общественно опасный результат и ненаступление последнего может быть обеспечено про-

¹ „Уголовное право, Общая часть“, М., 1948, стр. 402—403; см. так же, „Советское уголовное право, часть Общая“, М., 1952, стр. 285.

² См. правильные указания по этому вопросу в работах М. Д. Шаргородского: Рецензия на 3 издание учебника Общей части уголовного права, изданного в 1943 году, „Социалистическая законность“ 1945 г. № 3, стр. 43; Преступления против жизни и здоровья, М., 1947, стр. 260—261; Вопросы Общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 132—133.

стым прекращением преступной деятельности, направленной на причинение этого результата.

Это не означает, конечно, что такое прекращение преступной деятельности (воздержание от ее продолжения) не может сопровождаться совершением тех или иных активных действий. Лицо, приобретя или приспособив для совершения преступления соответствующие орудия и средства, уничтожает последние; вор, проникший в запертое помещение путем подбора ключей, отказывается от совершения кражи, уходит и восстанавливает первоначальное положение, закрывая дверь на замок, и т. д. Обычно совершение при добровольном отказе подобного рода действий имеет целью сокрытие следов преступления. Однако и в этих случаях добровольный отказ выражается в воздержании от еще не выполненных действий, необходимых для завершения начатого преступления. Указанные выше активные действия лишь сопровождают добровольный отказ, но они не обязательны для освобождения субъекта от ответственности за приготовление или покушение.

Возможны далее отдельные случаи, когда восстановление первоначального положения является формой воздержания от причинения задуманного преступного результата. Мы имеем в виду случаи, когда процесс причинения общественно опасных последствий еще не начался, но уже создана возможность наступления этих последствий при появлении соответствующих условий, не зависящих от самого субъекта. Пока эти условия не появились, лицо, начавшее совершение преступления, может восстановить первоначальное положение путем ликвидации произведенных им изменений в объективном мире. Например, субъект, поставивший отравленный напиток в такое место, откуда его впоследствии могла взять намеченная жертва, отказывается от своего первоначального намерения совершить отравление и забирает отравленное питье обратно до того, как оно употреблено потерпевшим. Покушающийся на поджог обливает керосином стену дома, зажигает спичку, но, раздумав совершать преступление, гасит ее и удаляется. В этих и подобных им случаях субъект воздерживается от продолжения начатого преступления и его действия следует рассматривать как добровольный отказ от совершения преступления. Для отравления намеченной

жертвы необходимо, чтобы яд был введен в организм человека. Если это сделано путем насилия, хитрости, обмана или иным путем, но смерть не наступила, налицо оконченное покушение на отравление, и добровольный отказ исключается, хотя бы виновный путем вызова врача или дачи противоядия способствовал предотвращению результата. Устранение субъектом возможности принятия яда тем лицом, которое он намерен был отравить, ничем не отличается от уничтожения яда непосредственно перед тем, как дать его намеченной жертве. Следует согласиться с мнением Н. Д. Дурманова, что в подобного рода случаях «точнее говорить не о предотвращении результата, а об уничтожении произведенных изменений, которые должны были вызвать преступный результат». Однако вызывает возражение его утверждение о том, что рассматриваемые случаи добровольного отказа подтверждают точку зрения тех авторов, которые полагают, что в ряде случаев и при оконченном покушении возможен добровольный отказ, который должен выразиться в активных действиях. Думается, что устранение возможности принятия яда лицом, которое субъект хотел отравить, и другие подобные действия нельзя рассматривать как отказ от оконченного покушения на убийство или на совершение другого преступления. Оконченное покушение, как указывалось в главе III, выражается в таких действиях, которые сами по себе способны вызвать преступный результат, но этот последний все же не наступает вследствие обстоятельств, не зависящих от виновного. Поэтому оконченным покушением на отравление может быть признано лишь введение яда в организм потерпевшего, не приведшее к наступлению смерти. Н. Д. Дурманов сам признает, что употребление термина «оконченное покушение» в отношении действий по совершению преступлений, еще не закончившихся неудачей, является неточным. В случаях же, которые, несомненно, представляют оконченное покушение, добровольный отказ невозможен, что косвенно признает и Н. Д. Дурманов. Соглашаясь с М. Д. Шаргородским, он указывает, что при покушении на убийство, произведенном с применением огнестрельного и холодного оружия, добровольный отказ возможен до того, как произведен первый выстрел или нанесен первый удар ножом или иным предметом с целью причинить

смерть. Согласно Н. Д. Дурманов и с утверждением М. Д. Шаргородского о том, что дача противоядия после принятия яда потерпевшим не может рассматриваться как добровольный отказ, так как наступление результата уже зависит не от виновного, а от особенностей организма, своевременности прибытия врача и т. д. «Обобщая приведенные М. Д. Шаргородским случаи,— пишет Н. Д. Дурманов,— следует прийти к выводу, что не может быть добровольного отказа, если действие преступника уже начало в какой-либо форме вредоносно воздействовать на объект и когда последующий результат или его исключение уже не зависели в полной мере от виновного»¹. Непонятно, как можно согласовать эти правильные высказывания Н. Д. Дурманова с его утверждением о том, что добровольный отказ может выразиться не только в уничтожении уже произведенных изменений в объективном мире и в восстановлении тем самым первоначального положения, но и в предотвращении путем активных действий того общественно опасного результата, который уже мог наступить. К сожалению, Н. Д. Дурманов не иллюстрирует этого своего утверждения примерами из судебной практики. В примерах же, которые обычно приводятся другими сторонниками признания возможности добровольного отказа при оконченном покушении (дача противоядия потерпевшему при отравлении и т. п.), Н. Д. Дурманов добровольного отказа не усматривает и правильно отмечает, что такие действия должны наказываться как оконченное покушение. Однако ему не удалось убедительно обосновать свою точку зрения о возможности добровольного отказа при оконченном покушении. Приведенная им аргументация, как мы видели, является противоречивой и не основана на материалах судебной практики. Более правильным нам представляется мнение тех авторов, которые полагают, что добровольный отказ возможен лишь в стадии приготовления и при неоконченном покушении.

Правильное решение вопроса о том, когда возможен добровольный отказ, имеет большое практическое значение, так как при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел нередко приходится провер-

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 199—202.

гать необоснованные ссылки обвиняемых (подсудимых) на наличие с их стороны добровольного отказа. Такие ссылки можно слышать не только от лиц, привлекаемых к ответственности за приготовление или неоконченное покушение, но и от субъектов, совершивших оконченное покушение и даже оконченное преступление.

Доводы обвиняемых в подкрепление их ссылки на добровольный отказ могут быть опровергнуты и не приняты во внимание, если они противоречат фактическим обстоятельствам совершения преступления, доказывающим отсутствие добровольного отказа, возможного на данной стадии развития преступной деятельности, или если выполнение преступления зашло так далеко, что возможность добровольного отказа вообще исключается.

Следует иметь в виду, что неопровергнутая ссылка на наличие добровольного отказа делает невозможным привлечение субъекта к уголовной ответственности. Не обвиняемый должен доказать свою невиновность, а органы правосудия обязаны доказывать виновность привлекаемого к уголовной ответственности лица, отсутствие с его стороны добровольного отказа или других обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, если данное лицо на них ссылается. Иное решение этого вопроса противоречило бы установленной в социалистическом уголовном процессе презумпции невиновности и правилам о бремени доказывания.

На этом вопросе ввиду его большой практической важности следует остановиться более подробно.

Конечно, лицо, ссылающееся на добровольный отказ как на обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, обычно старается доказать наличие такого отказа. Это естественно, ибо лицо, привлекаемое к ответственности, заинтересовано в том, чтобы доказать свою невиновность. Однако можно ли требовать от этого лица, чтобы оно само привело убедительные доводы в пользу своей невиновности? Можно ли отвергнуть ссылку на добровольный отказ только потому, что обвиняемый (подсудимый) ничем ее не обосновал или недостаточно подкрепил ее указанием на конкретные доказательства? На эти вопросы может быть дан только отрицательный ответ.

Но нельзя впадать и в другую крайность и признавать голословную ссылку обвиняемого на добровольный

отказ достаточным основанием для освобождения его от уголовной ответственности.

Практически вопрос о добровольном отказе, как нам представляется, должен решаться следующим образом.

Если субъект не задержан в момент выполнения приготовительных действий или действий, образующих неоконченное покушение, а об этих действиях стало известно по тем или иным данным лишь впоследствии, ссылка на добровольный отказ должна быть принята судом, если нет доказательств ложности утверждения подсудимого или данных, свидетельствующих о том, что совершение преступления было прекращено лишь ввиду его физической невозможности или намерения продолжить его в другое, более благоприятное время.

Такого мнения придерживается, по-видимому, и Пленум Верховного Суда СССР.

В своем постановлении от 2 сентября 1943 г. по делу С. и К. Пленум обосновал исключение из квалификации их действий обвинения в приготовлении к побегу из места заключения тем, что «по делу не является доказанным, чтобы С. и К., подделывая бланки и изготовив печати, ставили себе целью побег из места заключения; что если бы даже это обстоятельство и было установлено по делу, эти их действия не могут квалифицироваться как покушение¹ на побег, поскольку они сами отказались от своего первоначального намерения и никаких данных в деле не имеется, что побег не был ими осуществлен по причинам, от них не зависящим»².

Еще более характерно постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 апреля 1948 г. по делу В.

В., используя свое положение кассира железнодорожной станции, накануне проведения денежной реформы, 15 декабря 1947 г. внесла в кассу 1218 руб. деньгами старого образца, изъяла на эту сумму 1218 проездных билетов (стоимостью в один рубль каждый) и отнесла билеты к себе домой. У нее было намерение в

---

¹ Здесь допущена явная ошибка, так как действия С. и К. могли рассматриваться лишь как приготовление к побегу.

² „Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.“, М., 1948, стр. 19.

дальнейшем продать эти билеты через кассу пассажирам за деньги нового образца, а выручку присвоить.

Все изъятые билеты были обнаружены на квартире В. 21 декабря 1947 г. во время произведенного у нее обыска, причем 1118 билетов (4 катушки) В. бросила в присутствии лиц, производивших обыск, в печку, откуда билеты были извлечены и приобщены к делу в качестве вещественного доказательства.

В. пояснила, что, совершив приготовительные действия к хищению государственного имущества, она отказалась от совершения самого хищения.

Пленум Верховного Суда СССР признал это объяснение заслуживающим внимания на том основании, что В. с момента изъятия билетов до задержания дважды дежурила в кассе, но никаких мер для продажи билетов не предприняла, не доставила их даже из квартиры в кассу, объясняя это в одном случае боязнью раскрытия преступления ревизорами, в другом случае—осознанием незаконности своих действий. Усмотрев в действиях В. наличие добровольного отказа от продолжения начатого преступления, Пленум пришел к выводу об отсутствии в ее действиях состава преступления. Характерна формулировка оснований, по которым принята ссылка В. на добровольный отказ. «В.,—сказано в постановлении Пленума,—изъяв оплаченные ею предварительно билеты с целью их последующей продажи на деньги нового образца, отказалась затем от своего намерения, так как билеты оставались у нее на квартире и она не предпринимала никаких мер к их продаже»¹. Но то обстоятельство, что В. дважды после изъятия билетов дежурила в кассе, но билетов с квартиры туда не доставила, еще не может свидетельствовать о наличии добровольного отказа от совершения хищения. В. могла отложить реализацию изъятых билетов на более позднее время, когда прекратились бы проверки правильности проведения денежной реформы, затруднявшие совершение преступления. В. ведь сама призналась, что она боялась ревизоров. Если временный перерыв в продолжении преступной деятельности (на несколько дней) до более удобного случая стали бы рассматривать

¹ М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 103—104.

как доказательство добровольного отказа, то любой спекулянт, скупивший большое количество товаров с целью последующей их продажи по повышенным ценам, но еще не приступивший к перепродаже, смог бы избежать уголовной ответственности за совершенное им преступление, сославшись на добровольный отказ от продолжения начатого преступного деяния.

Формулировка оснований, по которым Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу о наличии со стороны В. добровольного отказа, показывает, что ссылка на последний принята именно потому, что она не опровергнута собранными по делу доказательствами, хотя и вызывает указанные выше сомнения. Эти сомнения не возникли, если бы В. сожгла незаконно изъятые ею из кассы проездные билеты до того, как совершенное ею приготовление к хищению было раскрыто, или представила бы какие-либо другие доказательства добровольного отказа. Однако такая обязанность не может быть возложена на субъекта по причинам, указанным нами выше¹. Поэтому заявление В. о добровольном отказе, косвенно подтверждаемое теми обстоятельствами, на которые указал в своем постановлении Пленум Верховного Суда СССР, не могло быть отвергнуто судом.

Разумеется, не может быть принята во внимание ссылка на «добровольный отказ» со стороны лица, за-

---

¹ Мы не согласны с утверждением А. Я. Вышинского, что «если обязанность доказывать правильность предъявленного обвинения лежит на обвинителе, то и обвиняемый или подсудимый не свободны от аналогичной обязанности в отношении положений, выдвигаемых ими в свою защиту. Здесь действует общий принцип: ...доказывать должен тот, кто является автором положения, требующего доказательства» (А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 242—243). Критикуемая А. Я. Вышинским в этой книге противополжная точка зрения, которой придерживается М. С. Строгович и другие советские процессуалисты, вытекает из основных принципов советского уголовного процесса, обеспечивающих строжайшее соблюдение социалистической законности при отправлении правосудия.

Недоведение преступления до конца по причинам, не зависящим от субъекта, является и необходимым признаком неоконченного преступления. Доказать это обязан обвинитель. Обосновать же это—значит установить вместе с тем и отсутствие добровольного отказа, подобно тому, как, доказывая факт совершения преступления именно данным лицом, обвинитель опровергает ссылку подсудимого на алиби или другие обстоятельства, якобы устанавливающие его непричастность к совершению преступления.

держанного в момент совершения приготовительных действий или действий, образующих покушение, или хотя бы и после совершения этих действий, но при наличии доказательств, что виновный прекратил совершение преступления лишь вследствие его физической невозможности или по другим, не зависящим от субъекта причинам.

§ 2. Деятельное раскаяние и другие обстоятельства, смягчающие ответственность за неоконченную преступную деятельность

Сторонники признания возможности добровольного отказа при оконченном покушении смешивают два различных понятия: добровольный отказ от продолжения начатого преступления как обстоятельство, во всех случаях исключаящее уголовную ответственность за приготовление и покушение, и принятие мер по предотвращению наступления преступного результата (деятельное раскаяние) как обстоятельство, смягчающее такую ответственность. Полное освобождение от наказания может иметь место и при деятельном раскаянии, если виновному благодаря принятым им мерам удалось полностью предотвратить причинение общественно опасных последствий своего деяния. Однако в отличие от добровольного отказа освобождение от наказания в этих случаях имеет своим основанием не отсутствие состава преступления, а наличие смягчающих обстоятельств, делающих нецелесообразным привлечение субъекта к уголовной ответственности, в таких случаях назначение наказания может быть исключено по усмотрению суда при наличии условий, указанных в ст. 8 УК.

Освобождая от наказания или значительно смягчая его в случаях предотвращения преступного результата, советские суды руководствуются тем соображением, что такая оценка деятельного раскаяния создает у лиц, совершающих преступление, стимул к предотвращению вредных последствий после того, как выполнены действия, могущие вызвать их наступление, и время для добровольного отказа уже упущено. Кроме того, учитывается меньшая общественная опасность субъекта,

совершившего покушение, но предотвратившего его возможные последствия.

Деятельное раскаяние должно рассматриваться лишь как смягчающее ответственность обстоятельство потому, что общественная опасность деяния в этих случаях не всегда исключается. Действия лица, направленные на предотвращение преступного результата, могут и не достичь этой цели, ибо при оконченном покушении устранение возможности наступления общественно опасных последствий уже не зависит в полной мере от виновного, так как для причинения этих последствий сделано все необходимое. Вряд ли можно согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, что могут быть такие случаи оконченного покушения, когда субъект еще господствует некоторое время над развитием причинения преступного ущерба, и что в этих случаях возможен добровольный отказ в форме активных действий, направленных на предотвращение преступного результата. В качестве примеров Н. Ф. Кузнецова приводит случаи покушения на отравление ядом замедленного действия, утопления и т. д., когда виновный дает противоядие, вызывает врача и тот спасает жертву и проч.¹ Н. Ф. Кузнецова не учитывает того, что в случаях оконченного покушения, как правильно отметил М. Д. Шаргородский, субъект уже перестает господствовать над развитием причинной связи². В самом деле, покушавшемуся может удастся предотвратить наступление результата, но часто такая попытка оказывается неудачной и результат наступает, так как для его причинения сделано все необходимое.

Таким образом, получается, что при одной и той же степени опасности самого преступника и совершенного им преступления, в результате одних и тех же действий, в которых выразилось деятельное раскаяние, результат может быть предотвращен, но может и наступить. Все это зависит от целого ряда случайных для преступника обстоятельств (вызванный при отравлении врач прибыл с опозданием или оказался недостаточно

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, „Вестник Московского университета“, вып. 1, 1955, № 1, стр. 99.

² См. М. Д. Шаргородский, Вопросы Общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 132.

опытным для спасения потерпевшего и т. д.). Усматривать при таких обстоятельствах в одних случаях отсутствие состава преступления, а в других случаях его наличие было бы непоследовательно. Поэтому деятельное раскаяние должно рассматриваться лишь как смягчающее ответственность обстоятельство. Степень смягчения ответственности или полное освобождение от наказания зависит от характера и результатов деятельного раскаяния, свидетельствующих о том, насколько опасным для общества является лицо, совершившее покушение.

Характерно, что и уголовные кодексы зарубежных социалистических стран, признающие предотвращение наступления преступного результата основанием для полного освобождения от наказания за покушение, все же различают добровольный отказ и деятельное раскаяние как разные понятия. Статья 16 УК Народной Республики Болгарии устанавливает: «При совершении покушения лицо не подлежит наказанию, если оно по собственному побуждению:

- 1) отказалось от доведения начатого преступления до конца или
- 2) предотвратило наступление преступных последствий». В уголовном кодексе Чехословацкой Республики о добровольном отказе и о деятельном раскаянии говорится в разных статьях (§ 5 и § 64).

Смещение добровольного отказа и деятельного раскаяния нашло свое наибольшее выражение в работе И. И. Слуцкого. Распространяя понятие добровольного отказа на все случаи деятельного раскаяния и учитывая, что последнее не всегда исключает уголовную ответственность, а рассматривается лишь как смягчающее вину обстоятельство, И. И. Слуцкий, вопреки прямому указанию закона (ч. 2 ст. 19 УК), признает добровольный отказ обстоятельством, устраняющим или смягчающим ответственность. «По общему правилу,—пишет И. И. Слуцкий,—добровольный отказ от преступления признается обстоятельством, исключаящим ответственность за предварительную преступную деятельность, предшествовавшую добровольному отказу, если совершенные при этом действия сами по себе не содержат признаков оконченного состава преступления. Однако при некоторых условиях добро-

вольный отказ может быть лишь обстоятельством, смягчающим ответственность лица, которое по собственному побуждению отказалось от доведения до конца начатого им преступления»¹. И. И. Слуцкий считает, что такое решение вопроса о значении добровольного отказа для определения преступности и степени наказуемости неоконченного общественно опасного деяния обеспечивает и наиболее правильное разрешение вопроса об ответственности лица, добровольно предпринимающего меры к предотвращению преступного результата своих действий независимо от того, на какой стадии совершения преступления эти меры предприняты. И. И. Слуцкий считает, что предлагаемое им понимание сущности и значения добровольного отказа «обеспечивает смягчение, а иногда и полное устранение ответственности лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, в случаях, когда юридически преступление окончено, но фактически еще не завершено (усеченные составы)», и, кроме того, «позволяет правильно разрешать вопросы ответственности в случаях добровольного отказа соучастников, а также лиц, совершающих длящееся или продолжаемое преступление»².

С такой конструкцией добровольного отказа согласиться нельзя. И. И. Слуцкий не учитывает того обстоятельства, что по действующему советскому уголовному законодательству добровольный отказ не по общему правилу, а всегда, во всех случаях исключает уголовную ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление.

Стремясь обосновать вопреки положениям закона свое мнение о возможности добровольного отказа и после выполнения виновным состава оконченного преступления, И. И. Слуцкий становится на путь противопоставления юридического и фактического окончания преступления. О каком отказе от доведения преступления до конца может идти речь, если преступление уже окончено, если состав преступления уже выполнен? Даже И. И. Слуцкий, вопреки сделанному им утверждению, что добровольный отказ возможен в лю-

¹ И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, Л., 1956, стр. 29—30.

² Там же.

бой стадии совершения преступления, в том числе после выполнения виновным состава оконченного преступления, вынужден признать, что «институт добровольного отказа неразрывно связан с учением о стадиях развития преступной деятельности, поскольку он может иметь место только при неоконченном преступлении»¹. Такое противоречивое решение вопроса о добровольном отказе вряд ли может содействовать «правильному осуществлению социалистического правосудия по уголовным делам», как это полагает И. И. Слудский². К тому же подобное положение противоречит и сложившейся судебной практике. Верховный Суд СССР всегда усматривает в случаях деятельного раскаяния наличие состава преступного деяния, учитывая раскаяние лишь как смягчающее вину обстоятельство, делающее возможным применение к преступнику смягченного наказания или полного его освобождения от ответственности за совершенное преступление. Так, в своем постановлении по делу З. Пленум Верховного Суда СССР признал деятельное раскаяние основанием для неприменения наказания за выполнение преступных действий, предусмотренных ст. 109 УК. З., работая в качестве председателя Н-ского райисполкома, отказался выполнить постановление Военного совета Н-ского фронта от 21 января 1942 г. о ежедневной доставке на ст. Н. в порядке трудгужповинности 500 м³ дров. Спустя несколько дней, 25 января 1942 г., З. осознал неправильность своего отказа, который мотивировался им загроуженностью по выполнению постановления исполкома областного совета по заготовке дров, и приступил к выполнению постановления Военного совета. По приговору военного трибунала З. был осужден по ст. 109 УК к условному наказанию. Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу о необоснованности приговора и прекратил дело о З. на основании ст. 8 УК. В качестве основания для прекращения дела Пленум указал на то, что «З. хотя и с опозданием, но приступил к выполнению постановления Военного совета, осознав неправильность своего первоначального отказа, что при

---

¹ И. И. Слудский, указанная работа, стр. 31 (см. также стр. 29, 37).

² См. там же, стр. 29.

Этих условиях, хотя в его действиях и имеются признаки преступления, но применение к нему наказания, даже условного, не вызывается целесообразностью, поскольку З. не представляет собой общественной опасности...»¹ Аналогичные указания содержатся и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 7 марта 1945 г. по делу М. В этом определении говорится: «Учитывая, что М... добровольно явился в органы НКВД и сдал имеющийся у него револьвер, следует считать, что назначенное ему судом наказание по ст. 202 УК Грузинской ССР (незаконное хранение оружия.— И. Т.) в четыре года лишения свободы является суровым»².

Таким образом, при длящихся преступлениях, когда состав оконченного преступного деяния уже выполнен, а также и во всех других случаях, когда действия виновного уже содержат в себе признаки оконченного преступления, может иметь место не добровольный отказ, а лишь деятельное раскаяние. Допущение И. И. Слуцким возможности добровольного отказа при недонесении о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, дезертирстве, незаконном хранении оружия и других подобных преступлениях после того, как они достигают стадии оконченного преступного деяния³, находится в явном противоречии с ч. 2 ст. 19 УК. Не случайно И. И. Слуцкий указывает, что добровольная передача органам власти оружия лицом, хранившим его без разрешения, исключает уголовную ответственность за незаконное хранение этого оружия в соответствии со ст. 8 УК⁴. Если И. И. Слуцкий усматривает в этом и в подобных случаях добровольный отказ, то непонятно, почему неприменима ст. 19 УК, которая посвящена специально добровольному отказу. Видимо, И. И. Слуцкий сам чувствует, что деятельное раскаяние нельзя признать добровольным отказом в смысле ст. 19 УК.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», М., 1948, стр. 27—28.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. V(XXI), стр. 21.

³ См. И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, Л., 1956, стр. 36, 39—40.

⁴ См. там же, стр. 39—40.

К деятельному раскаянию близко примыкают отказ от повторения покушения, принятие мер к устранению уже причиненных преступным деянием вредных последствий и явка с повинной.

Отказ от повторения покушения имеет место в тех случаях, когда лицо, совершив оконченное покушение, не повлекшее наступления преступного результата, и имея возможность повторить покушение, не делает этого. Например, лицо, выстрелившее с целью убийства в потерпевшего из пистолета, заряженного несколькими патронами, и не причинившее смерти, добровольно отказывается от повторения выстрела, имея возможность это сделать. Отказ от повторения покушения не может рассматриваться как добровольный отказ от совершения преступления, ибо преступник уже совершенными действиями мог причинить преступный результат. Неповторение нового покушения при наличии у виновного возможности его повторить может быть учтено судом при определении наказания как обстоятельство, свидетельствующее о меньшей общественной опасности покушавшегося.

Добровольное принятие мер к устранению причиненных преступным деянием вредных последствий (восстановление прежнего состояния, например, возвращение похищенной вещи, возмещение причиненного ущерба и т. д.), по общему правилу, не устраняет уголовной ответственности за совершенное преступление. Однако такое поведение субъекта может быть учтено судом при определении наказания как смягчающее вину обстоятельство. В определении Верховного Суда СССР от 29 марта 1952 г. специально указывается, что последующее возмещение ущерба, причиненного в результате хищения, не освобождает субъекта от ответственности за совершенное преступление, но может быть принято во внимание при назначении наказания¹. В некоторых случаях возвращение похищенного или возмещение причиненного ущерба, если они свидетельствуют об отсутствии общественной опасности виновного, могут служить основанием для неприменения наказания в соответствии со ст. 8 УК. В этом отношении характерно дело В. и С.

---

¹ См. "Судебная практика Верховного Суда СССР" 1952 г. № 6, стр. 15—16.

В., работавший слесарем механических мастерских 14-й дистанции службы пути и проживавший на одной квартире с кассиром той же дистанции пути Г., решил совместно со своим знакомым С. похитить из этой кассы деньги. С этой целью В. в ночь на 23 июля 1947 г. похитил у спящего Г. ключи от кассы, при помощи которых он вместе с С. похитил из кассы 1554 руб. денег и разные документы. После совершения хищения, уже возвратившись на квартиру, В. и С. испугались возможной ответственности и решили рассказать о совершенном ими преступлении. Г., выслушав их рассказ, пошел в милицию, а В. с С. опять проникли в кассу, положили туда похищенное, обождали прихода работников милиции и рассказали им о совершенном преступлении. В своем постановлении по этому делу от 11 июня 1948 г. Пленум Верховного Суда СССР указал, что «то обстоятельство, что они (В. и С.—И. Т.)...добровольно возвратили обратно похищенное, не является обстоятельством, влияющим на квалификацию преступления, или на вопрос об их виновности, так как в действиях осужденных имелись все признаки законченного состава преступления». Однако, учитывая, что факт добровольного возвращения похищенного имущества свидетельствует о том, что В. и С. не являются лицами, представляющими общественную опасность, Пленум в соответствии со ст. 8 УК отменил приговор и дело о них производством прекратил¹.

Явка с повинной субъекта, совершившего приготовление или неоконченное покушение, если продолжение начатого преступления было объективно возможно, представляет собой добровольный отказ от доведения преступления до конца и исключает уголовную ответственность за приготовление или покушение (причем, разумеется, для наличия добровольного отказа такая явка с повинной вовсе не обязательна, достаточно самого факта прекращения по собственному побуждению субъекта дальнейшего совершения данного преступления).

В остальных случаях, то есть при оконченном покушении и оконченном преступлении, добровольная явка

¹ См. „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1948 г., вып. VI, стр. 11—12.

в органы власти и сообщение о совершенном преступлении является смягчающим обстоятельством.

Учитывая явку с повинной, суд может применить к виновному условное осуждение или снизить ему наказание ниже низшего предела, установленного в соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса. Так поступил, например, Пленум Верховного Суда СССР в отношении Л., незаконно отпустившего Ч. государственное имущество, находившееся в ведении Л. На следующий же день Л. сообщил о совершенном им преступлении органам милиции и рассказал при этом о других участниках преступления. Учитывая явку Л. с повинной, а также некоторые другие смягчающие обстоятельства, Пленум в своем постановлении по данному делу от 23 июня 1950 г. пришел к выводу о необходимости применения в отношении Л. ст. 51 УК и по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» определил Л. наказание в виде одного года и шести месяцев лишения свободы без поражения в правах¹.

В отдельных случаях при наличии к тому оснований органы прокуратуры и суда могут в соответствии со ст. 8 УК вовсе не привлекать явившихся с повинной к уголовной ответственности. Такое решение было принято, например, компетентными органами в отношении М. Длительное время М. проживал в Западной Германии, где занимался воровством, за что неоднократно подвергался тюремному заключению. В 1954 году он был завербован американской разведкой и использовался ею по слежке за так называемыми перемещенными лицами, проживающими в Западной Германии. В январе 1956 года М. был направлен в Вашингтон для прохождения курса обучения в специальной разведывательной школе. После окончания подготовки М. был доставлен на самолете в Турцию и оттуда переброшен в СССР. Сразу же после перехода государственной границы М. явился в советские органы и сообщил, что он решил не выполнять возложенные на него американской

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1950 г. № 9 стр. 5—6.

разведкой задания (ему поручались сбор шпионских сведений об особо важных оборонных объектах и добывание любым путем различных советских документов: паспортов, военных билетов, командировочных удостоверений и др.). Учитывая, что М. явился с повинной и чистосердечно рассказал все о своем сотрудничестве с американской разведкой, соответствующие органы приняли решение не привлекать М. к уголовной ответственности¹.

Указание на явку с повинной как на обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность за совершенное преступление, содержится в уголовных кодексах некоторых зарубежных социалистических государств. Так, согласно п. 8 ст. 48 УК Корейской Народно-Демократической Республики явка с повинной признается смягчающим обстоятельством, учитываемым при определении наказания. В ст. 7 Декрета № 151 Президента Демократической Республики Вьетнам о санкциях против помещиков, нарушающих законы, изданного 12 апреля 1953 г., указывается, что «лица, чистосердечно сознавшиеся в совершении преступлений до их раскрытия, подлежат в зависимости от тяжести совершенного ими деяния или степени их раскаяния смягченному наказанию или полному освобождению от него»². В ст. 5 принятого 21 апреля 1952 г. Центральным Народным Правительственным Советом Положения о наказаниях за коррупцию в Китайской Народной Республике указывается, что к виновным в коррупции³ следует относиться снисходительно, смягчать наказание или же освободить от уголовного наказания и налагать администра-

---

¹ См. „Правда“ 19 декабря 1956 г. Ряд аналогичных случаев описан в газете „Правда“ 13 апреля 1957 г. и в некоторых других номерах.

² „Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств, (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика, Демократическая Республика Вьетнам)“, М., 1957, стр. 90.

³ Согласно ст. 2 названного Положения коррупцией признается захват, хищение, присвоение путем вымогательства имущества других лиц, взяточничество и другие незаконные действия, совершаемые в целях извлечения личной выгоды под видом соблюдения общественных интересов работниками государственных учреждений, предприятий и учебных заведений и подведомственных им органов.

тивное взыскание в случае признания этими лицами своей вины по собственной инициативе прежде, чем было раскрыто преступление, а равно в случае разоблачения ими других лиц, виновных в коррупции¹.

Специальный случай освобождения от наказания явившихся с повинной предусмотрен примечанием к ст. 118 УК. С целью облегчения раскрытия случаев взяточничества и усиления борьбы с ними законодатель установил, что взяточдатели и посредники во взяточничестве освобождаются от уголовной ответственности, если они немедленно после дачи взятки добровольно заявят о совершенном преступлении. Аналогичные нормы имеются также в уголовном праве зарубежных социалистических стран (см., например, примечание к ст. 131 УК Монгольской Народной Республики). В уголовном законодательстве Китайской Народной Республики явка с повинной лиц, давших взятку, и посредников во взяточничестве рассматривается как смягчающее ответственность обстоятельство, учитываемое при определении наказания. В статье 6 Положения о наказаниях за коррупцию в Китайской Народной Республике устанавливается, что лица, дававшие взятки государственным должностным лицам или рекомендовавшие взяточников, в случае, если они чистосердечно и полностью признались в своей вине и разоблачили лиц, бравших взятки, подвергаются более мягкому наказанию: на них налагается штраф, и они освобождаются от другого уголовного наказания².

Законодатель прибегает иногда к полному освобождению от ответственности или значительному смягчению наказания в отношении тех советских граждан, которые встали на путь совершения контрреволюционных преступлений под влиянием враждебной пропаганды. Тем самым этим гражданам дается возможность вернуться к честной трудовой жизни. Советское государство всячески содействует добровольному возвращению на родину советских граждан, оказавшихся за границей, в числе так называемых «перемещенных» лиц и «беженцев».

С этой целью 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских

¹ „Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств“, М., 1957, стр. 11.

² См. там же.

граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Учитывая достижения во всех областях хозяйственного и культурного строительства и в деле дальнейшего укрепления социалистического государства, а также прекращение состояния войны между СССР и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР счел возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В Указе специально отмечается, что в соответствии с действующим законодательством суды должны рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны тяжкие преступления против советского государства. Указ установил, что в этих случаях назначаемое судами наказание не должно превышать пяти лет ссылки.

Аналогичные меры приняты законодательными органами и правительствами стран народной демократии. Так, в январе 1956 года Президиум Народного собрания Народной Республики Албании издал Указ об амнистии албанских подданных, находящихся за границей и совершивших преступления в период антинародного режима, национально-освободительной борьбы или после освобождения родины. Президиум Народного собрания постановил освободить их от уголовной ответственности при условии возвращения на родину до 31 декабря 1957 г. В отношении же лиц, совершивших тяжкие преступления против народа и родины, Указ устанавливает, что их добровольное возвращение в Народную Республику Албанию будет рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство.

Явка с повинной является основанием для смягчения наказания или полного освобождения от наказания за контрреволюционную деятельность и в законодательстве Китайской Народной Республики. Согласно ст. 14 Положения о наказании за контрреволюционную деятельность, утвержденного Советом Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики 10 февраля 1951 г., к лицам, совершившим преступления, пре-

дусмотренные названным Положением, «может быть проявлено снисхождение, наказание им может быть облегчено или же они могут быть вовсе освобождены от наказания... если они добровольно явились к народному правительству, признали свою вину и искренне раскаялись в содеянных преступлениях»¹.

Совет Министров Германской Демократической Республики указал в своем заявлении от 12 апреля 1955 г., что правительство обеспечит ненаказуемость и нестрогое отношение к тем, кто своевременно порвет с империалистической агентурой и добровольно явится в органы государственной безопасности.

Признание перечисленных в настоящем параграфе обстоятельств устраняющими или смягчающими ответственность за неоконченное или оконченное преступление имеет большое значение в деле борьбы с преступностью. Об этом очень хорошо сказано в объяснительной записке Правительства Чехословацкой Республики к проекту УК. Необходимость введения института деятельного раскаяния в этой объяснительной записке показана следующим образом: «Дело охраны наиболее важных интересов общества требует, чтобы тяжкие противогосударственные и иные деяния, угрожающие в высшей степени интересам общества, были своевременно раскрыты или чтобы наступление их вредных последствий было иным образом воспрепятствовано, а именно ценой освобождения преступника или кого-либо из участников преступного деяния от наказания. Интересы наказания преступника здесь уступают интересам действенной охраны интересов общества»².

Мы полагаем, что в перечне смягчающих вину обстоятельств, который будет дан в новых уголовных кодексах союзных республик, целесообразно указать устранение или возмещение причиненного ущерба и явку с повинной. В статье о добровольном отказе и деятельном раскаянии должно быть установлено, что предотвращение вредных последствий влечет за собой полное осво-

---

¹ „Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств“, М., 1957, стр. 7.

² М. А. Гельфер, Уголовное право Чехословацкой Республики, М., 1951, стр. 142—143.

бождение от наказания, а неудавшаяся попытка такого предотвращения—значительное его смягчение.

§ 3. Особенности добровольного отказа и деятельного раскаяния соучастников преступления

В советском уголовном законодательстве нет никаких указаний о добровольном отказе и деятельном раскаянии соучастников. Соответствующие нормы мы находим в уголовных кодексах зарубежных социалистических стран. Так, в Уголовном кодексе Чехословацкой Республики указывается, что «подстрекатели и пособники не подлежат наказанию, если они добровольно воспрепятствовали совершению преступного деяния лицом, которое они подстрекали или которому оказывали помощь» (п. 5 § 7). Добровольный отказ подстрекателя и пособника должен выражаться, таким образом, в совершении таких активных действий, которые лишают исполнителя возможности совершить задуманное или уже начатое им преступление и тем самым предотвращают причинение действиями исполнителя вредных последствий.

Преступления, совершаемые в соучастии, представляют повышенную общественную опасность. Поэтому для наличия добровольного отказа соучастника недостаточно одного лишь прекращения дальнейшего участия в преступлении. Соучастник своими действиями оказал исполнителю содействие в выполнении преступления, поэтому он отвечает не только за свое поведение, но и за преступную деятельность исполнителя и других соучастников, если она охватывалась умыслом данного соучастника. В связи с этим подстрекатель, пособник и укрыватель, как участники преступной деятельности, могут рассчитывать на освобождение от наказания лишь в том случае, если они воспрепятствуют исполнителю окончить то преступление, совершению или сокрытию которого они содействовали. Как правильно указывает Н. Ф. Кузнецова, «своими активными действиями пособник и подстрекатель должны изъять, так сказать, свой вклад в планируемое преступление»¹. Пособник должен отнять переданные им исполнителю орудия преступления или

¹ Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета», вып. 1, 1955, № 1, стр. 103.

ным путем свести на нет свое участие в преступлении. Подстрекатель должен разубедить исполнителя в его намерении совершить преступление или каким-либо другим путем воспрепятствовать продолжению преступной деятельности.

По своим внешним чертам добровольный отказ соучастников напоминает деятельное раскаяние исполнителя, также выражающееся в совершении активных действий, направленных на предотвращение вредных последствий преступного деяния. Однако только этим и ограничивается сходство между деятельным раскаянием исполнителя и добровольным отказом подстрекателя и пособника. Существенное различие между ними заключается в том, что добровольный отказ соучастника, как и добровольный отказ исполнителя, возможен лишь на определенных стадиях совершения последним преступления—в стадии приготовления или неоконченного покушения.

Если исполнителем уже совершены действия, могущие причинить преступный результат, безнаказанность соучастника может быть обеспечена лишь в результате принятия им мер по предотвращению наступления общественно опасных последствий, то есть путем деятельного раскаяния.

Иначе решен этот вопрос в ст. 123 УК Румынской Народной Республики, согласно которой «подстрекатели или пособники не подвергаются наказанию, если до начала совершения преступного деяния добровольно препятствовали совершению деяния или не дали возможности остальным соучастникам использовать добытые средства в целях совершения или исполнения задуманного деяния». Если учесть, что началом совершения преступного деяния Румынский Уголовный кодекс признает лишь покушение (приготовление по этому кодексу как стадия преступления ненаказуемо), то можно прийти к выводу, что Уголовный кодекс Румынии допускает возможность добровольного отказа подстрекателя и пособника лишь в стадии совершения исполнителем приготовительных действий.

Н. Ф. Кузнецова еще более суживает круг случаев, когда возможен добровольный отказ подстрекателя и пособника. По ее мнению, такой отказ может иметь место до того, как исполнитель приступил к осуществле-

нию задуманного преступления. Если исполнителем совершены хотя бы подготовительные действия, возможность добровольного отказа исключается. Мотивируется это тем, что выполнение исполнителем подготовительных действий или покушения якобы является уже результатом действий пособника и подстрекателя. Н. Ф. Кузнецова полагает, что «в соучастии действия пособников и подстрекателей связаны с преступным результатом обуславливающей, а не причинной... связью. В причинной связи с преступным результатом находятся действия исполнителя... Пособники и подстрекатели создают лишь необходимые условия этого причинения. Причинная связь имеется между действиями подстрекателей и пособников и совершением исполнителем тех или иных преступных действий (подготовительных действий или исполнения преступления)»¹. Такое решение вопроса нам представляется спорным. По нашему мнению, сущность соучастия заключается в совместном умышленном причинении преступного результата действиями двух или более лиц. Между действиями соучастников и этим результатом, безусловно, имеется причинная связь. При решении вопроса о добровольном отказе соучастников следует исходить из единого понятия оконченного преступления и преступного результата. Нельзя считать подготовительные и иные действия исполнителя преступным результатом действий соучастников. Действия последних опасны именно тем, что они находятся в причинной связи с причинением общественно опасных последствий.

Из общего правила о том, что добровольный отказ подстрекателей и пособников может выразиться лишь в активных действиях, имеется одно исключение. Добровольный отказ пособника может быть осуществлен и путем простого воздержания от дальнейшего участия в совершении преступления. Это может иметь место в тех случаях, когда пособник лишь обещал исполнителю содействие, без которого последний не в состоянии совершить преступление, но никаких конкретных действий для выполнения обещанного еще не предпринял. Изло-

¹ Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета», вып. 1, 1955, № 1, стр. 102.

женное правило распространяется, разумеется, и на заранее обещанное укрывательство, которое по сути дела является лишь специальным видом пособничества.

Если исполнитель уже предпринял совершение действий, могущих вызвать наступление преступного результата, подстрекатель и пособник должны воспрепятствовать причинению этими действиями вредных последствий. Такое их поведение должно рассматриваться как деятельное раскаяние, то есть как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, а в отдельных случаях и вовсе устраняющее таковую. Если подстрекателю и пособнику удалось предотвратить наступление преступного результата, они, как правило, должны освобождаться от уголовной ответственности. Хотя в их действиях и имеется состав преступления, однако в связи с отпадением общественной опасности субъекта привлекать их к ответственности нецелесообразно. Если же соучастнику, несмотря на принятые им меры, не удалось предотвратить причинение исполнителем общественно опасных последствий, деятельное раскаяние должно рассматриваться лишь как смягчающее вину обстоятельство.

Деятельное раскаяние подстрекателя и пособника может принять форму личного вмешательства с целью прекращения преступной деятельности исполнителя или предотвращения ее вредных последствий или же сообщения компетентным органам власти о совершаемом преступлении, благодаря чему эти органы получают возможность своевременного пресечения начатого преступления. Важно лишь, чтобы благодаря действиям данного соучастника совершение преступления было предотвращено и вследствие этого не был причинен ущерб социалистическим общественным отношениям.

Что касается укрывателей, то они освобождаются от ответственности, если прекратят дальнейшее сокрытие преступления и по собственной инициативе сообщат о нем органам власти. Такую позицию по данному вопросу занял Верховный Суд СССР в своем определении от 23 февраля 1949 г. по делу С.

Муж С. был задержан 17 октября 1947 г. за хищение мануфактуры с фабрики. С., узнав об этом во время случайной встречи с мужем в отделении милиции, спрятала по просьбе мужа ранее похищенные им 8 м ману-

фактуры, чтобы способствовать освобождению мужа от ответственности за это предыдущее хищение. Похищенные затем мануфактуру и головные платки она спрятала под мусором в соседнем доме. Однако 18 октября 1947 г. С. явилась в отделение милиции и по собственной инициативе рассказала о совершенном ее мужем хищении 8 м мануфактуры и головных платков. С. указала место, где похищенные вещи были спрятаны, и по ее указанию органами милиции эти вещи были изъяты.

Только после показаний, данных С., органам расследования стало известно о совершении ее мужем за два дня до его задержания, то есть 15 октября 1947 г., кражи мануфактуры и платков с фабрики.

Учитывая обстоятельства дела, Верховный Суд СССР признал неправильным приговор народного суда, по которому С. была осуждена по ст. 17 УК и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также определение городского суда, переквалифицировавшего действия С. на ст. 17 УК и ст. 1 того же Указа. Верховный Суд указал, что «в данном случае нет оснований рассматривать как соучастие в хищении действия С., выразившиеся в том, что она, поддавшись влиянию своего мужа, первоначально пыталась укрыть похищенные вещи, поскольку затем она отказалась от этого намерения, явилась в милицию и по своей инициативе рассказала о совершенной мужем 15 октября 1947 г. краже вещей, о чем до этого органам расследования не было известно». Не усматривая в действиях С. состава уголовно-наказуемого деяния, Верховный Суд СССР приговор и определение в отношении С. отменил и дело о ней в порядке ст. 4, п. 5, УПК РСФСР производством прекратил. В тезисе к определению коллегии указывается, что «лицо, скрывшее имущество, похищенное другим лицом, может быть освобождено от ответственности, если оно затем добровольно и по своей инициативе передаст органам власти похищенное и сообщит о факте хищения»¹.

¹ „Судебная практика Верховного Суда СССР“ 1949, № 5 стр. 17.

Такое решение вопроса следует признать правильным. Укрывательство выражается в сокрытии преступника и следов преступления. Если же преступление разоблачено укрывателем, хотя бы до этого и совершившим некоторые действия для сокрытия преступления, нельзя говорить о наличии укрывательства, так как оно в подобных случаях превращается в разоблачение преступника и совершенного им общественно опасного деяния.

Уголовные кодексы зарубежных социалистических стран содержат особое положение об освобождении от наказания участника преступного сообщества, который до совершения сообществом задуманного преступления добровольно сообщит соответствующим органам все известное об этом сообществе и поможет предотвратить совершение преступного деяния. Такая норма содержится, в частности, в ст. ст. 72, 93 и 236 УК Народной Республики Болгарии, а также в § 64 УК Чехословацкой Республики.

Наше уголовное законодательство таких указаний не содержит.

Мы полагаем, что при практическом решении соответствующих вопросов целесообразно руководствоваться следующими положениями.

До того, пока преступное сообщество не приступило к непосредственному выполнению действий, могущих вызвать наступление преступного результата, добровольный отказ члена сообщества может выразиться в выходе из преступной организации. Тем самым лицо отказывается от дальнейшего участия в преступлении и его действия не становятся в причинную связь с последующим причинением общественно опасных последствий. В случаях же какого-либо содействия участником этой организации предстоящему совершению уголовно-наказуемых действий он должен путем активных действий ликвидировать свое участие в преступлении, то есть сделать так, чтобы его помощь не была использована¹.

¹ Н. Ф. Кузнецова приводит следующий пример из судебной практики. В декабре 1950 г. С., К. и С н, вооруженные огнестрельным оружием, по предварительномуговору между собой, направились к магазину № 3 Озерского торго для совершения хищения. В пути следования к магазину С-н решил участия в преступлении не принимать и отстал от своих товарищей. Остальные два члена шайки подошли к магазину, но в момент взлома поме-

Сказанное, разумеется, не распространяется на случаи, когда уже сам факт создания преступного сообщества и вступления в него объявлен в законе самостоятельным оконченным преступлением (ст. ст. 58¹¹ и 59⁹ УК): после выполнения виновным оконченного состава преступления добровольный отказ невозможен. В этих случаях, а также в случаях, когда преступное сообщество уже приступило к совершению действий, могущих причинить общественно опасные последствия, участник сообщества может быть освобожден от ответственности, если он своими активными действиями воспрепятствует наступлению общественно опасных последствий (деятельное раскаяние).

Деятельное раскаяние подстрекателя и пособника, которым не удалось воспрепятствовать окончанию преступления исполнителем или предотвратить вредные последствия, а также члена преступной организации, с запозданием сообщившего органам власти о ее существовании и тем самым не обеспечившего пресечения совершения этой организацией преступления, может быть

щения были задержаны работниками милиции. Хотя С-н участия в самом хищении и не принимал, он был осужден вместе с остальными участниками шайки за покушение на хищение по ст. 19 УК и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. „Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества“.

В кассационной жалобе адвокат С-на просил признать в действиях его подзащитного наличие добровольного отказа от хищения. На суде С-н также объяснял, что он отстал от остальных членов шайки, так как отказался от своего первоначального намерения принять участие в хищении. Однако как Московский областной суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции, так и Верховный суд РСФСР, рассматривавший дело в кассационном порядке, не нашли в действиях С-на добровольного отказа от хищения.

Н. Ф. Кузнецова считает, что и тот и другой суд поступили правильно, так как „в приведенном примере члены шайки перешли от подготовительных действий до создания шайки к непосредственному осуществлению плана хищения“ (Н. Ф. Кузнецова, Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве, „Вестник Московского университета“, вып. 1, 1955, № 1, стр. 104—105). Мы полагаем, что в действиях С-на был добровольный отказ в стадии приготовления к хищению, если его участие в преступлении выразилось лишь в стоворе совершить последнее и в следовании к месту хищения и если при этом он не снабдил других участников шайки орудиями взлома или оружием. Сам факт следования к месту преступления также является приготовлением.

учтено судом при определении меры наказания как смягчающее вину обстоятельство.

Особо следует остановиться на вопросе о влиянии добровольного отказа исполнителя преступления на ответственность его соучастников.

Если добровольный отказ исполнителя является результатом воздействия со стороны подстрекателя или пособника, то добровольный отказ имеется и на стороне последних. Могут быть, далее, случаи, когда добровольный отказ исполнителя является лишь обстоятельством, смягчающим вину соучастников. Мы имеем в виду случаи, когда добровольный отказ исполнителя вызван тем, что подстрекатель не проявил должного упорства и настойчивости по созданию у исполнителя твердой решимости совершить преступление, а пособник оказал помощь не в том объеме, как это было договорено между исполнителем и пособником.

Однако было бы неправильно рассматривать всякий добровольный отказ исполнителя как обстоятельство, смягчающее вину соучастников преступления. Нельзя согласиться с И. И. Слуцким, который считает, что «добровольный отказ исполнителя не только освобождает последнего от уголовного преследования, но даже может быть учтен в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность подстрекателя и пособника, ибо добровольный отказ исполнителя можно в известной мере рассматривать как следствие недостаточной активности подстрекателя»¹. В такой общей форме по отношению ко всякому добровольному отказу исполнителя приведенное утверждение И. И. Слуцкого является неправильным. Не следует забывать, что во многих случаях исполнитель добровольно отказывается от совершения преступления независимо или даже вопреки воле соучастников. В таких случаях добровольный отказ имеется только на стороне исполнителя. Этот отказ может быть учтен как обстоятельство, несколько смягчающее ответственность соучастников лишь в том смысле, что преступление, все же, хотя и независимо от подстрекателя и пособника, не было совершено. Кроме того, в этих случаях судом должны учитываться наличие или

---

¹ И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, Л., 1956, стр. 35.

отсутствие последствий преступного деяния, а также их тяжесть.

При добровольном отказе исполнителя и при отсутствии такого отказа со стороны подстрекателя и пособника последние несут уголовную ответственность не за соучастие в преступлении, а за приготовление к соответствующему преступлению (неудавшиеся подстрекательство и пособничество). Такая квалификация этих действий объясняется тем, что в случаях добровольного отказа исполнителя его действия теряют характер приготовления или покушения, они не содержат признаков преступного, уголовно-наказуемого деяния.

В заключение следует отметить, что все то, что говорилось в предыдущем параграфе о явке с повинной и других смягчающих обстоятельствах, примыкающих к деятельному раскаянию, в полной мере относится и к случаям совершения преступления несколькими лицами (соучастниками).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с содержанием настоящей работы мы полагаем, что в Общей части уголовных кодексов целесообразно предусмотреть следующие четыре статьи, непосредственно относящиеся к вопросам ответственности за неоконченное преступление.

1. В первой статье должно быть дано определение начальной стадии преступления—приготовления. В определении следует указать, что приготовлением признаются умышленные общественно опасные действия, являющиеся началом осуществления преступления и выражающиеся в приобретении, приискании орудий и средств преступления, подыскании соучастников и вообще в создании условий для выполнения состава оконченного преступления. В этой статье должно быть указано, что приготовление наказывается лишь в случаях, специально указанных в Особенной части кодекса.

2. Следующая статья должна содержать определение второй стадии неоконченного преступления—покушения. Статья эта может иметь примерно такое содержание: «Покушением признается умышленное общественно опасное деяние, непосредственно направленное на выполнение состава оконченного преступления, но не достигшее этой цели по причинам, не зависящим от воли действовавшего лица».

3. Поскольку критерии определения наказания за приготовление и покушение в основном одни и те же, их целесообразно изложить в одной, общей статье. Этому вопросу и должна быть посвящена третья статья, в которой в соответствии с принципом факультативного смягчения наказания за неоконченную преступную деятельность должно быть установлено, что пригото-

ние и покушение наказываются по статье, предусматривающей соответствующее оконченное преступление, однако при определении наказания учитываются стадия совершения преступления, обстоятельства и причины, в силу которых преступное деяние не было доведено до конца, степень подготовленности преступления, а также близость наступления преступного результата. При этом необходимо отметить, что оконченное покушение ввиду его большей общественной опасности наказывается более строго, чем неоконченное.

Целесообразно оговорить право суда снижать наказание за приготовление ниже низшего предела, указанного в соответствующей статье Особенной части уголовного кодекса.

4. Четвертая статья должна быть посвящена добровольному отказу от продолжения начатого преступления и деятельному раскаянию. В этой статье необходимо указать, что уголовная ответственность за приготовление и неоконченное покушение исключается тогда, когда действующее лицо по собственному побуждению отказалось от доведения начатого преступления до конца, если, однако, совершенные действия содержат признаки другого оконченного преступления, лицо отвечает за это преступление.

Во второй части четвертой статьи следует установить, что в случае предотвращения виновным наступления вредных последствий совершенного им оконченного покушения или оконченного преступления наказание может быть вовсе исключено, а при неудавшейся попытке такого предотвращения—значительно смягчено.

Помимо указанных четырех статей, непосредственно относящихся к институту ответственности за неоконченное преступление, в статьях, посвященных изложению вопросов соучастия, должно быть установлено, что:

а) подстрекатели и пособники в случае, когда лицо, которое они склоняли к совершению преступления или которому оказывали содействие в выполнении преступления, не совершило никакого преступного деяния (оконченного или неоконченного),—отвечают как за приготовление к преступлению;

б) организаторы и участники преступной организации в тех случаях, когда этой организацией не было еще совер-

шено никаких преступных действий, подлежат уголовной ответственности за приготовление к преступлению;

в) подстрекатели и пособники не подлежат наказанию, если они по собственному побуждению откажутся от дальнейшего участия в преступлении и воспрепятствуют окончанию преступления или предотвратят наступление вредных последствий; если в уже совершенных действиях имеются признаки другого оконченного преступления, лицо отвечает за это преступление;

г) участник контрреволюционной организации или иного преступного сообщества не подлежит уголовной ответственности, если он до совершения сообществом задуманного преступления сообщит добровольно все известное об этом сообществе органам власти и поможет предотвратить выполнение преступного деяния.

В перечень смягчающих вину обстоятельств должны быть включены устранение или возмещение причиненного ущерба и явка с повинной.

В Особенной части уголовных кодексов союзных республик необходимо дать перечень преступлений, приготовление к которым должно влечь уголовную ответственность. К их числу, по нашему мнению, должны быть отнесены такие преступления, как преступления против государственного и общественного строя, хищение государственного и общественного имущества, умышленное убийство, разбой, подделка денежных знаков и государственных ценных бумаг, умышленное истребление и повреждение важных объектов государственной и общественной собственности, дача и получение взятки, спекуляция, квалифицированный подлог документов и сбыт поддельных документов, учреждение лжекооператива и уклонение от военной службы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Основания наказуемости и понятие неоконченного преступления	
§ 1. Основания уголовной ответственности за неоконченное преступление	7
§ 2. Общее понятие неоконченного преступления и его отличие от оконченного преступления	21
§ 3. Неоконченное преступление как общественно опасное действие или бездействие, направленное на осуществление преступного намерения	27
<i>Глава вторая.</i>	
Приготовление к преступлению	
§ 1. Понятие приготовления к преступлению	36
§ 2. Отличие приготовления от обнаружения умысла	51
§ 3. Наказуемость приготовления к преступлению по действующему советскому уголовному законодательству	58
§ 4. Какой должна быть конструкция ответственности за приготовление к преступлению	74
<i>Глава третья</i>	
Покушение на преступление	
§ 1. Понятие покушения на преступление	85
§ 2. Разграничение покушения на преступление и приготовления к преступлению	96
§ 3. Разграничение покушения и оконченного преступления	109
§ 4. Разграничение покушения и сходных с ним оконченных преступных посягательств на другой объект	146
§ 5. Виды покушения на преступление	157
§ 6. Наказуемость покушения на преступление	176

Глава четвертая

Преступления, при реализации которых невозможны
приготовление и покушение

- § 1. Преступления, при совершении которых приготовление и покушение невозможны в силу особых свойств субъективной стороны преступного деяния 191
- § 2. Преступления, исключающие возможность неоконченной преступной деятельности в силу их объективных признаков 202

Глава пятая

Добровольный отказ от преступления и деятельное
раскаяние

- § ① Добровольный отказ от продолжения начатого преступления 214
- § ② Деятельное раскаяние и другие обстоятельства, смягчающие ответственность за неоконченную преступную деятельность 234
- § 3. Особенности добровольного отказа и деятельного раскаяния соучастников преступления 247
- Заключение 256

— * —

Тишкевич Иван Станиславович
Приготовление и покушение
по советскому уголовному праву
(понятие и наказуемость)

— * —

Редактор *И. М. Черных*   Художник-форматель *Л. С. Морозова*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина*

Слано в набор 23/IV-1958 г.   Подписано к печати 17/XI-1958 г.
Формат бумаги 84 x 108 1/32.   Объем: физ. печ. л. 8,13 условн. печ. л. 13,33;
учетно-изд. л. 11,33.   Тираж 7 000.   А-10605.   Цена * р. 20 к.

Госиздат — Москва, Б-61, ул. Чкалова, 38-40

Алатырская типография № 2 Министерства культуры Чувашской АССР
Заказ № 1544.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка ¹	Напечатано	Следует читать
25	2 сверху	стороны	стороны ¹
81	5 снизу	состав преступления	Состав преступления
118	6 снизу	² См. Н. Д. Дурманов	² Н. Д. Дурманов
171	13 сверху	невыгодно	негодного
175	20 снизу	социалистических	социалистических
200	2 снизу	жизни	жизни и
201	9—8 снизу	Кузнецов	Кузнецова